

ROSSICA OLOMUCENSIA

XLIV

(ZA ROK 2005)

1. část

Ročenka katedry slavistiky
na Filozofické fakultě
Univerzity Palackého

Olomouc 2006

*Этот сборник посвящен 80-летию Юбилею давнего друга нашей кафедры,
замечательного человека и филолога,
профессора Петербургского университета Галины Алексеевны Лилич*

Za jazykovou a stylistickou správnost odpovídají autoři.

© Zdeněk Pechal, 2005
ISBN 80-244-1313-2
ISSN 0139-9268

OBSAH

Životní jubileum doc. PhDr. Evy Vysloužilové, CSc.	17
Vstupní referáty	19
<i>Мокиенко, В. М., Степанова Л. И.:</i> Двойной славистический юбилей	21
<i>Выходилова, З.:</i> Старое и новое в системе современного русского языка на фоне развития Славии.....	33
<i>Поспишил, И.:</i> Русская литература: стабильность и лабильность концепций.....	43
A. Lingvistika	55
<i>Боронникова, Н., Овчинникова Е.:</i> Семантика и функции лексемы «один» в русском и македонском языках.....	57
<i>Браздилова, Н.:</i> О переводе пьесы <i>Чайка</i> А. П. Чехова на чешский язык (сравнение некоторых аспектов переводов Л. Сухаржипы и Б. Матэзиуса)	63
<i>Бремер, Б.:</i> Выражение отрицательной оценки в русском и немецком языках. На материале научных рецензий	69
<i>Будняк, Д.:</i> Эволюционные процессы русского и украинского языков.....	75

<i>Бурдина, И.:</i> Проект федерального закона «О государственном языке Российской Федерации»	85
<i>Вагнерова, М.:</i> К характеристике одной группы заимствованных глаголов.....	91
<i>Верстрате-Ванде Виле, Х.:</i> Мир Сэйса Нотебоома: Язык и культура в переводе.....	97
<i>Воборжил, Л.:</i> Категория каузативности и выражение причинно-следственной связи в русском и чешском языках	103
<i>Грегор, Я.:</i> К характеру и типам согласованного определения в устойчивых глагольно-именных словосочетаниях (на материале публицистического стиля русского языка).....	111
<i>Григорянова, Т.:</i> Функция и характер англицизмов в творчестве современных русских писателей.....	121
<i>Дрёмина, А. Ю.:</i> Свойства SMS как письменного текста	127
<i>Ерофеева, Е. В.:</i> Современное соотношение социальных баз кодифицированного литературного языка, разговорной речи и просторечия	133
<i>Ерофеева, Т.:</i> Пермская социолингвистическая школа: итоги и перспективы исследования	139
<i>Коростенски, Й.:</i> Метафора в чешской и русской лексике	145

<i>Кузина, В.:</i> Место русского языка в прошлом, настоящем и будущем	151
<i>Лавриненко, А.:</i> О чешско-польском влиянии на язык южной и юго-западной Руси XIV–XV веков	157
<i>Ляхур, Ч.:</i> Проблемы описания предложных единиц в польском языке (к Межнародному проекту «славянский предлог в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис»)	163
<i>Мазур-Межва, Л.:</i> К вопросу о переводе поэзии (на материале польских переводов поэтического творчества Б. Окуджавы)	169
<i>Мамонова, Ю.:</i> Время как фрагмент наивной картины мира русских и чехов	175
<i>Милевская, Т.:</i> Мемуары и их место среди фактуальных жанров	181
<i>Милютин, Т. А.:</i> Соотношение общего и индивидуального в языке писателя с позиций перевода (на материале сравнительных оборотов повестей В. Распутина)	187
<i>Морозова, Г.:</i> Особенности ударения имен существительных женского рода на -а (-я) в поэтическом языке А. Майкова	193
<i>Мрвещова, Л.:</i> Социокультурный контекст и семантика ключевых терминов языка сферы торговли и предпринимательской деятельности – «коммерция», «бизнес» в русском и чешском языках	201

<i>Надь, А.:</i> К проблеме классификации грамматической синонимии: параллели – варианты – синонимы.....	207
<i>Оганесян, Д.:</i> Динамичность как свойство текста: переводческий аспект (на материале русского и чешского языков)	213
<i>Перчиньска, Б.:</i> Значение исследования агиографических памятников для истории русского языка	219
<i>Пилатова, Й.:</i> Стилистическое отражение общественно-политического события в русской и чешской газете.....	227
<i>Разумовская, В.:</i> Категория значения и выражения в лексике современного русского языка и их отражение в переводе	235
<i>Рыковска, М.:</i> Названия лиц по роду занятий в русском языке в культурологическом аспекте	241
<i>Соболева, Л.:</i> Некоторые параметры номинации личности по речевым признакам в различных языковых субкодах.....	247
<i>Соколова, И. А.:</i> Несвободные словосочетания с ядерным семантическим компонентом «значение, значимость» и их роль в текстоорганизации	253
<i>Тарасенко, Т.:</i> Речевой жанр как лингвистический и филологический объект.....	259

<i>Терехова, С.:</i> Система координат в сознании и языке русских и украинцев	265
<i>Флидрова, Г.:</i> О некоторых особенностях научной речи в области синтаксиса простого предложения (в русско-чешском сопоставительном плане)	271
<i>Франковска-Козак, Б.:</i> Аббревиатуры в приморской хремотонимии конца XX века	279
<i>Хазагеров, Г.:</i> Перспективы русской стилистики: от функции к интенции.....	285
<i>Харцярек, А.:</i> К проблеме некоторых вводных слов в польском, русском и чешском речевом общении.....	291
<i>Хисамова, Г.:</i> «Речевые маски» героев Василия Шукшина.....	297
<i>Чапига, З.:</i> <i>Пожалуйста</i> и его польские эквиваленты	303
<i>Шима, П.:</i> Спорные вопросы модернизированного перевода древнерусских текстов	309
<i>Шульга, М.:</i> Множественное число как исходная словоформа в славянском именном словоизменении.....	315
<i>Юнкова, Л.:</i> К русским юридическим текстам с точки зрения функциональных стилей	321

В. Literatura	345
<i>Апанович, Ф.:</i>	
«Внутренняя связь явлений» в поэтической картине мира Осипа Мандельштама	347
<i>Богатырёва, Н.:</i>	
Интерпретация современной российской действительности в творчестве Александра Курляндского.....	353
<i>Васильева, И. В.</i>	
Элементы пародии в стиле и языке прозы А. С. Пушкина.....	359
<i>Вельг, Т.:</i>	
«Из Москвы в Петушки, или из Петушков в Нью-Йорк?» К проблеме интерпретации литературы	365
<i>Гржибкова, Р.:</i>	
Детство и концепция человека в русской классической литературе	371
<i>Догнал, Й.:</i>	
Пласты интерпретации литературного произведения	377
<i>Заградка, М.:</i>	
И. С. Тургенев в оценке чешских критиков Ф. Кс. Шалды и А. Новака.....	383
<i>Калита, Л.:</i>	
Незаурядные люди и их необычные судьбы в <i>Портретах</i> Марка Алданова	391
<i>Карль, Ш.:</i>	
Антропологические подходы к изучению литературы. Радикально-антропологические концепции в «Страхе» А. Афиногенова и в «Самоубийце» Н. Эрдмана.....	397

<i>Ковальска-Паит, И.:</i> Русская неофициальная литература второй половины XX века и соцреализм (на материале поэзии Иосифа Бродского).....	403
<i>Комендова, Й.:</i> К методологии изучения древнерусского жития (на материале Жития Стефана Пермского).....	409
<i>Малей, И.:</i> Феномен поцелуя в творчестве Константина Бальмонта.....	415
<i>Моклецова, И.:</i> Возвращенная литература: жизнь и творчество А. М. Муравьева (1806–1874).....	421
<i>Мяновска, И.:</i> В кругу неизвестных имен литературы русского Израиля – путь к духовному совершенству Славы Курилова.....	429
<i>Пашкевич, А.:</i> Женский вопрос в творчестве Александра Амфитеатрова.....	435
<i>Пехал, З.:</i> Интерпретация литературного текста и метаморфозы ее контекстов.....	443
<i>Подчинов, А.:</i> Современные интерпретации творчества Ф. М. Достоевского.....	457
<i>Попова, Н.:</i> Концепт <i>немец</i> в произведениях В. И. Даля.....	463
<i>Рихтерек, О.:</i> К вопросу о переводе чеховской метафоры.....	469

<i>Рыбиньска, К.:</i> Мотив танца в <i>Петербурге</i> Андрея Белого и в <i>Улиссе</i> Джеймса Джойса.....	479
<i>Рычлова, И.:</i> Молодая русская драматургия («Новая драма») и ее интерпретация как вопрос.....	487
<i>Скотницка, Л.:</i> Сюжет дороги в русских путешествиях и путевых очерках XIX века	493
<i>Смирнов, В.:</i> Интерпретационные возможности журнального контекста в анализе некрасовской поэзии 70-х годов XIX века.....	499
<i>Смирнова, А.:</i> Значение интертекста в интерпретации художественного смысла произведений В. П. Астафьева.....	507
<i>Снигирев А.:</i> Образ Властителя в романах М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» и С. Соколова «Палисандрия».....	515
<i>Снигирева, Т.:</i> Мотив «моление о чаше» в творчестве поздней Ахматовой.....	521
<i>Трояновска, Б.:</i> Литературные связи: праведники в творчестве Николая Лескова и Ивана Шмелёва	529
<i>Тышковска-Каспжак, Э.:</i> Возвращение жанра. «Русские анекдоты» Вячеслава Пьецуха.....	535
<i>Фролова, Е.:</i> Поэтика «Колымских рассказов» В. Шаламова.....	541

<i>Хойнацка, С.:</i> Дионисизм, аполлинизм и православие в <i>Золотом узоре</i> Бориса Зайцева	549
<i>Хорчак, Д.:</i> <i>Близость и удаление</i> в аксиологическом восприятии <i>Няни из Москвы</i> Ивана Шмелева.....	555
<i>Шевченко, Л.:</i> Римейк в современной русской литературе: специфика инноваций и особенности интерпретации.....	561
<i>Шульженко, В.:</i> Концепт «Кавказ» в русской литературе и его интерпретация в историко-культурном контексте (XIX–XXI вв.).....	567
<i>Щедрина, Н.:</i> Авторская интерпретация текста (на примере «Красного Колеса» А. Солженицына)	573
С. Lingvodidaktika	597
<i>Бендова, Г.:</i> Как мы ходим по интернету?.....	599
<i>Выслоужилова, Е.:</i> Устный перевод и межкультурная коммуникация	605
<i>Гаваркиевич, Р.:</i> Образ России и Польши в языковом сознании немецких студентов	611
<i>Гузи, Л.:</i> Исторические символы в русском языке и в русском языковом сознании	621

<i>Данецка, И.:</i> Дидактическая серия «Кл@сно!» для польских гимназистов как образец воплощения уровня А1 и А2.....	627
<i>Демешкина, Т.:</i> Лингвистическое моделирование процессов восприятия (на диалектном материале).....	633
<i>Домбровский, Т.:</i> Лексико-семантический анализ русских деловых писем на занятиях по русскому языку специальности со студентами экономического профиля	639
<i>Дускаева, Л.:</i> Функционально-стилистический статус и жанровая дифференциация политической коммуникации	645
<i>Зенталья, Г. А.:</i> Элементы социокультурного материала в обучении бизнес-языку.....	651
<i>Коссаковска-Марас, М.:</i> Формирование автокреативной компетенции студентов русской филологии на занятиях по практикуму русской речи и методике – избранная проблематика, избранные примеры.....	659
<i>Макаровска, О.:</i> Концептный анализ аутентичных и учебных текстов как источник социокультурных знаний в процессе подготовки учащихся к межкультурному общению.....	665
<i>Манова, Н. Д.:</i> Критерии отбора фильмов из киножурнала «Ералаш» для учебного пособия.....	671
<i>Райнохова, Н.:</i> Проблемы интерференции при обучении чешскому языку русскоговорящих слушателей.....	677

<i>Рогальова, Э., Рогаль, М.:</i> Лингводидактический учет разновидностей языковых картин мира в процессе иноязычного образования.....	683
<i>Сеги, О.:</i> Современное состояние и перспективы преподавания русского языка в Венгрии	689
<i>Сипко, Й.:</i> Языковая картина истории нашей современности	695
<i>Смола, И.:</i> Проблематика методической ошибки в подборе и способе применения упражнений, формирующих умение говорить по-русски на начальном этапе обучения.....	703
<i>Хлебда, Б.:</i> «Кл@ссно!» – новый дидактический комплекс	709
<i>Хазагерова, И.:</i> Методика преодоления коммуникативных неудач в бизнес-общении.....	715
<i>Яковлева, Е.:</i> Ономастическое пространство многонациональной Уфы (новые названия на улицах города)	719
D. Frazeologie	725
<i>Барболова, З.:</i> Отношение болгар к грекам в прошедших веках, отраженное в фразеологизмах и поговорках	727

<i>Гренарова, Р.:</i> Фразеосемантическое поле <i>характер человека</i> в устойчивых сравнениях с союзом <i>как</i> и с <i>антропонимами</i>	733
<i>Дьёрке, З.:</i> Отражение фразеологической энантиосемии в русской и венгерской фразеологии	739
<i>Игнатович-Сковроньска, И.:</i> Фразеологические инновации с семантической перспективы	745
<i>Кабанова, Н.:</i> Функционирование устойчивого словесного комплекса «Вера, Надежда, Любовь и София» в славянских языках.....	751
<i>Королёва, Е.:</i> Проблемы и перспективы изучения русской диалектной фразеологии, записанной в латгалии.....	757
<i>Коротенко, М.:</i> Функционирование устойчивых словесных комплексов фразеосемантической группы «обязанности богопочитания» в сочинениях Ивана Неронова.....	763
<i>Ксенофонтова Л. В.:</i> Языковые свойства и текстообразующие потенции фразеомоделей с лексическим повтором в произведениях В. Маканина.....	769
<i>Куныгина, О.:</i> Проблема статуса фразеологических частиц в системе служебных частей речи.....	777
<i>Малоха, М.:</i> Социальные аспекты в системе ботанической номенклатуры восточных славян и поляков.....	783

<i>Митурска-Бояновска, Й.:</i> Народные поверья в русской и польской фразеологии.....	789
<i>Паевска Е.:</i> Фразеология как средство выражения эмоций в современной польской экономической прессе.....	795
<i>Савенкова, Л.:</i> Фразеология и паремика в системе русского языка: область переходных явлений.....	805
<i>Селиверстова, Е.:</i> О семантическом статусе компонента пословицы в паремийном варьировании.....	811
<i>Симеонова, М.:</i> Лексико-фразеологические особенности в развитии болгарской военной терминологии.....	817
<i>Складана, Я.:</i> Сопоставление некоторых словацких и русских фразем в диахроническом аспекте.....	823
<i>Степанова, Л.:</i> Словарь М. И. Михельсона «Русская мысль и речь» как источник для исторического изучения фразеологии.....	829
<i>Тарса, Я.:</i> Трансформации крылатых слов (на материале российского Интернета).....	837
<i>Федосов, О.:</i> Считать ли словом уникальный компонент фраземы?.....	841
<i>Финк, Ж.:</i> Хорватские сравнительные фразеологизмы со значением «классный» и «классно».....	847

<i>Хлебда, В.</i>	
Маленький личный каталог нерешенных фразеологических задач ...	853
<i>Чепкова, Т.:</i>	
Проблемы фразеологической номинации в языке современной газеты.....	859
<i>Янковичова, М.:</i>	
Реплики-клише в русской фразеологии	865
Е. Kronika	873

Životní jubileum doc. PhDr. Evy Vysloužilové, CSc.

17. prosince 2005 oslavila šedesáté páté narozeniny naše blízká spolupracovnice, vedoucí katedry slavistiky na Filozofické fakultě Univerzity Palackého v Olomouci doc. PhDr. Eva Vysloužilová, CSc.

Ačkoliv se narodila v Ostravě a do roku 1962 bydlela s rodiči a třemi sourozenci v Místku, je převážná část jejího života spjata s Olomoucí, zejména pak s Filozofickou fakultou UP. Tam v letech 1957–1961 vystudovala obor čeština a ruština, po absolvování učila rok na Základní škole v Hnojníku, okres Frýdek-Místek, a od r. 1962 až doposud působí na katedře slavistiky (dříve rusistiky) olomoucké filozofické fakulty.

Již od počátku své dráhy vysokoškolské učitelky prokazovala Eva Sírínková-Vysloužilová vynikající pedagogické schopnosti, což ji později přivedlo ke studiu metodiky vyučování ruštině jako cizího jazyka se zaměřením na vysokoškolskou výuku. Této problematice se týkala také její rigorózní práce, kterou obhájila v r. 1972 a získala titul PhDr., i práce kandidátská. Tu však mohla obhájit až v r. 1985, neboť v 70. letech jí nebylo umožněno pokračovat ve vědecké přípravě k získání kandidatury věd. V roce 1995 se habilitovala.

Kromě řady odborných statí je doc. Vysloužilová autorkou nebo spoluautorkou mnoha vysokoškolských skript – gramatických i konverzačních. Její zatím poslední, moderní konverzační příručka vyšla ve vydavatelství UP pod názvem „Nezapomínejme ruštinu“ již ve dvou vydáních (1. vydání 2000, 2. přepracované vydání 2004).

V souvislosti s nově zavedeným překladatelským zaměřením filologického studia ruštiny iniciovala vznik a řídila zpracování kolektivní třídílné „Cvičebnice překladatelství a tlumočnictví pro ruštináře“ (1994, 1994, 1998). Současně zpracovala s M. Csirikovou z Ústavu translologie FF UK dvě učebnice pro výuku translologie a tlumočení. Ve vydávání skript tohoto druhu se pod jejím vedením v rusistické sekci katedry neustále pokračuje.

Doc. Vysloužilová se podstatně zasloužila o zřízení bakalářského studia ruštiny se zaměřením na hospodářsko-právní a turistickou oblast a posléze i navazujícího magisterského studia odborné ruštiny pro hospodářskou praxi, dosud jediného svého druhu v České republice. Nedostatek odborné lexikografické literatury z této oblasti ji zároveň vedl k vytvoření kolektivního česko-ruského a rusko-českého odborného slovníku (1999) a česko-rusko-anglického odborného slovníku (1997) z oblasti ekonomické, politické a právní.

Stejně aktivní je také její činnost v ČAR i v oborových radách ruského jazyka na FF UP v Olomouci i PedF UK v Praze, v rigorózní komisi pro ruský jazyk na FF UP aj.

S přínosnými referáty se účastní domácích i zahraničních rusistických konferencí, včetně kongresů MAPRJaL.

Od září 1998, po smrti prof. Kostřici, vede doc. Vysloužilová katedru slavistiky. Vede ji dobře, zodpovědně, s jí vlastní pečlivostí a systematičností. Má promyšlenou koncepci dalšího rozvoje katedry. Kromě již tradiční ruštiny a polštiny se zde od září 2000 studuje i ukrajinština a perspektivně se uvažuje o některém z jihoslovanských jazyků. Pečuje také o výběr a vědeckou výchovu doktorandů – potenciálních budoucích pracovníků katedry slavistiky. Prestiž katedry staví doc. Vysloužilová na první místo a podržuje jí i pracovní nároky na sebe a své spolupracovníky.

Doc. Vysloužilová velmi ráda učí. Bývalí i současní studenti vysoce hodnotí její dokonalou znalost ruštiny a jsou vděční za všechno, čemu se v jejich náročných hodinách naučili.

Práci pro katedru i filozofickou fakultu zasvětila již plných 43 let svého života. Jako většina vysokoškolských učitelů patří k lidem, které jejich povolání těší, a jsou proto ochotni obětovat mu většinu svého volného času. Plnou podporu nachází v kruhu své rodiny, manžela a dětí, k nimž v posledních letech přibyla už i milovaná vnoučata.

Sílu a energii pro náročnou a vyčerpávající organizační a odbornou činnost na pracovišti čerpá doc. Vysloužilová také v přírodě, na své chalupě, kterou s obdivuhodnou pracovitostí a nápaditostí neustále zvelebuje.

Přejme jí tedy do mnoha příštích let, aby si uchovala svou čínorodost a aktivní tvůrčí zájem o obor a své pracoviště, aby se jí dařilo do rusistického dění ještě dlouhá léta aktivně zasahovat a mnoho dobrého pro naši rusistiku vykonat, aby jí k tomu sloužilo zdraví a žila v osobní i pracovní pohodě.

Helena Flidrová, Zdeňka Vychodilová

VSTUPNÍ REFERÁTY

ДВОЙНОЙ СЛАВИСТИЧЕСКИЙ ЮБИЛЕЙ

В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова

Оломоуцкий университет давно уже гостеприимно распахивает двери для всех, кто увлечен славистикой. «Оломоуцкие дни русистов» стали международным форумом, на который стремились, стремятся и неоднократно еще устремятся слависты многих стран, а из опубликованных материалов этих привлекательных конференций давно уже можно соорудить Эйфелеву башню. Неудивительно поэтому, что проводя в 2005 году XVIII-ые Оломоуцкие дни русистов, их организаторы вспоминали «минувшие дни, и битвы, где вместе рубились они». Рубились и за создание славистики, и за ее сохранение, и за ее современный расцвет в Оломоуцкой *alma mater*. Кафедра славистики Оломоуцкого университета – признанный в Европе лидер и в научном развитии нашего филологического направления, и в учебно-методическом потенциале, и в завидном кафедральном и межуниверситетском сотрудничестве славистов. Не случайно поэтому она притягивает, как магнит, славистов всего мира. Оломоуцкие слависты (в том числе и русисты) связаны договорами о научном и педагогическом сотрудничестве с российскими, украинскими, немецкими, австрийскими, британскими и др. университетами мира. И это не просто документы, скрепленные печатями, а постоянный плодотворный контакт с коллегами, интенсивный обмен студентами, совместное издание книг.

Одной из «первых ласточек» такого межуниверситетского сотрудничества был договор между Оломоуцкой кафедрой славистики (тогда – русистики) и кафедрой славянской филологии Ленинградского (позднее Петербургского) университета. Договор был заключен ровно 40 лет назад. Дата юбилейная и значимая для обеих кафедр. Дата символическая, ибо это и 40 лет славистической жизни, и 40 лет неформальных и научных контактов оломоуцких и ленинградских/петербургских ученых, и постоянное, непрерываемое никакими политическими и природными катаклизмами содружество и сомыслие. Более того, если учесть, что некоторые из выпускников Ленинградского/Петербургского университета (включая и одну из авторов этих строк) навечно приросли к Оломоуцу, то можно говорить и о «перерастании» или даже «срастании» двух кафедр в одну.

Ведь хотя в Неве и Мораве очень много воды утекло с того далекого 1966 года, это течение времени не смыло глубоких следов общих дел наших кафедр.

Чешские слависты и ранее бывали частыми гостями в городе на Неве, но сорок лет назад они, подобно Кириллу и Мефодию, приехали с особой просветительской и государственной миссией. Они приехали в Ленинград с предложением о сотрудничестве и с компактной, но весьма перспективной программой взаимодействия кафедр славистики Оломоуцкого и Ленинградского университетов. Договор был подписан, и уже на следующий год в Оломоуцкий университет поехала группа русских студентов. Ленинградские же слависты приняли первых студентов и преподавателей из Оломоуца.

Все наши богемисты, которым посчастливилось участвовать в таких поездках, помнят атмосферу сердечности и профессиональной солидарности, в которую они попадали тут же по приезде в гостеприимный город на Мораве. Историки славистики когда-нибудь детально опишут результаты того «пришествия» моравских «святителей» оломоуцко-ленинградского договора, назовут десятки имен, укажут точные даты... Мы же, оглядываясь сейчас на то далекое время, вспоминаем с благодарностью тех, благодаря кому стал возможным нынешний Юбилей сотрудничества двух университетов.

С российской стороны, конечно же, таким человеком была и остается профессор Галина Алексеевна Лилич. Признанный богемист и славист широкого профиля, она со студенческих лет питала глубокую любовь к Чехии и посвятила именно богемистике львиную долю своих научных исследований. Пройдя научную школу у академика Богуслава Гавранека, она в аспирантские годы из Праги (где стажировалась) регулярно раз в неделю ездила в Оломоуц, чтобы послушать лекции мировых светил славистики того времени – Я. Белича, А. В. Исаченко, М. Комарека... И приезд моравских «миссионеров» в Ленинград во многом был инспирирован именно ею, поскольку с посланниками Чехии она давно уже была и в тесных научных контактах, и в сердечных дружеских отношениях. Именно поэтому заключенный в 1966 году договор не прерывался никакими катаклизмами последующих бурных лет.

Символично, что в том самом Юбилейном для отношений Оломоуцкого и Ленинградского университетов году Галине Алексеевне было 40 лет – ровно столько, сколько сейчас нашему Договору. Но и ныне,

спустя 40 лет, Галина Алексеевна столь же молода и переполнена славистическим духом, как и в 1966 году, опровергая смысл патриархальной гендерной русской поговорки: «Сорок лет – бабий век». А Юбилей плодотворного сотрудничества наших университетов – достойный повод, чтобы благодарно очертить жизненный и научно-исследовательскую орбиту жизни второго нынешнего Юбиляра – Галины Алексеевны Лилич, которая родилась 10 июля 1926 года в с. Троицк Ковылкинского района Мордовской АССР.

Наш Юбиляр – педагог по рождению и призванию. По рождению потому, что отец Г. А. Лилич – Алексей Николаевич Шилин, работал учителем русского языка и литературы и за труд в сельской школе был удостоен звания Героя труда. Всесторонняя образованность, оптимизм, неутомимость и мягкий юмор – эти и другие учительские качества отца передались и дочери. В своих воспоминаниях об отце – биографической повести «Военная жизнь сельского учителя» (СПб., 1995) Галина Алексеевна особенно подчёркивает его любовь к литературе и преданность своей профессии.

Окончив с отличием в 1943 году школу в поволжском городе Энгельсе, Г. А. Лилич без колебаний идёт по стопам отца – поступает на русское отделение филологического факультета Ленинградского университета, который в то время был в эвакуации в Саратове. В июле 1944 года университет был реэвакуирован в Ленинград. В этом же году по постановлению правительства в ряде советских университетов, в том числе и в Ленинградском, были учреждены кафедры славянской филологии. И Галина Алексеевна, перейдя на новую кафедру, становится и славистом, и русистом одновременно. В 1948 году она успешно заканчивает польское отделение и поступает в аспирантуру по специальности «чешский язык».

Мощным стимулом всей последующей научной и педагогической деятельности Г. А. Лилич стала стажировка в Карловом университете с мая 1951 по август 1952 гг. Здесь она получила возможность не только углубиться в теории знаменитой Пражской лингвистической школы, но и лично познакомиться с её представителями, послушать лекции известных славистов – Фр. Травничека, Б. Гавранека, А. В. Исаченко, А. Едлички, К. Горалека, Я. Белича и др. Со многими из них её связывали научные узы, близкая исследовательская тематика, общий подход к проблемам широкого лингвистического масштаба. Особое значение для Г. А. Лилич имели уже упоминавшиеся научные и человеческие контакты с главой

чехословацкой лингвистики академиком Б. Гавранеком, который, как и профессор Б. А. Ларин, стал её Учителем и старшим другом. Не случайно именно Б. Гавранеку посвящён её основной труд – монография, ставший и темой докторской диссертации – «Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка (конец XVIII – начало XIX века)» (Л.: изд-во ЛГУ. – 192 с.)¹.

Пребывание в Чехословакии сделало Г. А. Лилич на всю жизнь «патриоткой» этой страны. Благодаря ей многие в России приобщились к учению «пражцев». Достаточно напомнить, что одним из первых учеников Юбиляра был проф. А. В. Бондарко, который «функционализировал» почти всю нашу русистику.

С 1952 года, когда Г. А. Лилич становится ассистентом кафедры славянской филологии, начинается её многосторонняя педагогическая, воспитательская и научно-исследовательская деятельность в Ленинградском/Петербургском университете, которая активно продолжается по сей день. Защита кандидатской диссертации в 1956 году, докторской – в 1978 году, утверждение в звании доцента (1961 г.) и профессора (1979 г.) – вот самые общие хронологические ориентиры этой деятельности. Причем – не ориентиры того движения, которое принято называть «научной карьерой», а вехи постоянного и многотрудного пути к познанию научной истины.

Славистические интересы Юбиляра, не замыкаясь в узко специальных рамках, могут быть тем не менее сведены в несколько «концентричес-

¹ Полную библиографию научных трудов Г. А. Лилич и био-библиографические сведения о Юбиляре см.: 1) Библиографический указатель по славянской филологии. Профессор Галина Алексеевна Лилич. (Сост.: Г. М. Атаева, Н. В. Агабабова, В. М. Мокиенко и др.). Под ред. В. М. Мокиенко. – Самарканд, 1986. – 148 с. 2); 2) В. М. Мокиенко. Галина Алексеевна Лилич // Библиографический указатель по славянской филологии. Профессор Галина Алексеевна Лилич. – Самарканд, 1986. – С. 1–20; 3) В. М. Мокиенко. К юбилею Г. А. Лилич // Вестник СПбГУ. – Сер. 2. – Вып. 3 (№ 16). – 1996. – С. 133–135; 4) П. А. Дмитриев, В. М. Мокиенко, Г. И. Сафронов. Очерк жизни и деятельности Г. А. Лилич // Профессор Галина Алексеевна Лилич. СПб: изд-во СПбГУ, 1996. – С. 6–32; 5) В. М. Мокиенко. Галина Алексеевна Лилич // *Frazeografia słowiańska. Księga pamiątkowa poświęcona prof. dr. hab. Halinie A. Lilicz*. Red. naukowa Mieczysław Balowski i Wojciech Chlebda. – Opole: Uniwersytet Opolski, 2001. – S. 9–34; 6) Галина Алексеевна Лилич // Профессора Санкт-Петербургского государственного университета: Био-библиографический словарь. – СПб.: Издательский дом С.-Петербург. ун-та, 2003.

ких кругов». Педагог по генетике и призванию, Галина Алексеевна во многом и свои научные интересы так или иначе «смыкает» с учебными славистическими программами, подчиняет их интересам студенческой аудитории и требованиям времени. Юбиляр с годами лишь увеличивает «дальнобойность» основных циклов своей научной деятельности, расширяет и углубляет сделанные прежде интерпретации, обогащает некоторые уже солидно обработанные тематические доминанты новым материалом. При этом Г. А. Лилич остается верной принципам научного анализа, унаследованным от своих учителей Бориса Александровича Ларина и Богуслава [Антоновича, – как по-русски назвала когда-то аспирантка Г. Шилина чешского академика] Гавранека.

Напомним Читателю основные спектры научно-исследовательской деятельности Юбиляра.

Лексические заимствования из русского языка в чешский и историко-культурные обстоятельства, стимулировавшие такое заимствование.

Этот круг исследований Юбиляра является, пожалуй, самым объёмным, с ним связаны и другие аспекты её интересов. В кандидатской диссертации «Обогащение словарного состава чешского языка в результате установления в Чехословакии народно-демократического строя» (Л., 1956) Г. А. Лилич описывает доминанты обогащения словарного состава чешского языка в послевоенный период. В трех главах работы детально анализируются основные способы пополнения общественно-политической лексики чешского языка – заимствования-русизмы, семантические сдвиги собственной лексики и образование новых слов с помощью разных аффиксов. При этом последовательно учитывается специфика взаимодействия родственных языков, которое анализируется не как упрощенное одностороннее воздействие русского языка на чешский, а как сложный динамический процесс, движущими силами которого являются как экстралингвистические факторы, так и давление языковой системы с её собственными закономерностями. Эта тема получила отражение и в ряде статей Г. А. Лилич, в которых уже проглядывают черты будущего её лексикологического почерка – видеть за внимательно проанализированными языковыми деталями влияние и отражение всей языковой системы и экстралингвистических факторов.

Как и в других случаях, Г. А. Лилич сохраняет верность этой теме и в дальнейшем. В конце 70-х годов она возвращается к теме советиз-

мов на новой основе, уже обогатившись опытом скрупулёзного исследования процессов взаимодействия русского и чешского языков в эпоху Национального Возрождения. Теперь уже автор сосредоточивает внимание на специфике и закономерностях функционирования советизмов в современном чешском языке, на их распределении по оси «центр – периферия» языкового употребления. Методика такого анализа находит дальнейшее воплощение в коллективной работе преподавателей кафедры славянской филологии Ленинградского университета, где Г. А. Лилич совместно с П. А. Дмитриевым, Г. В. Крыловой и Я. В. Мацюсович рассматривает новые общие изменения в словарном составе, семантике, словообразовании и словоупотреблении болгарского, польского, чешского, сербо-хорватского и других языков. Уже в то время исследователям было ясно, что основным горнилом новых процессов становится пресса, язык средств массовой информации, который, несмотря на его идеологическую прямолинейность, способствует динамизации языковой системы славянских языков. Эта идея развивается Г. А. Лилич и в последующих статьях, а совсем недавно ею предложены некоторые принципы анализа «сходных явлений в неологии славянских языков», которые дают возможность непротиворечиво выявить общие и специфические процессы, характерные для лексического состава конца XX в. Так, в статье «Чешская “бархатная революция” и ее круги на славянской воде», опубликованной именно в «*Rossica Olomucensia XXXVIII (za rok 1999)*» (2. část. – Olomouc, 2000. – С. 393–396), петербургский богемист демонстрирует конкретную методику описания неологических фактов. По мысли автора, славистика уже накопила достаточно материала, чтобы приступить к систематическому сопоставлению славянской неологии.

Исследуя взаимодействие русского и чешского языков послевоенного периода, Г. А. Лилич рассматривала его исторически, прослеживая истоки этого процесса с начала XIX в. Уже в статье 1958 г. «К вопросу о лексических заимствованиях из русского языка в чешский» (Ученые зап. ЛГУ, 1958, № 250. Сер. филол. наук, вып. 14. – С. 32–55) ею даётся общая характеристика той русской лексики, которая заимствуется чешским языком благодаря деятельности «будителей» (Й. Юнгман, А. Марек, Я. Пресл и др.), а также предлагается классификация её по группам в зависимости от пути и способа обогащения – создание новых слов, обновление архаической лексики древнечешского языка, использование

диалектных элементов и, наконец, – заимствование из других славянских языков, особенно из русского.

Эта тема «всерьёз и надолго» становится одной из доминант научного творчества Юбиляра. Показательно, что автор постепенно вовлекает в это исследование не только лексические, но и иные языковые факты, напр. словообразовательные (типа *обломовщина*) или морфологические, которые активизировались в чешском языке под влиянием русского. Особой актуализации подверглись формы чешских действительных причастий на -ший, -вший: они зафиксированы как в чешском переводе «Потеряного рая» Д. Мильтона деятелем чешского Возрождения Й. Юнгманом (во многом ориентировавшимся на соответствующий русский перевод В. Петрова), так и в других произведениях того времени. Анализируя этот и другие факты, Г. А. Лилич демонстрирует и функционально-стилистические отличия двух языков.

Переводческая деятельность Й. Юнгмана и других «будителей» стала объектом пристального анализа в ряде работ Юбиляра. Автор убедительно показывает, что стремление будителей создать на базе русизмов специфический язык привело к тому, что они первоначально становились элементами возвышенного поэтического стиля, хотя многие из них в языке-источнике такой окраски не имели (ср. *боль, весна, долина, жар, осень, сырой, шум*).

Нередко статьи Г. А. Лилич на данную тему написаны в стиле историко-лексикологических и стилистических этюдов, раскрывающих процесс адаптации русизмов в чешском языке и их семантические мутации. Такова, например, судьба русизмов *бодрый, храбрый, нежный, огромный* и *задумчивый* в чешском языке, исходную семантику которых в большей или меньшей степени меняют именно различные семантико-стилистические изменения. Очерковый характер имеет и статья о слове *помысел*, приобретшего не только обобщённое значение «промышленность», но и ряд других семантических характеристик.

Характерной особенностью работ Юбиляра по данной проблематике является стремление обосновать языковое взаимодействие и процессы адаптации русизмов культурно-историческими обстоятельствами. Отсюда постоянный интерес к той общественной среде, из которой исходили импульсы межславянского культурного обмена – к Й. Юнгману, Й. Добровскому, Фр. Л. Челаковскому, П. С. Паласу и др. Подчеркивается сильная демократическая окрашенность движения будителей, уси-

ление и расширение их связей со словацкими просветителями. Позднее Г. А. Лилич связывает языкотворческую деятельность будителей с более ранними этапами чешской истории – напр., анализирует языковые глоссы в произведениях Я. Гуса или, наоборот, демонстрирует проекции этой деятельности в позднейшие периоды, – как это сделано в статье о научных исканиях Т. Г. Масарика и Я. Гебауэра.

Наблюдения о «языковой революции» времен чешского Возрождения синтезированы Г. А. Лилич в уже упоминавшихся докторской диссертации и монографии «Роль русского языка в развитии чешского литературного языка (конец XVII – начало XIX века)», опубликованной в 1982 году. В первой части работы описаны культурно-исторические условия языковых усилий будителей, во второй, собственно лингвистической, – функции русизмов в чешском языке и обусловленность их адаптации этими функциями. Это исследование – результат двадцатилетнего труда, посвященного отношениям русского и чешского языков в области лексики. Автор анализирует эту проблему на основе тщательного изучения множества текстов периода чешского Возрождения, принадлежащих Й. Юнгману и его окружению. Не упускается из виду и сильное влияние польского языка на чешский. Огромный материал – свыше 1 тысячи русизмов – Г. А. Лилич подвергает функциональному анализу, что позволяет показать различную роль данных лексических элементов в разнообразных (художественных, публицистических, научных) текстах, а также глубже объяснить причины исчезновения одних и адаптацию других лексем в процессе дальнейшего языкового развития. Показательно, что именно функция русизмов определяет их выбор юнгмановцами. Хотя в какой-то мере заимствование большого количества русизмов чешским языком в одночасье было вынужденно ускоренным и поспешным, продуманное и лингвистически чуткое их внедрение будителями обеспечило развитие русизмов и других заимствований из славянских языков на далёкое будущее. В типологическом ключе на современном материале эта проблема разрабатывается Юбиларом и сейчас, о чём свидетельствуют публикации о взаимодействии славянских литературных языков с социолингвистической точки зрения. Чуткая к биению языкового пульса, Г. А. Лилич не может не констатировать и торможения процесса заимствования русизмов в современном чешском языке, и смены стилистической маркировки уже усвоенных лексем, и тематической переориентации «новых русских» слов, проникающих из русского языка.

Наблюдения о лексических заимствованиях из русского языка в чешский дали Г. А. Лилич огромный опыт работы со словом, который воплощен ею и в других лингвистических трудах.

Теория и практика перевода занимает немалое место в научном арсенале петербургской славистики. Здесь Г. А. Лилич выступает горячим приверженцем переводческой школы В. Матезиуса, исходившего, как и большинство представителей Пражского лингвистического кружка, из функционального принципа перевода. В одной из первых своих публикаций «Принципы передачи диалектизмов, использованных В. Матезиусом в переводе 'Поднятой целины' на чешский язык» (сб. «Михаил Шолохов». - Л., 1956. - С. 201-211) она анализирует методику классического перевода «Поднятой целины» М. Шолохова на чешский язык. Здесь воплотился приём нахождения «языкового ключа» к единой художественной системе, которым для В. Матезиуса оказался язык произведений Й. Голечека, также описывающего диалектную среду.

Цикл работ Г. А. Лилич посвящён передаче метафор М. Горького на чешский и другие славянские языки (20, 25, 28). Присматриваясь к конкретным приёмам перевода этой фигуры, автор устанавливает как общие, так и специфические закономерности их передачи на другой язык и выступает за творческий подход к решению переводческих головоломок, вплоть до нарушения нормированного словоупотребления и привычных связей между словами. Главная задача переводчика – обеспечить функциональную адекватность перевода подлиннику. С тех же позиций подходит Г. А. Лилич и к другим переводам с русского языка на славянские – напр., к первым чешским переводам русской поэзии на чешский, переводам книги В. И. Ленина «Что такое 'друзья народа' и как они воюют против социал-демократов», переводов текста Библии. Особое внимание обращается ею на безэквивалентные компоненты семантики слова в художественных текстах, в том числе и при передаче на другой язык символически нагруженных собственных имен типа *Петербург*. Искусство перевода для Галины Алексеевны – не только объект научного анализа, но и предмет обучения в студенческой аудитории. Отсюда её интерпретация различий в «образе языка» (своего и чужого) в оценках учащихся и написанные вместе с Н. К. Жаковой учебные задания к курсу «Теория и практика перевода» для студентов чешского цикла.

Наблюдения над опытом переводческой деятельности других филологов стимулировали и собственное переводческое творчество Г. А. Лилич. Ей принадлежит перевод произведений классиков чешской литературы Б. Немцовой «В замке и около замка» и В. Галека «На выделе», а также редактирование перевода книги К. Полачека «Карусель. Нас было пятеро» (М.: Художественная литература, 1961).

Лексикографические и лексикологические исследования

Знание нескольких славянских языков (чешского, польского, словацкого, сербского/хорватского, словенского), чувство слова и постоянное внимание к нюансам семантики давно уже привели Г. А. Лилич в стан лексикографов. Уже в аспирантские годы она с энтузиазмом подключилась к грандиозным лексикографическим проектам проф. Б. А. Ларина и с тех пор никогда их не оставляла. Межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина, созданный в 1951 году и переросший теперь в лексикографический центр Петербургского университета, и его многочисленные филиалы стали мощными генераторами словарного дела во всём бывшем Советском Союзе и современной России. Одной из важнейших и неотъемлемых частей научной биографии Г. А. Лилич является участие в многотрудном деле составления словаря автобиографической трилогии М. Горького, задуманного Б. А. Лариным. Она – автор многих словарных статей во всех выпусках этого словаря, активный и инициативный участник коллективного обсуждения как отдельных статей, так и глобальных принципов, автор (совместно с Д. М. Поцепней) раздела V – «Образная реализация слова» Инструкции к этому новаторскому словарю (37). Основой такой разработки является последовательно семантический подход к Слову.

Г. А. Лилич уже давно вдохновилась и ларинской идеей создания двуязычных словарей писателя, основанных не на переводном принципе, а на принципе развернутого толкования. По ее инициативе начато и успешно продолжается составление словаря трилогии чешской писательницы М. Пуймановой, где ярко отражены история довоенного и военного периодов Чехословакии. Цель этого словаря – дать в руки переводчика новое лексикографическое пособие, отражающее литературно-речевую стихию, а также предложить славистам первый опыт словаря чешской писательницы для исследования ее творчества. Словарь уже давно стал

также школой лингвистического и стилистического анализа художественного текста для многих поколений студентов-богемистов. Школой, в которой царит дух коллективного творчества.

Лексикографический опыт Г. А. Лилич получил обобщение и в серии лексикологических и лингвостилистических очерков, посвященных углубленному изучению лексической семантики отдельных слов. Здесь также тесно переплелись славистические и специально русистские интересы Юбиляра. Сквозь призму сопоставления нескольких языков рельефнее просматриваются оттенки смысла слова в художественном тексте. Так, наблюдая над переносными значениями качественных прилагательных (напр., слов *густой, серый, горький, грубый* и др.) или существительных *грязь, пустыки, дрянь* в русском и других славянских языках, Г. А. Лилич выявляет глубокие расхождения в формальной структуре слов. Основное внимание при лексикологическом анализе исследовательница, вслед за своим Учителем Б. А. Лариным, уделяет при этом словам, отражающим идейно-художественный замысел писателя. Ведь в процессе авторского употребления они могут насыщаться новым специальным смыслом и заражаться особой экспрессией, не отрываясь при этом от общелитературного узуса. В лексикологических очерках Юбиляра привлекает не только научное содержание, глубина проникновения в исследуемый материал, но и изящный и предельно ясный слог автора.

Одной из доминант научного творчества Г. А. Лилич в конце 1980-х гг. стало исследование славянских переводов Библии и их влияния на развитие славянских литературных языков. Многочисленные публикации на эту тему (особенно, в ракурсе сопоставления русского материала с чешским и словацким) постепенно приняли лексикографическую форму. Более 10 лет Г. А. Лилич в соавторстве с О. И. Трофимкиной и авторами этих строк составляла «Большой словарь библеизмов русского языка». Сейчас он редактируется и скоро будет сдан в печать.

Общественная деятельность

Научная и педагогическая деятельность Юбиляра неотторжима от деятельности общественной. Сохраняя молодость духа и сердца, Галина Алексеевна обладает редким даром заряжать оптимизмом и энергией всех, с кем общается. В *alma mater* она всегда была душой общества и любые общественные функции, которые ею исполнялись (член профкома,

куратор землячества чешских студентов, член женсовета, создатель студенческих клубов «Гаудеамус», «Филолог – моя профессия» и др.) приводили к расцвету и небывалой активизации соответствующих ячеек университетского общества.

Искусство «открывать людские сердца» – главное искусство Галины Алексеевны. Где появляется она, там исчезает формализм, казенщина и скука и начинает искриться инициатива и творчество. Редкая ныне способность вкладывать душу в избранное дело и в избранных людей привлекает и будет привлекать к себе всех, кто входит в орбиту общения Г. А. Лилич. Бескорыстное стремление делать Дело и помогать ближнему умножают с каждым годом число тех, кто называет ее своим Учителем.

Завершая юбилейную здравицу Галине Алексеевне, можно было бы перечислять длинный список заслуженных наград и знаков признания, которые она получила за свое подвижничество: завершение с отличием славянского отделения ЛГУ (1948), медаль «В память 250-летия Ленинграда» (1957), юбилейная медаль «За доблестный труд» (1970), знак «Победитель соцсоревнования» (1979), знак Министерства высшего и среднего специального образования СССР «За научную работу» (1982), памятная серебряная медаль Карлова университета за заслуги в области обучения и воспитания студентов (1985), медаль «Санкт-Петербургский государственный университет» (1996) и др. Однако лучшей и – не боимся этого слова – уникальнейшей наградой нашему Юбиляру является решение Ученого совета и деканата философского факультета Оломоуцкого университета посвятить этот международный сборник именно Ей. Для Ученого и Педагога, всю свою жизнь отдавшего сближению русского и чешского народа, укреплению научных и культурных связей Чехии и России более яркого знака признания и быть не может. Вот почему, благодаря наших Оломоуцких коллег за столь щедрый дар, ставший праздничным знаком двойного Юбилея, поздравим себя, чешский и русский читатель, и с двойным Сорокалетием профессора Г. А. Лилич, и с единственным, но уже неповторимым Сорокалетием Оломоуцко-Ленинградского славистического Договора.

В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова
7 ноября 2005

СТАРОЕ И НОВОЕ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА НА ФОНЕ РАЗВИТИЯ СЛАВИИ

Зденька Выходилова, Чешская Республика, Оломоуц

В своих размышлениях о тенденциях развития современных славянских языков я исхожу из общеизвестной аксиомы, что на движения и изменения в языке влияют, с одной стороны, внутриязыковые, имманентные факторы, с другой стороны, факторы внешние, экстралингвистические, причем действие последних считается преобладающим. Большинство эволюционных процессов в языке проходит непрерывно, однако по большей части незаметно, скрыто, и только коренные, переломные перевороты в обществе становятся непосредственными импульсами для того, чтобы они стали интенсивными и более заметными. В бывшем Советском Союзе языковые изменения были вызваны известными общественно-политическими событиями второй половины восьмидесятых – первой половины девяностых годов двадцатого столетия, в Чехословакии аналогичным импульсом стала так наз. «бархатная революция» 1989 года, а в других славянских странах – происшедшие приблизительно в то же время политические перевороты.

Если посмотреть на исследуемые нами языковые территории с более глобальной точки зрения, то есть если сравнивать европейский географический Восток с европейским географическим Западом, то наблюдается интересное различие между этими двумя частями нашего континента, а именно в том смысле, что между тем как на Западе происходит общее стремление к преодолению национально-государственных, в том числе и языковых, границ, на Востоке и Юго-Востоке Европы возникают новые границы и новые территориальные единицы с самостоятельными языками.

Эта тенденция к определенной речевой социализации понятна и вполне легитимна, но обстановка в мире в настоящее время намного сложнее и многостороннее ситуации 19 века, когда начинался этот процесс дифференциации некоторых языков, и вследствие этого все чаще и чаще

небольшие языковые территории отрываются от больших коммуникационных единиц. С другой стороны, потребность общего средства для сверхнациональной и интернациональной коммуникации в настоящее время намного актуальнее, чем в прежние времена. Как известно, греческий и латинский языки в роли общего средства коммуникации были заменены в настоящее время не только в Европе, но и во всем мире, современным *lingua franca* – английским языком.

В дальнейшем я обращусь к описанию тенденций развития в лексике русского языка, то есть языка, объединяющего настоящую аудиторию, сопоставляя его с чешским языком – представителем западнославянской группы и языком принимающей страны.

Слоем языка, который гибче всех реагирует на социополитические изменения и который имеет непосредственное отношение к экстралингвистической действительности, считается, как известно, лексический план языка. Я попытаюсь наметить некоторые тенденции, характерные для приблизительно последних двух десятилетий развития лексического строя русского языка и обратить внимание на тождественные и, главным образом, несходные процессы и их последствия в современном чешском языке. Хотелось бы подчеркнуть, что изменения, о которых пойдет речь, надо понимать действительно как тенденции, то есть как определенное направление развития, которые носят не совсем регулярный и последовательный характер.

Я не буду говорить о конкретных проявлениях инновационных процессов в лексике отдельных тематических сфер, о них детально говорилось и писалось уже много раз, между прочим, интересные выступления прозвучали также на наших прошлых конференциях, а скорее попытаюсь подытожить основные тенденции, которые в общих чертах заметны в развитии всех современных славянских языков.

С новыми реалиями язык должен справиться так, что он образует для них новые наименования. Самые заметные инновационные процессы в лексике русского языка можно свести к следующим трем пунктам:

1) Открытие бывших социалистических стран западному миру повлекло за собой почти моментальную экспансию **англицизмов**, в частности, **американизмов**, следствием чего является интернационализация и так называемая «американизация» языка. Степень американизации постигла отдельные языки не в одинаковой мере, напр., в современном русском языке она по известным причинам намного интенсивнее, чем в современ-

ном чешском языке. В заимствовании графического облика англицизмов, упрощенно говоря, русский язык соблюдает в первую очередь законы фонетической транскрипции (что влечет за собой многочисленные затруднения), в чешском языке преобладает, по крайней мере в первой фазе функционирования иностранных слов, оригинальная графическая форма. В обоих языках происходит постепенная морфологическая и словообразовательная адаптация заимствованных выражений.

Не только в рядах широкой общественности, но часто и в рядах лингвистов высказываются опасения за чистоту наших национальных языков, засоренных и искаженных многочисленными англицизмами, и за их судьбу в будущем. Но есть и возможность другой, более оптимистической интерпретации американизации наших языков, а именно – толковать американизацию как естественное и целенаправленное перешагивание границ национального языка в сторону его интернационализации и, следовательно, возможностей его более широкого коммуникативного употребления. Если идти еще далее, то английский язык можно считать воротами, через которые в национальные языки попадают европеизмы и интернационализмы греческого и латинского происхождения – таким образом, и классические языки снова, хотя и в модифицированной форме, вносят свой вклад в общую мировую коммуникацию.

2) Следующей яркой динамической тенденцией в современном русском языке можно считать расширение сфер использования **жаргонной лексики**, которая из языка строго ограниченных социальных или профессиональных групп попадает в обиходную речевую практику, и **вульгаризация** языка. Обе приведенные тенденции можно считать проявлениями тенденции к либерализации в языке (некоторые лингвисты говорят о коллоквиализации языка). Вульгаризация до определенной степени уравновешивается тенденцией к эвфемизации, характерной прежде всего для более образованных и культурных социальных слоев. Русская публицистика, существенно влияющая на характер повседневной разговорной речи, в настоящее время ведет себя по принципу «все позволено». В отличие от чешского языка составную часть языка устной и печатной публицистики составляют не только сниженная лексика всякого типа, жаргонизмы (в чешской публицистике они тоже встречаются), но и многочисленные вульгаризмы – подвергаемый строгой цензуре и корригированный публицистический стиль советского периода в этом диаметрально отличается от его современного вида.

3) Третьей яркой тенденцией является **неологизация** в широком смысле, то есть образование новых, раньше не встречавшихся в лексике понятийно актуальных слов, или семантические сдвиги в содержании существующих уже наименований и отказ от использования устаревших или устаревающих выражений, обозначающих неактуальные понятия. Однако, одновременно мы замечаем противоположную тенденцию возвращения архаизмов и историзмов в активное использование, то есть так называемую ревитализацию неактуальных ранее лексем, связанных с религиозными понятиями, с понятиями дореволюционного образования, административно-территориального распределения и социальной структуры общества. Похожие процессы протекают также в чешском языке, но их динамичность носит другой характер (напр., религиозная лексика далеко не так частотна).

При более детальном рассмотрении мы могли бы к перечисленным тенденциям добавить еще другие, менее явные: в первую очередь это **тенденция к речевой экономии**, далее тенденции к интеллектуализации, к терминологизации и так далее. Как известно, приведенные тенденции, как правило, сопровождаются соотносительными противоположными тенденциями: таким образом, можно наблюдать разные по интенсивности оппозиции, напр., тенденция к экономичности выражения сопровождается тенденцией к избыточности выражения, тенденция к интернационализации – тенденцией к национализации, тенденция к либерализации – тенденцией к интеллектуализации, тенденция к терминологизации – тенденцией к детерминологизации и так далее. Приведенные тенденции можно классифицировать также по степени их взаимной иерархизации на тенденции доминирующие и тенденции подчиненные, или на тенденции универсальные и общие, и тенденции более узкие, и специфические, которые одновременно можно понимать как проявление тенденций более общих, так, например, жаргонизацию и вульгаризацию можно считать проявлением либерализации языка, тенденцию к терминологизации и отчасти также тенденцию к интернационализации можно включить в тенденцию к интеллектуализации языка и тому подобное.

Социолингвистическая точка зрения применяется при рассмотрении развития лексики в отдельных сферах коммуникации и в отдельных социальных группах коммуникантов. В этом отношении самыми интересными можно считать русскую и чешскую публицистику, компьютер-

ный жаргон, речь молодой генерации, в частности студенческий жаргон, в России также жаргон уличных торговцев, распространившийся и на обиходную коммуникацию большей части российского населения, и многие другие сферы коммуникации.

Можно сказать, что мотивация лексических инноваций в коммуникации современной русской и чешской молодежи коренится скорее в психосоциальной области, чем в прямой реакции на изменения общественно-политической обстановки, то есть в стремлении к индивидуальности, неповторимости, в стремлении отличаться от окружающей среды, отказываться от всего официального и традиционного. Молодежь показывает критическое и ироническое отношение ко многому, что связано с образом жизни старших поколений, также можно говорить о моде в использовании выражений. Однако, отдельные выражения здесь чаще, чем в других областях, имеют недолговечное существование (это так наз. обороты-однодневки) и использование многих из них также имеет узко локальное ограничение.

Областью коммуникации, вытекающей из специфических черт современного российского общества, является **жаргон** так наз. **новых русских** и арго российского преступного мира.

Из синхронного анализа образования новых слов в русском и чешском языках можно сделать и определенные выводы типологического, точнее, микротипологического характера:

Общей чертой обоих языков является, например, рост именной префиксации: в современном русском языке самыми продуктивными считают префиксы *анти-*, *контр-*, *де-*, *псевдо-* и *квази-*, *недо-*, синонимичные *после-* и *пост-*, экспрессивное *супер-* и некоторые другие, в чешском языке к чаще всего используемым приставкам относятся *anti-*, *mini-*, *maxi-*, *mega-*, *giga-* и другие. В современной лингвистической литературе некоторые из приведенных морфем иногда считаются так называемыми префиксоидами, то есть морфемами переходного типа между корнем и префиксом, это напр. *bio-*, *anti-*, *super-*.

Рост агглютинативных признаков в русском словообразовании заметен, например, в автоматическом присоединении аффиксов без изменения коренной морфемы слова-основы, чаще всего это образование производных слов от названий институций, топонимов и аббревиатур. Следствием тенденций к агглютинативности можно считать также рост интерфиксации: к продуктивным интерфиксам причисляются, напр., *-ов-* (*пента-*

гонский, но также пентагоновский). В нестандартных формах народной речи это еще суффикс *-ш-* в комбинации с суффиксом *-н-* и *-ник*, напр., *МГУ - эмгеушник, СНГ - эсенгеушник*.

Рост аналитизма заметен, главным образом, в русской грамматике – в морфологии это тенденция к ослаблению склонения существительных и числительных и экспансия сложных наименований типа *мастер-класс, бизнес-ланч, кофе-брейк, кофеварка-экспресс*. В синтаксисе это активизация предложных конструкций за счет конструкций без предлога, напр.: *ему свойственно – для него свойственно*. Большую активность приобрел предлог *по*: *конференция по внешней политике, позиция по разоружению*. Доминантна позиция конструкций типа *врач пришла, наша корреспондент написала* для обозначения лиц женского пола, то есть ослабление грамматического согласования.

В чешском языке ослабление конгруэнтности и тяготение к аналитизму находит свое проявление, например, в возрастании количества несклоняемых прилагательных иностранного происхождения, как, например, *live přenos, light pivo, peer aktivista*.

Краткие выводы:

Основные тенденции, движущими силами которых являются экстралингвистические факторы, более-менее универсальны, то есть они, с большими или меньшими отклонениями, практически аналогичны во всех современных славянских языках. Различия заключаются лишь в их конкретной реализации, в их интенсивности и продуктивности, их следствием является расширение и обогащение словарного состава. С определенной мерой упрощения можно констатировать, что процессы, подчиненные внешним факторам, в сравниваемых языках аналогичны до той степени, до какой аналогичны сами факторы, эти процессы вызывающие.

Что касается русского и чешского языков, то можно сказать, что, например, словообразовательные механизмы в современном русском и чешском как в типологически и генеалогически близкородственных языках практически схожи и различия проявляются лишь в степени их использования.

Анализ богатого языкового материала привел меня к выводу, что темпы и количественный диапазон изменений в лексическом плане русского языка в сопоставлении с процессами развития в чешском языке более динамичны и более интенсивны. Ярче всего это проявляется в заимствовании из других языков: внешние причины заключаются в известных

исторических различиях развития большой и маленькой наций и их языков и отношения носителей отдельных языков к чужеродным элементам в обществе и в языке. (С одной стороны, постоянное опасение «поглощения» чешского национального языка господствовавшим немецким и связанные с тем пуристические стремления деятелей национального возрождения в первой половине 19 столетия и, с другой стороны, коренная многолетняя традиция свободного заимствования из иностранных языков в русском языке как языке большого народа.) Самой значительной имманентной причиной этого явления можно считать все еще более высокую флективность чешского языка по сравнению с русским и, наоборот, все большее отклонение русского языка от флективности. Кроме того, диапазон объема влияния англицизмов и американизмов в российском обществе шире, чем в чешском. Они в большей мере затрагивают все области повседневной жизни, проникают в повседневный язык улицы и попадают во все социальные слои общества.

В тенденциях развития обоих языков на современном этапе наблюдается определенная тенденция к типологическому сближению русского и чешского языков в смысле склонения последнего к аналитизму, причем не только в рамках одной языковой ветви, а также приспособление к «более сильным», доминирующим языкам внутри языковой семьи (в нашем случае приспособление к аналитическому английскому языку).

В области образования новых наименований в русском языке более интенсивной становится суффиксальная деривация, хотя она пока находит себе применение главным образом при образовании стилистически сниженной лексики, напротив, в чешском языке активизируется образование композитов (сложносочиненных слов) как полисинтетического средства и образование лексикализованных словосочетаний как изоляционного средства, что раньше было преимущественной доминантой русского языка. Определенные различия я вижу также в функционально-коммуникационном аспекте словообразования: в русском языке чаще, чем в чешском, мы встречаемся со стремлением сделать речь более оригинальной изобретением новообразований с элементами юмора (напр., известная *прихватизация*), в неологизации это большая инвенция русских образовывать новые слова с элементами языковой игры. (Это не значит, что в чешском языке подобного нет. Напр., в молодежном жаргоне: *Mám novýho kluka. Je to takovej Frikulín jeden. «Frikulín»* – обозначение парня, который: *free, cool и in*).

Следующее различие между русским и чешским языками заметно в более сильном нарушении грамматических и, главным образом, коммуникативно-этических норм в русских средствах массовой коммуникации в сопоставлении с чешскими масс-медиями. Расшатывание норм в обращении с лексикой ведет в обоих сравниваемых языках к стиранию границ между отдельными функциональными стилями, опять преимущественно в русском языке происходит даже хаотическое смешение стилей. Специфическим феноменом, вытекающим из особенностей жизни современного российского общества, является так наз. язык улицы, элементы которого постепенно проникают в обиходную речь самых широких социальных слоев.

В заключение можно сказать, что процессы развития всех славянских языков на современном этапе очень сложны, запутаны и многоаспектуальны и в настоящем докладе можно было сделать лишь небольшую экскурсию в два из них. Будущее их изучения надо искать, так как это актуально и в других отраслях науки, в интердисциплинарном подходе к их исследованию и, внутри самого языка, в включении исследуемых единиц в широко понимаемые рамки контекстуальных взаимосвязей.

Key words:

tendencies in development of contemporary Slavic languages, extralinguistic development factors, innovation processes in contemporary Russian and Czech wordstock, English and American borrowings, jargonisms, play on words, language vulgarization, trend towards economy of expression, towards agglutination in wordformation, growth of analytism in grammar, typological convergence

Summary

Drawing on the comparison with contemporary Slavic languages, particularly with Czech, the author endeavours to highlight characteristic trends in contemporary Russian development within the last two decades. The conclusion is that the fundamental development processes initiated by extralinguistic factors (e. g. tendency towards liberalization, American borrowings, analytism in grammar, productive wordformation processes in typologically cognate languages etc.) are more or less analogous in all contemporary Slavic languages,

the differences being largely in their intensity (for instance, in wordstock, the rate and quantity of changes is more dynamic and intensive in contemporary Russian than in contemporary Czech). Even the indication of tendency towards typological convergence of Russian and Czech may be observed (i. e. inclination of Czech towards analytism).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: СТАБИЛЬНОСТЬ И ЛАБИЛЬНОСТЬ КОНЦЕПЦИЙ

Иво Поспишил, Чешская Республика, Брно

Ключевым вопросом, касающимся развития русской литературы, является антиномия отечественного, автохтонного и чужого, иностранного. С самого начала возникновения письменности на Руси сталкиваются два начала более отчетливо и выразительно, чем в других европейских литературах. Проблема диглоссии легла в основу образования русского языка как такового путем странного синтеза на основе взаимного влияния и взаимопроникновения устного и письменного языков.

Как в сфере лингвистики классический греческий и латинский и в славянском мире старославянский (церковнославянский) языки, так и в области литературоведения ранние этапы развития национальных литератур изучаются не только из-за них самих, но и как неизбежный исходный пункт исследования национальной литературы в целом и даже ее новейших этапов. Развитие медиевистики в XX веке в связи с экспансией литературоведческой методологии акцентировало именно связь ранних этапов развития с их современной рефлексией. Имманентные методы и другие приемы и подходы, связанные с постмодернистской амбивалентностью, межтекстовой преемственностью и метатекстовым и интертекстовым характером литературы использовали ранние фазы развития национальных литератур для манифестации внутренних связей отдельных ранних или поздних текстов. Изучая древние пласты духовной культуры, исследователь интенсивно ощущает одновременно тождество и отличие, близкий и чужой характер подобно археологу, который занимается фрагментами материальной культуры: осцилляция между близостью и отчуждением, конструированием преемственности и осознанием фактической несвязности (прерывистости), пониманием и непониманием, известным и неизвестным.

Древнерусская литература как начальная стадия развития русской и, в ограниченном виде, восточнославянских литератур, имеет специфику, заключающуюся в нескольких перерывах и особой жанрово-мор-

фологической структуре, а также в поэтологической преемственности, моделируемой новой русской литературой. Упомянутые проблемы заключаются, однако, прежде всего, в осознании не само собой разумеющегося существования древнерусской литературы. Она в виде целостного явления появилась на наших глазах не сразу же, а постепенно образовалась и моделировалась из разбросанных текстов, которые были критически изданы и комментированы. Только на этом базисе формировалась эволюционная цепь. Историко-литературное моделирование преодолевало временные перерывы, прерывистость развития. В процессе образования модели древнерусской литературы не как простой панорамы изолированных церковных и светских текстов в подавляющем большинстве не оригинального характера, но как самобытной структуры важнейшую роль сыграло Слово о полку Игореве в качестве центрального произведения. Центральную позицию Слова использовал Д. С. Лихачев в рамках своего приема «дистанции и вида сверху», когда ему удалось избежать филологических деталей, показывая Слово в тесной связи с совокупностью других текстов, которые дополняют и, одновременно, интерпретируют друг друга в виде заколдованного кольца – не будь Слова, система разлагается, не будь упомянутых текстов, Слово выглядит слишком изолированным памятником Древней Руси. Этот блестящий и тактичный прием не смог, однако, опровергнуть все спорные места Слова, в том числе роль описаний природы и метатекстовой преемственности, несмотря на эмоциональные экзальтации.

Проблема существования древнерусской литературы тесно связывается с ее идентичностью или обновляемой идентичностью в русле исторических событий (языковая, культурная и территориальная идентичность, децентрализация и дисперсия, монголо-татарское нашествие, поиски новых центров и «собрание русских земель») – все это влечет за собой вопрос о внутреннем единстве, структуре и периодизации. Начало и конец древнерусской литературы связаны с вопросом о ее объеме и возможной трансценденции. Сызнова возникает проблема целостности и преемственности развития – она определяется в процессе отделения от романо-германской, латинской Европы, децентрализации, культурной дисперсии и поисков новых центров. С этим связан и вопрос о так называемых межлитературных центризмах, как их анализировал исследовательский коллектив Д. Дюришина в Словакии, Чехии, Моравии, России, Италии и государствах Средней Азии, бывших республиках СССР

в 70–90-е годы. Идентичность, объем и трансценденция (проникновение в литературу Нового времени) древнерусской литературы заключаются не только в ее отношении к европейским моделям, но и в процессе осцилляции тождества и разнообразия, стабильности и лабильности, из которых вытекают и ее европейские интерпретации. В древнерусской литературе ищут, с одной стороны, европейские культурные модели и их реализации (Ренессанс, барокко, рококо – соответствующие процессы касаются и других восточнославянских и южнославянских литератур), с другой стороны совсем другие, специфические модели и эволюционные парадигмы. И сейчас, следовательно, европеизирующим взглядам на русскую литературу противостоят новые, чисто русские парадигмы, из которых самой радикальной считается когда-то на шумевшая концепция В. Кожина.

В нашей концепции эволюционной модели русской литературы в общем, о которой мы уже не раз писали, ключевым является понятие пре-пост эффекта (парадокса): для русской литературы как таковой характерно восприятие чужих моделей и их трансформация, действующая как несовершенная имитация и, одновременно, как морфологическая инновация. Префазис иногда выступает в роли постфазиса (например, Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский опираются во многом, на предромантические художественные структуры и они, парадоксально, творцы нового этапа литературного развития).

В древнерусской литературе сомнительно как ее начало (*terminus a quo*), так ее конечные этапы (*terminus ad quem*). Речь идет не о вопросах возникновения русского языка на основе южнославянских и восточнославянских элементов, а о выразительной эволюционной специфике древнерусской литературы, связанной с прерывистой линией ее развития, с особой морфологической и жанровой структурой, поэтологической преемственностью, моделируемой новой русской литературой. Проблема возникновения, существования и развития древнерусской литературы не тождественна с началом развития восточнославянского литературного языка (старославянского, церковнославянского восточнославянской редакции). Речь идет об аутентичности древнерусской литературы, о ее тематическом, морфологическом, генеалогическом и генологическом (жанровом) определении и ограничении в качестве особого целого. И в этом отношении Слово – наряду с другими текстами, в особеннос-

ти с агиографиями, поучениями и проповедями – имеет большое значение.

Другие вопросы связаны с заключительным этапом развития древнерусской литературы. В этом отношении существенное значение имеет концепция Евгения Ляцкого. Для него древнерусская литература представляет собой своеобразную категорию, которую можно излагать на основе ее внутреннего движения. Древняя литература в 17–18 веках как бы постепенно вливается в литературу нового времени, буквально от одного произведения к другому.

Специфическим доказательством этой своеобразной модели развития русской литературы является роман. Как известно, европейский роман образовался на основе разных жанровых форм: в начале он был тесно связан, с одной стороны, с эпосом, с другой стороны, с сатирической прозой, позже его отождествляли с рыцарским эпосом, плутовской литературой, историей, хроникой и т. п. Доминантной чертой романа как жанра является его целостный характер, основанный на все возобновляющемся, повторяющемся, перманентном жанровом, формальном и содержательном синтезе. Его развитие можно охарактеризовать как преемственно-прерывистое: роман рождается в античной прозе, позже его развитие прекращается, потом продолжается в средневековье, зачастую как подражание эпосу, в форме плутовской прозы возобновляется в эпоху Ренессанса, в экспрессивно-эмоциональном виде в эпоху барокко, в игровом варианте в период рококо, в психологическом виде в эпоху барокко и классицизма. Речь всегда идет о своего рода новом начале, одновременно и о «памяти жанра», продолжающем предыдущие этапы развития.

Модель литературных направлений, настойчиво внушаемая европейским литературоведением, изменяется на русской почве путем бесчисленных повторений и возвращений в смысле уже упомянутого пре-пост эффекта (парадокса): романтизм возвращается в форме славянофильства, сентиментализм как орудие внутренней полемики с литературным социологизмом 40-х годов, классицизм возобновляется у А. С. Пушкина и заново появляется у И. А. Гончарова в поэтике тишины, спокойствия, равновесия почти в смысле «органической критики» Аполлона Григорьева, предромантические структуры («готический» роман, авантурные сюжеты) проникают в крупные романы «золотого века» (примером тому могут служить суггестивные, «массовые» сюжеты Достоевского, зачастую

в форме детектива, криминального романа или романа с тайной, толстовское «Воскресение»).

Эти многочисленные возвращения и повторения касаются, разумеется, и других литератур, в том числе и других славянских, но в русской литературе пре-пост эффект содержит два ключевых аспекта: он носит системный характер, именно он поднял русскую литературу на мировой уровень и определил ее ведущую роль в литературном процессе 19 века, который своеобразно продолжается в 20 и начале 21 века.

На протяжении двух столетий сталкивались две основные концепции развития русской литературы, а именно социологическая, связанная с анализом национального бытия и национальной психологии, и филологическая, переходящая в имманентные, текстовые методы. Их спор усиливается с 20-х годов 19 века. Этот спор имеет свое продолжение или, скорее, продолжения, а также свои последствия. Однако в обоих случаях он, зачастую, приводит к изоляции русской литературы от ее международного окружения. С одной стороны, речь идет об анализе замкнутых текстовых комплексов, с другой, о связи развития русского общества и литературы. Казалось бы, что эта замкнутость именно во второй половине 20 века постепенно исчезает, позже в связи с гласностью и перестройкой, а потом с полной силой в связи с известными событиями 1991 года, но это так лишь частично.

Русская литература, рефлектируемая русской литературной критикой и литературоведением как таковым, открывается именно западному воздействию. В рамках многочисленных проектов публикуются в прошлом запрещенные книги американских, британских, французских и немецких славистов в общем и русистов в особенности, но они как-то не очень вливаются в поток собственных русских литературоведческих исследований, учитывая лишь периферийно. Еще хуже дело обстоит с литературоведением славянских стран. Иногда учитывается польская русистика, но создается впечатление, что ареал Центральной Европы будто бы не существовал. Стратегия русской культуры возвращается, таким образом, хотя бы частично, к 18 и 19 веку, когда явно преобладал интерес к западной Европе, к Франции, позже скорее к англосаксонским странам, а также к Германии: «меньшие братья» учитываются лишь мимоходом.

Может быть, это дано до определенной степени распадом СССР и необходимостью поисков новых культурных (и, разумеется, политических) связей, как об этом пишет известный критик Наталья Иванова:

«Период полемики и противостояния совпал с неосознанной потерей. СССР закрылся, и с его закрытием (и открытием России) страна-обломков претерпела процесс неизбежной и обвальной провинциализации. Из столичных городов остались Москва и Питер – ушли Киев, Таллинн, Рига, Тбилиси, Ереван, Вильнюс, а с ними и другие центры. Тарту, например. Интеллектуальная жизнь и жизнь искусства в этих городах была особенной, взаимообмен между русским центром и центром 'другим' шел постоянно [...] в конце века было легализовано огромное наследство потаенной и эмигрантской русской литературы XX века, но мало кто успел (и не смогли – ферментов таких не было) его по-настоящему освоить. А то, о чем я говорила выше, – потерялось, растерялось, утратилось. Результат – провинциализация русской словесности, допущенной к европейской культуре и общемировой, которую она тоже не может пока усваивать по-настоящему: не хватает элементарных знаний, в том числе языковых [...] Эта провинциализация уныло выразилась в домотканности постмодернизма отечественной выделки. Там, где Умберто Эко нужна была мировая культура в ее сложной многосоставности, нам хватило пионерского детства. В самых утонченных текстах привлекались Тургенев, Достоевский. В редчайших случаях адаптировался Лесков – ну, это уже изыск.»¹

Сейчас кажется, что путь преодоления упомянутого спора социологов и филологов, как и способы синтеза средневропейских и восточнославянских подходов к русской литературе, так сказать, найдены. Это поэтологические, риторические и культуроведческие исследования ученых в белорусском городе Гродно, связанные с международной активностью и участием иностранных исследователей. Гродно становится, таким образом, мостом, по которому креативные импульсы средневропейцев проходят на другую, восточнославянскую, главным образом, русскую сторону и, разумеется, наоборот. Эту тенденцию можно, таким образом, воспринимать как своего рода плоскость, необходимую для коммуникации в процессе неизбежного преодоления упомянутой замкнутости Центральной Европы в отношении России и наоборот – в общем и в области литературоведения в том числе.

¹ Н. Иванова: *Скрытый сюжет. Русская литература на переходе через век*. Русско-балтийский информационный центр «BLIC», Санкт-Петербург 2003, с. 7-8.

Уже несколько серий гродненских сборников посвящено взаимодействию литератур в рамках теоретической и исторической поэтики. Обычно двухтомник отдельных докладов содержит статьи на разных методологических уровнях. Составитель сборника, ответственный редактор и *spiritus agens* деятельности гродненских литературоведов Татьяна Автухович, распределяет свои сборники скорее тематически. Под ее руководством Гродно становится настоящим центром изучения упомянутой проблематики, связывающей воедино научные поиски Белоруси, Украины, Польши, России, Болгарии, Чешской Республики, в последнее время и Германии, Великобритании, Франции, США и других стран. Методология разная: традиционных патетических, идейно-тематических статей старого стиля значительно меньше, чем прежде, преобладают скорее новые направления (структурализм, герменевтика, деконструктивизм) и вдохновение традиционными восточнославянскими идейными веяниями.

Во вводном слове к пока последнему двухтомнику Татьяна Автухович написала: «Можно с большей долей уверенности предполагать, что время хаоса, возникшего в результате постструктуралистского отрицания точного, логически выверенного анализа текстовых структур и попыток найти новые, интегральные, междисциплинарные подходы, неизбежно – по принципу маятника – сменится новым всплеском интереса к тому, как устроен текст, то есть к проблемам поэтики.»²

Кажется, что в гродненских сборниках возобновляется традиционная, аксиологически ориентируемая поэтика и поэтология, обогащенная новыми аспектами, основанными на риторике, герменевтике, заново воспринимаемой компаративистике и генологии (жанрологии). Именно благодаря тому русская литература очутилась в новом литературном и литературоведческом контексте начала 21 века. Может быть, это также одна из вдохновляющих попыток, как выйти из заколдованного кольца так называемого кризиса литературоведения в общем и литературоведческой русистики в частности.

² Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики. Материалы X Международной научной конференции. 19–21 сентября 2004 г. В 2 частях. Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы. Учреждение образования Гродненский Государственный Университет имени Янки Купалы. Гродно 2005, с. 5.

Литература

- Aleksej Remizov. *Approaches to a Protean Writer*. Ed. by Greta N. Slobin. Columbus, Ohio, 1987.
- Автухович, Т. Е.: Риторика и русский роман XVII века. Гродно 1995.
- Б. М. Гаспаров: Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе. XX век. Москва 1993.
- Бахтин, М.: Эстетика словесного творчества. Москва 1979.
- Baehr, S. L.: *The Troika and the Train: Dialogues Between Tradition and Technology in Nineteenth-Century Russian Literature*. In: *Issues in Russian Literature Before 1977*.
- Bauer, M.: *Romantheorie*. Stuttgart 1997.
- Bělič, O.: *Španělský pikareskní román a realismus*. Praha 1963.
- Berd'ajev, N.: *Duše Ruska*. Brno 1992.
- Берг, М.: Литературократия: проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. Москва 2000.
- Boden, D.: *Das Amerikabild im russischen Schrifttum bis zum Ende des 19. Jahrhunderts*. Hamburg 1968.
- Богданова, О. В.: Современный литературный процесс (К вопросу о постмодернизме в русской литературе 70–90-х годов XX в.). Санкт-Петербург 2001.
- Ботникова, А. Б.: Э. Т. А. Гофман и русская литература (первая половина XIX века). К проблеме русско-немецких литературных связей. Воронеж 1977.
- Бухаркин, П. (ed.): *Риторическая традиция и русская литература*. Межвузовский сборник. Санкт-Петербург 2003.
- Budil, I.: *Mýtus, jazyk a kulturní antropologie*. Praha 1995.
- Bursov, V.: *Dostojevskij a jeho svět*. Odeon, Praha 1978.
- Catteau, J.: *La Création littéraire chez Dostoievski*. Paris 1978.
- Červeňák, A.: *Tajomstvo Dostojevského*. Nitra 1991.
- Чистов, К.: *Русская народная утопия (Генезис и функции социально-утопических легенд)*. Санкт-Петербург 2003.
- Демин, А. С.: *О древнерусском литературном творчестве. Опыт типологии с XI по середину XVII вв. от Илариона до Ломоносова*. Отв. ред. В. П. Гременюк. Москва 2003.
- Дружников, Ю.: *Узник России. По следам неизвестного Пушкина*. Роман-исследование. Трилогия. Москва 2003.
- Dwudziestowieczna ikonosfera w literaturach europejskich: *Wizualizacja w literaturze*. Pod redakcją Bożeny Tokarz. «Śląsk», Katowice 2002.
- Eagleton, T.: *Culture Wars*. Primerjalna književnost, letnik 23, št. 1, Ljubljana, junij 2000.
- Eliade, M.: *Mýtus o věčném návratu*. Praha 1993.
- Эпштейн, М.: Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков. Москва 1998.
- Эпштейн, М.: *Постмодернизм в России. Литература и теория*. Москва 2000.
- Генис, А.: *Треугольник: авангард, соцреализм, постмодернизм*. Москва 1999.
- Gillespie, D.: *The Twentieth-Century Russian Novel. An Introduction*. Berg, Oxford – Washington 1996.
- Грачева, А.: *Алексей Ремизов и древнерусская культура*. *Studiorum Slavicorum Monumenta, tomus 19*, Российская Академия Наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург 2000.

- Hesse, Petra: Die Welt erkennen oder verändern? Prometheus in der russischen Literatur von den Anfängen der Mythos-Rezeption bis M. Gořkij. Basel 2000.
- Horálek, K.: Dostojevskij a polyfonní román. Bulletin Ústavu ruského jazyka a literatury. Praha 1972, s. 49–58.
- Ильин, И.: Постмодернизм: от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа. Москва 1998.
- Integrovaná žánrová typologie (Komparativní genologie). Projekt – metodologie – terminologie – struktura oboru – studie. Hlavní autoři: Ivo Pospíšil – Jiří Gazda – Jan Holzer. Editor: Ivo Pospíšil. Masarykova univerzita, Brno 1999.
- Intelligentsia in the Interim. Recent Experiences from Central and East Europe. Red. Fiona Björling, Slavica Lundensia 14, Lund 1995.
- Иванова, Н.: Скрытый сюжет. Русская литература на переходе через век. Санкт-Петербург 2003.
- Janaszek-Ivaničková, H.: Nowa twarz postmodernizmu. Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 2002.
- Juvan, M.: Žanrska identiteta in medbesedilnost, Primerjalna književnost, 2002, 1, s. 9–26.
- Kasperski, E.: Przynależność i zasady genologii. O czeskiej szkole genologicznej z Brna. Zagadnienia rodzajów literackich, tom XLII, zeszyt 1–2 (83–84), Łódź 1999, s. 181–196.
- Kautman, F., F. X. Šalda a F. M. Dostojevskij. Praha 1968.
- Kautman, F., K typologii literární kritiky a literární vědy. Praha 1996.
- Kautman, F., Literatura a filosofie. Praha 1968.
- Kautman, F.: F. M. Dostojevskij – věčný problém člověka. Praha 1992.
- Kautman, F.: O literatuře a jejich tvůrcích (Studie, úvahy a stati z let 1977–1989). Praha 1999.
- Kautman, F.: Polarita našeho věku v díle Egona Hostovského. Praha 1993.
- Kautman, F.: Svět Franze Kafky. Praha 1990.
- Klimowicz, T.: Obywatele Arkadii. Łosy pisarzy rosyjskich. Wrocław 1994.
- Кокшенева, К.: Русский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. Москва 2003.
- Колотаев, В.: Поэтика деструктивного Ероса. Москва 2001.
- Kontinuita romantizmu. Vývin – súvislosti – vzťahy. Editor: Jozef Hvišč. Bratislava 2001.
- Krausová, N.: Poetika v časoch za a proti. Bratislava 1999.
- Krejčí, K.: Fyziologická črta v české literatuře. In: Slovanské studie, Brno 1979, s. 59–73.
- Krejčí, K.: Sociologie literatury. Editori: Ivo Pospíšil – Miloš Zelenka. Vychází ve spolupráci Ústavu slavistiky a Literárněvědné společnosti AV ČR. Masarykova univerzita, Brno 2001. Úvodní studie: I. Pospíšil – M. Zelenka: Souvislosti sociologického přístupu k literatuře a komparatistické impulsy Karla Krejčího v meziválečném období: na pomezí sociologismu a strukturální estetiky, s. 5–32.
- Litteraria Humanitas VI. Alexandr Veselovskij a dnešek. Brno 1998. Editori: Danuše Křiváková, Ivo Pospíšil.
- Маньковская, Н.: Эстетика постмодернизма. Санкт-Петербург 2000.
- Matušová, Z.: Cestou k člověku (Viktor Astafjev a jeho doba). Nitra 2003.
- Minimalismus zwischen Leere und Exzeß. Mirjam Goller und Georg Witte (Hrsg.). Tagungsbeiträge des internationalen wissenschaftlichen Symposiums am Institut für Slavistik der Humboldt-Universität zu Berlin vom 11. bis 13. November 1999. Berlin 2001.
- Молнар, А.: Поэтика романов И. А. Гончарова. Москва 2004.

- Müller, B.: *Absurde Literatur in Rußland. Entstehung und Entwicklung.* München 1978.
- Nešpor, P.: *L. N. Tolstoj.* Praha 1971.
- Nycz, R.: *Tekstowy świat. Poststrukturalizm a wiedza o literaturze.* Universitas, Kraków 2000.
- O svetovom románe. Zbornik štúdií. Red. Mikuláš Bakoš. Bratislava 1967.
- Одинокое, В. Г.: *Художественно-исторический опыт в поэтике русских писателей.* Новосибирск 1990.
- Porter, R.: *Russia's Alternative Prose.* Oxford/Providence 1994.
- Porter, R.: *Solzhenitsyn's One Day in the Life of Ivan Denisovich.* Bristol Classical Press, *Critical Studies in Russian Literature.* Bristol 1997.
- Pospíšil, I.: *Genologie a proměny literatury.* Brno 1998.
- Pospíšil, I.: *Existence, struktura, rozpětí a transcendence staroruské literatury (Poznámky k některým metodologickým problémům).* *Slavica Litteraria*, X 1, 1998, s. 27-37.
- Pospíšil, I.: *Fenomén šílenství v ruské literatuře 19. a 20. století.* Brno 1995.
- Pospíšil, I.: *Фрагментарный роман-хроника конца 20 века («Наследие исчезнувших свирелей», «Овес на крышах» и «Деревянные пирамиды» Йиндржиха Зогаты: особенности жанра, стиля и поэтики.* *Stil* 2003, Beograd, s. 259-271.
- Pospíšil, I.: *Мы а они: ve středu i na okraji. Poznámky k česko-ruským lite-rárním vztahům.* In: *Dialog kultur I. Sborník příspěvků z odborného semináře - Hradec Králové 14. 11. 2001,* katedra slavistiky, Pedagogická fa-kulta, Univerzita Hradec Králové, OFTIS, Ústí nad Orlicí 2002, s. 13-39.
- Pospíšil, I.: *N. Leskov's Genres: Individuality and Tradition.* In: *Bahtin in humanistične vede. Zbornik prispevkov z mednarodnega simpozija v Ljubljani, 19.-21. oktobra 1995.* Ljubljana 1997, s. 265-272.
- Pospíšil, I.: *Povaha a vývoj ruského románu (Nástin problematiky).* Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity, XLV, D 43, 1996, s. 53-66.
- Pospíšil, I.: *Problém autorského typu: Fadděj Bulgarin.* *Slavica Slovaca* 1988, 4, s. 366-384.
- Pospíšil, I.: *Ruský román. Nástin utváření žánru do konce 19. století.* Brno 1998.
- Pospíšil, I.: *The Hidden Kernel of Paradox: the Chronicles of Anthony Trollope and Nikolai Leskov.* *Germanoslavica. Zeitschrift für germano-slawische Studien*, VII (XII), 2000, Nr. 1, s. 35-40.
- Pospíšil, I.: *Tvar a funkce metarománu.* *Světová literatura* 1984, č. 3, s. 251-253.
- Pospíšil, I.: *Václav Černý a ruská literatura.* *Slavia* 1994, 3, s. 331-337.
- Pospíšil, I.: *Život protopopa Avvakuma a Karamzinovy Dopisy ruského cestovatele jako uzlové body ve vývoji ruského románu.* *Litteraria Humanitas V; Západ a Východ - Tradice a současnost (Literární směry a žánry ve slovanských a západních literaturách jako reflexe stavu světa),* Masarykova univerzita, Brno 1998, s. 85-109.
- Pospíšil, I.: *к вопросу об отношении Т. Г. Масарика к русской литературе.* In: *Т. Г. Масарик и Россия. Развернутые тезисы докладов мждународной научной конференции.* Институт «Открытое общество», Общество братьев Чапек в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургская Ассоциация международного сотрудничества, Санкт-Петербургская Ассоциация друзей Чехии и Словакии. Санкт-Петербург 1997.
- Schmid, U.: *Ichentwürfe. Russische Autobiographien zwischen Avvakum und Gercen.* Basel 2000.
- Семенова, С.: *Метафизика русской литературы.* Москва 2004.
- Steinberg, M. D.: *Proletarian Imagination: self, modernity, and the sacred in Russia, 1910-1925.* Cornell University Press, Ithaca, N. Y., 2002.

Tracing Literary Postmodernism. University of Constantine the Philosopher, Faculty of Humanities, Institute of Literary Communication, editor: Tibor Žilka, Nitra 1998.

Veselovskij, A. N.: Historická poetika. Bratislava 1992.

Wanner, A.: Russian Minimalism: from the prose poem to the anti-story. Evanston, Northwestern University Press 2003.

Key words:

Russian literature as battle of the autochthonic and the strange, pre-post effect (paradox), evolutionary scheme of Russian literature, conflict of philologic (textual, immanent) and sociological approach, Russian literature and Central Europe, international interdisciplinary conferences held in Grodno and volumes on poetic and rhetoric as attempt of understanding, search for new cultural context

Summary

The author makes an attempt to analyse a specific way of Russian literature evolution and presents his own notion of pre-post effect (paradox). Russian literature is perceived as a special field of battle between the autochthonic and the strange. In course of more than two centuries there has been a conflict of philological (textual, immanent) and predominant sociological and ideological approach in the field of Russian literary science. The author sees Russian literary science being isolated from Central Europe. Interdisciplinary volumes published in Grodno are particularly considered a relatively successful attempt to overcome the split between East-Slavic and central European space and a symbol of new understanding in search for new cultural context.

A. LINGVISTIKA

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ ЛЕКСЕМЫ «ОДИН» В РУССКОМ И МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКАХ¹

Наталья Боронникова, Елена Овчинникова, Россия, Пермь

Категория определенности-неопределенности как универсальная понятийная категория имеет свое выражение в языках различного строя и реализуется на разных языковых уровнях. Функционально-семантическое поле категории определенности-неопределенности включает два микрополя. Ядром микрополя неопределенности является грамматический показатель – неопределенный артикль, на периферии находятся лексические, синтаксические и просодические способы. Неопределенные детерминативы, к которым относятся местоимения, представляют собой переходную зону между ядром и периферией поля. В безартиклевых языках поле неопределенности является менее четким. Русский язык традиционно относится к группе безартиклевых языков. Основным способом выражения неопределенности в русском языке являются лексические средства – неопределенные местоимения, а на периферии поля находятся факультативные средства: порядок слов, интонация, постпозитивные частицы, падежные формы и т. д. (см., например, исследования С. А. Крылова, Т. М. Николаевой, К. А. Мишиной, Е. В. Падучевой, П. Д. Шмелева и др.).

Македонский язык, как и близкородственный ему болгарский, принадлежит к языкам с одноартиклевой системой. Общеизвестным считается наличие в его системе определенного постпозитивного артикля. Неопределенность в македонском языке выражается отсутствием у существительного определенного артикля – общей формой имени: *Определенность находит свое выражение в артикле, а неопределенность в его отсутствии* (Конески, 229). Однако, как известно, каждая грамматическая категория строится как система противопоставления грамматических форм с однородным значением. Иными словами, наличие определенного артикля в языке требует появления неопределенного артикля. При

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 04-04-82405 а/у и гранта РГНФ № 03-04-00165а.

маркированной неопределенности в македонском языке используются лексические средства, в частности местоимение ЕДЕН. Согласно мнениям исследователей (см. Конески, Тополињска, Поварнићина, Усикова), лексема ЕДЕН является одним из центральных способов выражения семантики неопределенности.

Настоящее исследование посвящено сопоставительному анализу артиклевой функции лексемы ОДИН/ЕДЕН в русском и македонском языках. Как отмечает М. К. Сабанеева, *неопределенному артиклю в целом присуще выражение неиндивидуализации к моменту речи представления о предмете (лице), т. е. введение названного предмета (лица) в речь при первом предъявлении* (Сабанеева, 8). В сфере местоимений, по мнению Е. В. Падучевой (Падучева 1985: 91–93), значение неопределенности распределяется по трем типам: 1) собственно неопределенность, или специфическая неопределенность (предмет неизвестен говорящему и слушающему – местоимение *какой-то*); 2) слабая определенность (предмет известен говорящему, но неизвестен слушающему – *один*); 3) неспецифическая неопределенность (отсутствие фиксированного референта в реальной ситуации – *какой-нибудь*).

Неопределенный артикль по своему происхождению – безударная форма числительного ОДИН. При этом счетность и количественность в семантике артикля с течением времени нивелируются: ОДИН начинает выполнять функцию неопределенного местоимения, а в ряде случаев – артикля. Как же числительное ОДИН превращается в неопределенный артикль? По словам М. К. Сабанеевой, *переход от числительного к неопределенному артиклю сопряжен с перераспределением сем по степени значимости. На первый план вместо количественной лексической семы выступает качественная грамматическая сема отсутствия индивидуализации представления о предмете в момент речи* (Сабанеева, 809).

Однако в разных языках степень грамматикализации неопределенного артикля различна. Лексема ОДИН в русском языке многозначная. В академической грамматике русского языка (Грамматика-80) отмечается, что ОДИН *относится к счетным словам и выступает в значении только или в значении неопределенного местоимения какие-то, некоторые*. По мнению Н. И. Мишиной значение ОДИН определяется его сочетаемостью с разными частями речи. ОДИН может сочетаться с существительным, местоимением или глаголом и иметь значение числительного, местоимения или частицы. При этом данная лексема может иметь одно значение (зна-

чение частицы) лишь в сочетаниях с существительным *singularia tantum* или местоимением. В остальных случаях ОДИН может обладать сразу несколькими значениями. В качестве местоимения ОДИН несет указание на неопределенное лицо или предмет. Значение неопределенного местоимения ОДИН обретает **только** в сочетаниях с существительными, за исключением собирательных, вещественных, отвлеченных и имен собственных. Сочетаемость и значение местоимения ОДИН соответствуют сочетаемости и значению неопределенного артикля: *Слово «один» часто в русском языке выступает в роли неопределенного местоимения, напоминая в этом случае по значению и употреблению немецкий и французский неопределенный артикль* (Мишина, 101).

Т. М. Николаева рассматривает акцентные модели сочетания ОДИН с именем. *В самом упрощенном виде эта модель трактуется следующим образом: ударение в словосочетании падает на ОДИН - словосочетание есть словосочетание имени с числительным; ударение падает на имя - ОДИН выступает в артиклеобразной функции* (Николаева, 164).

Е. В. Падучева анализирует функционирование лексемы ОДИН в высказывании с позиций референциального подхода. ОДИН является местоимением-актуализатором именной группы и маркирует неопределенно-референтные именные группы и экзистенциальное употребление. Автор называет ОДИН в высказываниях типа *Был у меня один приятель* слабоопределенным местоимением. Первичная функция таких местоимений - интродуктивная (Падучева, 213). А. О. В. Федорова кроме интродуктивного значения у ОДИН выделяет антиинтродуктивное. *Инвариантом таких употреблений является нерелевантность (неважность, неуместность, необязательность или ненужность) выделенного референта в данном дискурсе* (Федорова, 80). Если при интродуктивном значении следует конкретизация объекта, то при антиинтродуктивном стремления к этому нет.

Итак, для русского языка характерно использование в качестве показателя неопределенности местоимения ОДИН в безударной позиции в сочетании с именем существительным. От остальных показателей неопределенности его отличает сходство с неопределенным артиклем по значению и употреблению. В ряде случаев ОДИН грамматикализуется в интродуктивной функции.

Лексема ЕДЕН в македонском языке может иметь значение числительного или неопределенного местоимения. Числительное ЕДЕН отличает-

ся от неопределенного местоимения наличием собственного ударения. Б. Конеский отмечает: *Слово ЕДЕН, кроме значения числительного, имеет и другие значения. Например, значение, синонимичное неопределенному местоимению НЕКОЈ, т. е. выступает в роли неопределенного местоимения. В этом случае ЕДЕН может образовывать и форму множественного числа. В значении числительного ЕДЕН имеет ударение, а как местоимение оно безударно...* (Конески, 325, 340). Кроме того, неопределенное местоимение ЕДЕН при выделении признака неопределенности может выполнять функции неопределенного артикля при существительном (Усикова, 131). В этом качестве ЕДЕН, по мнению исследователей, грамматикализуется и отчасти теряет свое лексическое значение. Основными признаками такого употребления называют, во-первых, *полную безударность* и, во-вторых, *фиксированность позиции, то есть постоянное положение относительно центра группы и возможность быть отдаленным от центра только словами, зависимыми от этого центра* (Ревзин, 199).

Для македонского языка характерна более широкая дистрибуция ЕДЕН как показателя маркированной неопределенности. ЕДЕН может использоваться в составе предиката, при референтном употреблении, экзистенциальном употреблении и в функции генерализации.

Особой семантикой, по мнению М. А. Поварницыной (Поварница, 63), характеризуются именные фразы в функции предиката. Субъективно неопределенные фразы здесь имеют значение экспрессивно маркированного сравнения. Сравнение здесь выражает квалификационную оценку предмета мысли: *Појавувањето на непознат, од каква и да е возраст и пол – секогаш беше еден настан во бедното и мало гратче*. В данной функции возможно сочетание ЕДЕН с именами собственным: *Ти си еден Понтие Пилат*.

При референтном употреблении именные группы могут иметь значение специфической неопределенности (неизвестности) и слабой определенности: *Филип забележа, таму горе, во облаците, едно краварче, босо, со крпени панталони и машка кошула, како трча по роглестата четириножна хранителка; Том научи да свирка од едно црнче*. Экзистенциальное значение проявляется в предложениях с глаголами *има, сум*: *Имаше еден човек по име Јован, пратен од Бога*. Однако местоимение ЕДЕН употребляется не со всеми лексемами в этой конструкции. Оно, как правило, появляется только при существительных с предметной семантикой, тогда как при

абстрактных существительных его употребление, как показывает текст, факультативно.

Кроме того, возможно употребление ЕДЕН в функции генерализации: *Воскосано лице на еден мртвец. Како што сме, душману еден, да не чуе татко ти и небоно како што сме.* ЕДЕН, используемый с генеричной ИГ, подчеркивает акт подведения под класс через сравнение с эталонными для этого класса признаками. В данном случае ЕДЕН способен употребляться и с абстрактными существительными.

Суммируя все сказанное о лексеме со значением «один» в македонском и русском языках, можно отметить следующее. В македонском языке становление неопределенного артикля спровоцировано наличием определенного постпозитивного артикля, который является своеобразным катализатором этого процесса. ЕДЕН, так же как и русское местоимение ОДИН, можно отнести к слабоопределенным местоимениям, т. к. ЕДЕН зачастую выполняет интродуктивную функцию в тексте. Однако ЕДЕН как показатель неопределенности в македонском языке отличается от остальных неопределенных местоимений. В некоторых случаях ЕДЕН грамматизируется и выполняет функции неопределенного артикля. При этом ЕДЕН свойственны сочетания с абстрактными и нарицательными существительными, которые невозможны для неопределенного артикля в западноевропейских языках. Кроме того, возможно использование ЕДЕН в сочетании с именами собственными. Однако говорить о полном превращении ЕДЕН в неопределенный артикль на данном этапе нельзя, местоимение сохраняет многочисленные лексические оттенки, которые не позволяют отнести его к чистым показателям неопределенности.

Использованная литература

- Конески, Б.: Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје 1982.
- Мишина, Н. И.: *Значение и употребление слова «один» в русском языке.* In: УЗ МГПИ им. В. И. Ленина, 1960. № 148. С. 94–112.
- Падучева, Е. В.: Высказывание и его соотносительность с действительностью. М. 1985.
- Поварничина, М.: Кон употребата на еден како показател на неопределеноста во македонскиот јазик. Посебен отпечаток. Скопје 1996.
- Ревзин, И. И.: Структура языка как моделирующей системы. М. 1978.
- Сабанеева, М. К.: *Романские протартикли в недрах латыни: вопросы теории и генезиса.* In: Вопросы языкознания, 2003, № 6. С. 4–14.

Тополинска, З.: *Македонски еден – неопределен член?* In: Македонски јазик, 1981–82, XXXII–XXXIII. С. 705–715.

Усикова, Р. П.: Грамматика македонского литературного языка. М. 2003.

Федорова, О. В. *Интродуктивная референция имени в безартиклевых языках.* In: Вопросы языкознания. 1999. № 2. С. 71–91.

Key words:

Indefiniteness, the lexeme ODIN, Russian language, Macedonian language, the meaning, the functioning, grammaticalization

Summary

The paper deals with the meaning and functioning of the lexeme ODIN as the marker of indefiniteness in Russian and Macedonian languages. In the Macedonian the formation of the indefinite article is provoked by the existence of the post-positive definite article that can be regarded as the catalyst of the process. The Macedonian EDEN, as well as the Russian ODIN, can be included into the class of weakened definite pronouns because EDEN can often perform the introductory function in the text. On the other hand, EDEN as the marker of indefiniteness differs from all the other indefinite pronouns. In some cases EDEN gets grammaticalized and functions as the indefinite article. In this function EDEN is able to combine with abstract and common nouns which is impossible for the indefinite article in West-European languages. Besides, EDEN is able to combine with proper names. At the same time EDEN preserves a number of lexical meanings which do not allow classifying it as the pure marker of indefiniteness.

**О ПЕРЕВОДЕ ПЬЕСЫ ЧАЙКА А. П. ЧЕХОВА
НА ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК
(СРАВНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ ПЕРЕВОДОВ
Л. СУХАРЖИПЫ И Б. МАТЭЗИУСА)**

Надя Браздилова, Чешская Республика, Оломоуц

Одной из существенных задач переводчика художественной литературы является актуализация текста – несколько упрощенно говоря – такие сознательные сдвиги, при помощи которых переводчик стремится преодолеть расстояние между периодом и местом возникновения литературного произведения и его перевода. Актуализация может осуществляться разными способами, самым общим из которых мы можем считать замену „проблемного“ места в оригинале его функциональным эквивалентом – напр. замену русского имени его чешским вариантом, замену русских реалий соответствующими им чешскими и т. п.

Я буду стремиться продемонстрировать вышеприведенное теоретическое предположение на пьесе *Чайка* А. П. Чехова и ее новейшем переводе – переводе Леоша Сухаржипы 2001 года. Для сравнения я буду пользоваться переводом Богумила Матэзиуса 1952 года.

Я буду говорить о пьесе, т. е. о произведении, назначенном в первую очередь для устного исполнения. С помощью перевода Сухаржипы я хочу проиллюстрировать методы, применяемые переводчиком для того, чтобы актуализировать, то есть найти функциональный эквивалент – и в результате помочь зрителю воспринять текст, ориентироваться в нем как можно лучше. Дело в том, что Сухаржипа стремится к тому, чтобы зритель не встретил в тексте ничего необыкновенного, ничего, что бы его удивило, и поэтому он речь героев приспосабливает чешским зрителям и избавляет ее от многого русского.

Сухаржипа натурализует текст, например, тем, что он заменяет русские весовые, денежные и прочие единицы единицами близкими чеш-

кому зрителю: когда одна из персонажей, Медведенко, говорит, что он ходит *шесть верст сюда да шесть обратно* (с. 229) (и Матэзиус это переводит как *denně chodím šest verst sem a šest verst zpátky* – с. 151), Медведенко Сухаржипы говорит: *chodím pěšky šest kilometrů sem a šest zpátky* (с. 6).

Что касается перевода обозначения денег, Сухаржипа применяет два метода. В случае, когда речь идет о конкретной сумме, он ее умножает на сто: *мне удалось скопить только две тысячи* (с. 269) – *podářilo (se mi) dát dohromady jen dvě stě tisíc* (с. 50), (Матэзиус: *podářilo se ušetřit jen dva tisíce* – с. 191). Он таким образом помогает зрителю сделать отчетливое представление, о каком количестве денег идет речь, и сделать хотя бы приблизительное представление о том, что на такие деньги можно было купить. Когда не называется конкретная сумма – напр., *мать завещала мужу все свое громадное состояние, все до копейки* (с. 242) а где Матэзиус придерживается русского образца (*matka odkázala mužovi celé své ohromné jmění do poslední kopejky* (с. 163), там Сухаржипа предоставляет чешский эквивалент: *matka prý odkázala celé své obrovské jmění svému muži, celé do posledního halíře* (с. 19).

Два предложения *У меня теперь в доме шестеро. А мука семь гривен пуд.* (с. 269), где проблемной является прежде всего комбинация гривен и пудов, Матэзиус перевел *Nás je teď doma šest. A mouka stojí sedmdesát kopejek pud.* (с. 191). Он пересчитал гривны в копейки и сохранил пуд. Для Сухаржипы это было еще сложнее. Так как он конкретные суммы денег умножает на сто и русские реалии приспособливает чешским зрителям, причем гривну толковый словарь определяет как *денежную и весовую единицу, представляющую собой серебряный слиток весом около полуфунта* (с. 228) и пуд как *сорок фунтов (= 16, 58 килограмма)* (с. 1044), Сухаржипа уклонился от решения этой проблемы тем, что он второе предложение пропустил: *Nás je teď doma šest. Spočítejte si, co se vydá jenom za mouku.* (с. 50)

Следующее с русской средой связанное слово, *мужик*, но примененное в общем значении, Сухаржипа переводит чешским, также всеобщим, *člověk*: *я все отстаю и отстаю, как мужик, опоздавший на поезд* (с. 254), *а я за ними клопытаю jako člověk, kterému ujíždí vlak* (с. 34), (сравн. Матэзиус: *а я се stále opožďuju а opožďuju, jako mužik, který zmeškal vlak.* (с. 175)

В Чехии принято называть дом не именем кого-нибудь, а скорее указывать на магазин, который в этом доме расположен. Поэтому Су-

харжипа предложение *Дайте мне тотчас же знать... Молчановка, дом Грохольского...* (с. 266) переводит как *A hned se ozvěte... Molčanovka, ten dům, co je obchod s moudrým zbožím...* (с. 47).

Русские также известны своей способностью ссылаться на значительные произведения или выдающихся писателей. Чехов ссылается на Гоголя, конкретно на Записки сумасшедшего: *(меня) схватят и повезут, как Поприщина, в сумасшедший дом.* (с. 253). Эта фамилия не активизирует у чехов те же ассоциации как у русских, чехи ее правдоподобно не расшифруют, и поэтому Сухаржипа применяет принцип генерализации и фамилию Поприщина пропускает *chytanou mě a povevou do blázince.* (с. 33)¹

Следующая сфера, которую Сухаржипа существенным образом преобразывает – это имена действующих лиц. Я имею ввиду прежде всего отчества. Отчества, которые для чешского зрителя (читателя) связаны с русской средой, которым он не удивляется и как-то их в русском тексте предполагает и ожидает. Сухаржипа, все таки, абсолютно все отчества пропускает.

В списке действующих лиц, где в оригинале (а также в переводе Матэзиуса) приведены имена и отчества (*Ирина Николаевна Аркадина, Константин Гаврилович Треплев, Борис Алексеевич Тригорин*), Сухаржипа пропускает отчества, оставляя только имена и фамилии (*Irena Arkadinová, Konstantin Treplev, Boris Trigorin*). Этот подход (пропуск) встречаем, конечно, и в самой пьесе. Здесь Сухаржипа опять применяет несколько способов перевода. Он пропускает отчества, или пользуется только собственными именами: *Красное вино и пиво для Бориса Алексеевича ставьте сюда, на стол* (с. 282) – *To červené víno dejte sem, na stůl. A víno pro Borise.* (с. 64), или только фамилиями: *Петру Николаевичу следовало бы бросить курить* (с. 247) – *Pan Sorin by měl přestat kouřit.* (с. 26), или обращение полностью пропускает: *Это для меня послано? – Для вас, Петр Николаевич.* (с. 270) – *Tady to je pro mě? – Ano.* (с. 51). Последний применяемый Сухаржипой метод в этом случае – это замена отчества титулом, названием функции или обращением, указывающим на социальную принадлежность говорящих: *Будьте добры, Илья Афанасьевич, прикажите отвязать ее.* (с. 242) – *Buďte tak laskav, pane správcе, naříd'te, ať ho odvážou.* (с. 19), или:

¹ Матэзиус в своем переводе фамилию оставляет: *zmoční (se mne) a odvezou jako Popriščina do blázince*, что здесь, по-моему, не функционально.

Вы были так увлечены разговором с Ириной Николаевной... вы не замечали холода. (с. 235) – tak zaníceně jste hovořil s milostivou paní... ani jste necítil, že už je chladno. (с. 12).

У Сухаржипы тенденция объяснять не только «русское», а все, что зритель мог бы теоретически не понять сразу, что для него может быть непривычным, или то, с чем он встречается, не уж так часто. Следовательно, он вино *xeres* (из испанского *jerez*) правильно переводит как *белое вино*: *я же хочу жить и потому пью за обедом xeres* (с. 247) – *ale já chci žít, a proto piju k obědu bílé víno* (с. 26). Такая трансформация (генерализация) вполне возможна – сорт вина здесь не важен. (Матэзиус под влиянием русской графической формы перевел это предложение не так удачно: *ale já chci žít, a proto piju po obědě xereské* (с. 168))

В следующих двух примерах, на мой взгляд, стремление Сухаржипы «помогать» зрителю совсем не обоснованно и не функционально.

Первый пример касается ситуации, когда Медведенко помогает Сорину встать и перейти в другую комнату: *Медведенко. Есть загадка: утром на четырех, в полдень на двух, вечером на трех... Сорин. Именно. А ночью на спине. Благодарю вас, я сам могу идти...* (с. 260). В этой загадке, которая существует и на чешском языке, говорится о человеческой жизни: утром на четырех – это маленький ребенок, в полдень на двух – это взрослый человек, вечером на трех – это уже старый человек, опирающийся на трость, и ночью на спине – это, конечно, мертвый человек. Тем, что Сухаржипа перевел реакцию Сорина *Právě. A v noci touží po posteli. Děkuji vám, můžu jít sám...* (с. 40), он лишил разговор не только всей шутки, но и смысла. Матэзиус перевел этот разговор следующим образом: *Medveděnko. Je taková hádanka: Ráno po čtyřech, v poledne po dvou, večer po třech... Sorin. Výborně. A v noci na zádech. Děkuji vám, já mohu jít sám.* (с. 182) – ни одно из значений не утрачено.

Во втором случае Тригорин описывает Нине, как он пишет повести, что он постоянно должен все записывать, потому что все ему может пригодиться: *Пахнет гелиотропом. Скорее мотаю на ус: приторный запах, вдовий цвет, упомянуть при описании летнего вечера.* (с. 253). Сухаржипа переводит эту часть вот так: *Vě vzduchu je cítit vanilka. Rychle si zapisuju za uši: přěsládlá vůně, květina vdov, připomenout si líčení letního večera.* (с. 32). Гелиотроп (по-чешски *heliotrop*; по-лат. *Heliotropium Aborescens*) правдопо-

добно Сухаржипе казался слишком экзотическим для чехов, и поэтому он заменил его ванилью (она также пахнет сладко и некоторые цветочные воды дают гелиотропу такое прозвище). Но он сохранил последующее описание этого цвета как вдовьего, что на чешском языке о ванили ни в коем случае нельзя сказать. Матэзиус оставил гелиотроп, но его перевод: *Čichám heliotrop*. (с. 174) звучит несколько странно (химически).

На нескольких примерах я попыталась продемонстрировать, каким образом Сухаржипа работает при передаче русского текста чешскому зрителю. Я пришла к заключению, что основным принципом, применяемым Сухаржипой, является разного типа актуализация. Он стремится актуализировать текст в максимальной степени; иногда даже ценой ненужной утраты некоторых специфических черт русской среды, сохранение (или акцентирование) которых могло бы обогатить чешского зрителя (читателя).

Использованная литература

Бархударов, Л. С.: *Язык и перевод*. Москва 1975.

Чехов, А. П.: *Чайка*. In: Собрание сочинений. Том девятый. Пьесы 1886–1904. Москва 1956, str. 228–282.

Čechov, A. P.: *Racek*. In: Hry. Praha 1952, str. 149–204.

Čechov, A. P.: *Racek*. Praha 2005.

Kučera, C.: *Vlastní jména v originálu a v překladu*. In: *Translatologica Pragensia III, 2. část – Acta Univ. Carolinae – Philologica 2–3*. Praha 1989, str. 137–144.

Кузнецов, С. А., гл. ред.: *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург 2002.

Vilíkovský, J.: *Alúzia v preklade*. In: *Translatologica Pragensia III, 2. část – Acta Univ. Carolinae – Philologica 2–3*. Praha 1989, str. 99–116.

Key words:

Anton Chekhov, the Seagull, translation, L. Suchařípa, B. Mathesius, allusion, functional equivalence, transformation, generalization, neutralization

Summary

This paper deals with the translation of *The Seagull* by Anton Chekhov into Czech. It works with the newest translation by L. Suchařipa and compares some of its aspects with the translation by B. Mathesius. The paper describes some of the transformations that are employed in the process of translation, e. g. generalization, neutralization etc. The paper also mentions the role of allusion in the original text and in the translation.

ВЫРАЖЕНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ. НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНЫХ РЕЦЕНЗИЙ

Бернхард Бремер, Германия, Тюбинген

Выражение оценки является одной из важнейших функций языка. Поэтому лингвистическим аспектам выражения оценки посвящен ряд обстоятельных монографий (напр. Вольф 1985, Арутюнова 1988). Оценочный фактор играет значительную роль практически во всех сферах употребления языка, но особое место он занимает в текстах научных дискуссий (ср. Иванов 2003). Основной жанр среди письменных научных функциональных разновидностей языка представляет собой научная рецензия. Специфика рецензии состоит в том, что она включает как дескриптивные, так и собственно оценочные компоненты, поскольку рецензент, с одной стороны, должен познакомить читателей с композицией и основным содержанием рецензируемой работы, но, с другой стороны, он должен также оценить новизну предложенного труда и указать на его главные достижения и недостатки.

В области выражения оценки проявляется национально-культурная специфика языкового поведения. Н. Д. Арутюнова справедливо замечает, что *«оценка социально обусловлена. Ее интерпретация зависит от норм, принятых в том или другом обществе или его частях.»* (Арутюнова 1988: 6). Следовательно, можно ожидать, что представители разных культур расходятся во мнениях о том, какое выражение положительной или отрицательной оценки считается уместным в той или иной коммуникативной ситуации. Кроме того, в контрастивных работах о выражении вежливости в русском и западноевропейских языках (см. напр. Земская 1997, Ратмайр 2003) отмечаются различия в коммуникативных стилях, которые состоят в том, что западные культуры, в том числе и немецкая, отдают предпочтение стратегиям, подчеркивающим дистанцию между коммуникантами (негативная вежливость в терминах работы Brown, Levinson 1987), в то время как русская культура придает большее значение стратегиям, подчеркивающим солидарность между коммуникан-

тами (позитивная вежливость), что допускает более прямые средства выражения интенции говорящего. Эти различия позволяют выдвинуть гипотезу о том, что немецкий и русский языки, возможно, различаются и в формах и употреблении отрицательных оценок в научных рецензиях (ср. также Grimm 1999).

Материалом для предложенного анализа послужили 50 немецких и 50 русских рецензий, как коллективных работ, так и монографий из области немецкой и русской филологии, а также общего литературоведения и общего языкознания, опубликованных в разных научных журналах в 2004 и 2005 годах (напр. *Известия Академия Наук, Филологические науки, Вестник МГУ, Вопросы Языкознания, Русская Литература, Zeitschrift für Sprachwissenschaft, Zeitschrift für angewandte Linguistik, Zeitschrift für deutsche Philologie, Poetica* и др.). В состав проанализированных рецензий вошли рецензии трудов как отечественных, так и иностранных авторов, рецензенты, однако, всегда были носителями немецкого и русского языков как родного. На основе этого корпуса мне хочется более подробно остановиться на диапазоне лексических единиц, выражающих отрицательную оценку рецензируемых работ.

В работах, посвященных языковому выражению оценки, всегда подчеркивается широкий диапазон лексико-грамматических средств выражения оценочного значения (ср. Маркелова 1994). Оценочные кванты в определении Иванова, т. е. «слово или словосочетание, являющееся минимальным носителем знака оценки в отдельном оценочном высказывании» (Иванов 2003: 76) разделяются здесь на семантические подгруппы, предлагаемые Ивановым (ср. Иванов 2003: 87–101). Первую подгруппу составляют оценочные лексемы, которые можно назвать наиболее прямыми показателями критического отношения рецензента к рецензируемому тексту, поскольку они как бы гипермаркируют коммуникативную направленность целого текста или следующего раздела, в котором объясняется суть критики. В эту группу входят преимущественно квантысуществительные (напр. русс. *оговорка, упрек, возражение, претензия*; нем. *Kritikpunkt, Einwand*), реже квантыглаголы (напр. русс. *упрекнуть, оговориться*; нем. *kritisieren, monieren*). В роли отрицательных квантов встречаются кроме того и лексемы

- указывающие на отсутствие важных аспектов в рассуждении оппонента или небытие постулированных им сущностей, напр. существительные как русс. *отсутствие, упущение*; нем. *Fehlen, Leerstellen* и глаголы

- без отрицания (русс. *отсутствовать*; нем. *fehlen*) или с отрицанием (русс. *нет, не дается*; нем. *findet sich kein Hinweis*).
- со значением неточности, расплывчатости, отступления от некоторого порядка, включающие как существительные (русс. *отступление, неопределенность*; нем. *ohne Differenzierung*), так и прилагательные и наречия (русс. *неточно определен*; нем. *sprunghaft konzipiert, deplatziert*) и глаголы (русс. *несколько расплывается*).
 - обозначающие пространственные признаки; это прежде всего прилагательные и наречия со значением размеров объекта или линейных мер (напр. русс. *довольно сжато представлена, слишком большая опора*; нем. *allzu große Intimität, greift zu kurz*).
 - со значением (не)лимитированности; в эту подгруппу входят как существительные (русс. *ограничение, ограниченность*; нем. *Einschränkung*), так и прилагательные и наречия (русс. *опирается почти исключительно*; нем. *eingeschränkte Auseinandersetzung*) и глаголы (русс. *следовало бы расширить*; нем. *drastisch reduzieren*).
 - со значением неполноты, недостатка или, наоборот, избытка, напр. существительные как русс. *недостаток, фрагментарность, гипертрофия*; нем. *Mangel, Redundanz*; прилагательные и наречия как русс. *недостаточный учет*; нем. *ein unzureichendes Lektorat*; глаголы как русс. *стоило бы дополнить, недостаёт*; нем. *blendet aus, wiederholen sich*.
 - указывающие на неактуальность темы, результатов или применяемых автором рецензируемой работы методов (русс. *устаревшее впечатление*; нем. *geben wenig Neues her*).
 - со значением простоты или усложненности научного изложения, напр. русс. *банальность, слишком легко, усложняет*; нем. *verschraubte Formulierungen, erschwert*.
 - со значением неестественности, неоригинальности объекта, напр. русс. *неоригинальность, слишком надуманная операция*; нем. *Gemeinplatz, kein originelles Gesamtbild*
 - обозначающие неадекватность теории, методов и т. д., напр. русс. *не вполне адекватен, слишком общо*; нем. *unbefriedigend, nicht brauchbar, passt nicht*.
 - характеризующие эффекты и отрицательные последствия оцениваемого объекта, напр. русс. *остаётся впечатление, что такое объяснение не следует из анализа*; нем. *Fragen bleiben offen, lässt die Bilder in den Hintergrund treten, überlagert*.

- оценивающие эффективность подхода автора рецензируемого труда (русс. *это неэкономно, мало эффективный*; нем. *wenig Aussagekraft und Nutzen, wenig schlagend*)
- обозначающие поведенческие и интеракционные характеристики (русс. *небрежность, слишком наивно, автор упорно настаивает*; нем. *Voreingenommenheit*)
- обозначающие научные термины или принадлежность к области определенной научной дисциплины, напр. русс. *описательный характер*; нем. *biographistischer Zugriff*.
- собственно аргументативного характера, составляющие самую крупную подгруппу квантов в проанализированном корпусе, напр. русс. *вызывает споры, не убедительные решения, сомнительные примеры, дискуссионная глава, трудно согласиться, заставляет усомниться, можно было бы подискутировать*; нем. *kritisierenswerter Beitrag, problematische Untersuchung, keine schlüssige Definition, ist mitnichten zuzustimmen, ein Metaphernbegriff, der zu hinterfragen wäre, Gründe sind nicht nachzuvollziehen*.
- выражающие характеристики интеллектуального восприятия материала («перцептивные метафоры» в терминологии Иванова), напр. русс. *неясность, не вполне понятно, не очевидно, книга оказалась вне поля внимания автора*; нем. *reichlich unklar, einsinnige Lektüre, Varianten werden nicht in den Blick genommen, nicht berücksichtigt*.
- обозначающие эмоциональные характеристики, напр. русс. *вызывает сожаление, удивительное отношение, несколько разочаровывает*; нем. *enttäuschend, höchst seltsam benannt, bedauerlich*.
- относящиеся к форме и содержанию текста или к определенному речевому акту, напр. русс. *противоречивость, полемический тон, больше говорится о политике, нежели о поэтике*; нем. *Stil eines mündlichen Vortrags, unkommentiertes Zitat, das hätte man kommentieren müssen, zitiert nicht*.
- указывающие на отклонение от нормального положения дел, напр. русс. *опечатка, недосмотр, недочет, оговорка, неправилен стиль, выражения не вполне корректны, не все в порядке*; нем. *Tippfehler, Falschschreibung, Angaben sind irreführend oder falsch*.
- со значением оптативности (в широком понимании), т. е. лексемы, выражающие желание рецензента, напр. русс. *желательно уточнить*,

хотелось бы увидеть; нем. wünschenswert wäre eine präzisere Beschreibung, ich hätte mir gewünscht.

Другие семантические группы оценочных лексем, выделяемые Ивановым, или вообще не встречаются в проанализированном материале, или представлены только единичными примерами.

Анализ семантических групп квантов, используемых для выражения отрицательной оценки в научных рецензиях, показал, что гипотеза о возможных различиях между русским и немецким языками в этой области не подтверждается. Семантический диапазон квантов в немецких и русских рецензиях, а также частота использования отдельных классов и частеречная дистрибуция квантов (преобладание прилагательных и глаголов, сравнительно редкое употребление квантов-существительных) являются более или менее одинаковыми в обоих языках. Следовательно, результаты данной работы противоречат предположениям Гримм о том, что критика выражается в русских рецензиях намного менее категорически, чем в немецких (ср. Grimm 1999: 63–64). Вышесказанное позволяет сделать вывод, что установленные разными учеными различия в коммуникативных профилях русского и немецкого языков, видимо, не распространяются на тексты научных рецензий. Для более полного сопоставления выражения оценок в русских и немецких рецензиях было бы желательно, однако, включить не только использование отдельных оценочных лексем, но и средства смягчения или усиления категоричности оценок и способы выражения субъекта и адресата оценки, т. е. формы самоидентификации рецензента и наименования автора рецензируемого труда.

Использованная литература

- Арутюнова, Н. Д.: *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. М. 1988.
- Brown, P. – Levinson, S. C.: *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge 1987.
- Grimm, A.: *Höflichkeit in der Wissenschaftssprache (am Beispiel deutscher und russischer Rezensionen)*. In: U. Doleschal – E. Hoffmann (eds.), *Linguistische Beiträge zur Slavistik*. VI. JungslavistInnen-Treffen Wien 1997. München 1999, s. 49–67.
- Иванов, А. Ю. *Текст в научной дискуссии: дейксис и оценка*. М. 2003.
- Маркелова, Т. В.: *Функционально-семантическое поле оценки в русском языке*. In: *Вестник МГУ, Серия 9, Филология*, 1994, N 4, с. 12–19.
- Ратмайр, Р.: *Прагматика извинения*. М. 2003.

Вольф, Е. М.: *Функциональная семантика оценки*. М. 1985.

Земская, Е. А.: *Категория вежливости: общие вопросы - национально-культурная специфика русского языка*. In: *Zeitschrift für slavische Philologie* 56, 1997, s. 271-301.

Key words:

negative evaluation, criticism, semantic classification, text pragmatics, scientific review, scientific communication, Modern Russian, Modern High German, contrastive linguistics

Summary

The article deals with verbal means of expressing criticism and negative evaluation in Russian and German scientific reviews. The analysis of 50 German and 50 Russian scientific reviews taken from the field of Russian and German philology reveals that the semantic classes of lexemes used to express negative evaluation as well as their frequency and distribution are more or less the same for both languages. These findings contradict the suppositions put forward by Grimm (1999) that criticism is expressed much less frankly and categorically in Russian than in German scientific reviews.

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

Данута Будняк, Польша, Кельце

Русский и украинский языки имеют множество черт, свойственных языкам периодов социальных (в том числе и революционных) преобразований, в частности, характеризуются активной динамикой языковых изменений и неоднозначной реакцией личности и социума на эти преобразования. Кроме того, необходимо отметить:

- активное проявление «революционного фразерства» в общественном дискурсе;
- увеличение роли средств массовой информации в формировании языка эпохи и тезауруса личности;
- активизацию лексикографической практики как отзыв на изменения в словарном составе русского и украинского языков;
- борьбу старых и новых культурно-языковых тенденций, трансформацию языкового вкуса и под. В конце XX века в лексике русского и украинского языков наблюдаются активные процессы, которые отражают изменения социально-культурного, научно-политического и политико-идеологического уклада жизни общества. В близкородственных языках эти процессы стимулируют проявление как схожих, так и различных лингвистических проявлений. Обновление словарного состава языка(а, как следствие и тезауруса языковой личности) всегда вызывало особый интерес. Анализ этих процессов в русском и украинском языках конца XX века получает не всегда однозначную оценку. По-разному оценивается степень и глубина этих изменений. В русском языкознании наиболее распространённым является мнение, что языковая интуиция «спокойных» 60–70-х годов радикально отличается от языковой ситуации 90-х годов. «За десять лет мы не стали говорить совершенно иначе, чем до перестройки, но язык наш за минувшее десятилетие изменился решительно примерно так же, как русский язык начала XX века, язык Чехова и Блока, изменился

под влиянием революции, гражданской войны, нэпа и становления социалистической формации»¹.

В украинском языкознании акцентируется внимание на том, что исторические события конца XX века отразились не только на процессах политического, экономического или социального устройства целого ряда государств, в том числе и Украины. Они коснулись и языка. Однако следует отметить, что язык по отношению к указанному виду явлений занимает абсолютно независимое, особое место².

Кроме того, принимаем во внимание положение о том, что структура словаря, словарного состава представляет собой один из компонентов картины мира, тесно связана с ней³. Значит, изменения в словарном составе (лексике) опосредованно свидетельствуют об изменении в некоторых фрагментах концептуальных и языковых картин мира, о динамике изменений в структуре языковой личности.

Процессы в русском и украинском языках конца XX века уже получили определённую оценку лингвистов. Так, в работах, посвящённых анализу лексики русского языка этого периода, акцентируется внимание на том, что трансформация социально-политического строя, изменение в сферах идеологии, экономики, культуры, изменение рамок распространения и функционирования после распада СССР обусловили изменения в словарном составе русского языка. Демократизация, косвенно образовавшаяся и в языковой сфере, жанровое расширение, увеличение активности СМИ и снятие цензуры, активное пополнение ряда терминологических систем – процессы, активно влияющие на изменения в словарном составе русского языка. «... Перемены, которые произошли за последние 12 лет (1985–1977) в русском языке на переломе общественной жизни, в период экономических, социальных, политических и психологических катаклизмов были восприняты языковым сознанием носителей языка. Лавинообразное словообразование, неконтролируемый поток заимствований, вторжение жаргона в общий язык, новая жизнь слов,

¹ Клобуков Е. В. Активные процессы в грамматике и лексике современного русского языка // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 1997. № 5. С. 118.

² Баранник Д. Х. Українська мова на порозі XXI століття // Дослідження з лексикології і граматики української мови. Т.2. 36. наук. праць. Дніпропетровськ: Навчальна книга, 2000, с. 7.

³ Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976, с. 259.

обозначающих актуальные понятия нашего времени, уход в пассив целых пластов лексики социализма. – Эти процессы нашли место в словаре»⁴.

Рассматривая изменения в лексике украинского языка необходимо указать на то, что вдобавок к указанным выше факторам, проявляющимся в языках постсоветских стран, особую роль сыграло провозглашение независимости Украины, обусловившее некоторые изменения в словарном составе украинского языка. Статус государственного языка стимулировал расширение его функций, изменение общественной роли, увеличение функциональных и жанровых разновидностей языка.

Изменения в лексическом составе украинского языка во второй половине 80–90-х годов XX ст. обусловлены, прежде всего, противоречиями между возможностями определённым образом структурированного словаря и общественно-политическими, экономическими и научно-техническими возможностями жизни, возросшими культурными потребностями украинского народа, его стремлением передать свои достижения, мысли и чувства адекватно, как можно разнообразнее и логичнее»⁵. Всё это привело как к выходу в пассивный словарный состав, так и вхождению в активный словарный состав достаточно большого количества лексических и фразеологических единиц.

Рассмотрим некоторые конкретные процессы в словарном составе русского и украинского языков конца XX века.

Вошла в активное употребление лексика, бывшая ранее на периферии языкового сознания в пассивном словарном составе – устаревшие слова, относящиеся к реалиям дореволюционного времени и др. Возраст подобных ЛСВ объясняется имеющими место тенденциями в обществе вернуть традиционный уклад и своего рода социокультурным противодействием «социалистической» действительности, и определённой оппозицией иноязычным заимствованиям (последний аспект более присущ русскому языку). Например, *акциз, атаман, аудитор, благотворительность, думец, кадетский, казачество, казна, казнокрад, корпус, меценат, милостыня, праведник, престол, призрение, прислуга, приют, святой, чиновник* и под.

⁴ Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г. Н. Складневской. – СПб, 1998, с. 5.

⁵ Стишов О. А. Особливості розвитку лексичного складу української мови XX ст. // Мовознавство. 1999, № 1, с. 7.

Для українського язика подобний процес особливо актуален. В активний запас возвращаються ісконні слова, витесненні русскоязычними кальками, полонізмами і другими заимствованиями. Из пассивного состава приходять лексические единицы, которые попали туда не только в силу исторического устаревания, но и по политическим мотивам. Одновременно происходит возвращение некоторых ісконно грамматико-орфографических и фонетических норм, а также поиски нового единого правописания слов.

Например,

габарит, Гельсінки, глинець, гніт, данці, завідувач,

збіжжя, мистець,

пластуни, пошукувач, правник, співтовариство, часопис и под.

В активний лексический состав українського язика входит некоторое (пока не очень значительное) количество слов из язика диаспоры, которые появились и функционируют в нём под влиянием идеи язикового пуризма⁶. Получили распространение, особенно в язике СМІ, лексические единицы: *довкілля, світлина, пилосмок, летовище* и др. Подобный процесс вызывает не всегда однозначное восприятие в обществе. Проблемным представляется он и для язикової личности «коррекция тезауруса», которой вызывает определённое сопротивление, например, проявление такой реакции в тексте: *«Нині, коли мова діаспори не коновками, чи циберками, а цілими цистернами вливається у вітчизняні діалекти, виникають певні проблеми: деякі наші слова і вирази можуть бути хибно сприйняті, наші земляки можуть їх неправильно зрозуміти... Проте, з гордістю можу справедливо стверджувати саме я, Хведосій Степанович Чичка, перший збагнув секрети еміграційної мови і переклав на цю мову 'Ой, три шляхи...' Шевченка. Трьох гостинців під тов горов / накупу сі схопит...»*⁷.

Отмечается, что при не очень значительных отличиях в правописных системах «материкового» и диаспорного вариантов українського язика они значительно отличаются лексикой и некоторыми специфическими синтаксическими конструкциями.⁸ Динамика вхождения единиц «язика диаспоры» в реальный дискурс (из произведений художественной лите-

⁶ Ажнюк Б. М. Мовна єдність нації: діаспора й Україна. – Київ: Рідна мова, 1999, с. 306.

⁷ Хв. Чичка. «Мовні поради Хведосія Чички». Л У, 1.02.96.

⁸ Матвіяс Іван, Варіанти української літературної мови. – Київ, 1998, с. 149.

ратуры, публицистики, язык СМИ) увеличивается, наблюдается и изменение отношения личности к их усвоению, так как она уже не ощущает характерное для старших поколений «противопоставление с идеологических позиций – «украинское советское» – «украинское националистическое».

В отличие от русского языка 90-х годов в литературный украинский язык проникает диалектная национально-фольклорная лексика. Это способствует оживлению языка, уменьшает разрыв между книжной и устной речью, увеличивает синонимическое богатство. Одна из причин этого процесса – необходимость заполнить языковые ниши, особенно терминологические.

В активное употребление вошла лексика, которая ранее стойко ассоциировалась с категориями буржуазного, капиталистического общества и теперь обозначает реалии нашей действительности:

русск. *банкир, безработица, бизнес, бизнесмен, забастовка, инфляция, капитал, коррупция, мафия, многопартийность, неимущий, стачки* и др. укр. *вілла, гіперінфляція, застава майна, кілер, корпорація, ломбард, алігархи, офіс, фермер* и др.

Сюда же относятся наименования структур, явлений, заимствованных из сферы социально-политического устройства зарубежных стран: русск. *департамент, мэр, мэрия, муниципалитет, парламент* и др.; укр. *асоціація, менеджер, президент, спікер* и др.

Наименования «вернувшихся» в жизнь нашего общества реалий:

- русск. *гильдия, градоначальник, губернатор, гувернёр, лицей, паломничество* и др.
- укр. *Великий піст, гімназія, козачий курінь, сотник, хресний хід.*

Как отмечают исследователи, неологизмы нашего времени – это особое незамкнутое «сообщество» слов, появляющихся в соответствии с общими законами развития языка⁹.

⁹ Говердовская Е. В. Лексические новации в сфере имён существительных современного русского литературного языка // Русский язык в школе. – 1992. № 3–4, с. 46.

К категории «новых» слов относят:

- новые слова и переименования, служащие средством номинации новых реалий,
- старые переосмысленные слова,
- новые заимствования,
- слова, пережившие процесс актуализации, т. е. перехода из пассивного словаря в активный или из узкой сферы существования в обиходное употребление (ранее они могли быть диалектизмами или профессионализмами, устаревшими словами и экзотизмами)¹⁰.

Рассматривая особенности языка конца XX века, так или иначе необходимо принимать во внимание проявляющийся в работах современников определённый субъективизм, обусловленный множеством факторов, включающих и языковой вкус и внутреннюю идеологию исследователя. Языковые особенности 90-х годов ещё не «отстоялись». Достаточно сложно определить, какие изменения в лексическом составе будут иметь продолжение или заметные последствия и воздействие на лексику, а какие окажутся ограниченными по времени и месту, станут конъюнктурно обусловленными. «Никогда нельзя забывать, в какой мере каждый новый факт в языке нестойкий. В языке нет стойких, постоянных приобретений, которые обеспечивают богатство усвоившего их языка, всякое приобретение ненадёжно и чаще всего уравнивается потерей»¹¹.

Для последнего времени характерно понимание того, что языковые единицы, организованные в стройную систему-текст перестают быть языковыми единицами в чистом виде. «...Лингвистам давно уже было понятно, что наблюдаемая реальная данность текста не является собственно языком – теоретическим объектом их науки. Язык есть нечто, лежащее за текстом, предшествующее ему, лишь внешне проявляющееся в нём,

¹⁰ Говердовская В. И. Идеологическая коннотация, речевая практика и лексикография // Язык и общество. Отражение социальных процессов в лексике: Научный сборник. – Саратов, 1986, с. 58–69.

Попов Р. Н. Новые слова и словосочетания в языке современной прессы // Русский язык в школе. – 1996, № 1, с. 70–73.

Стишов О. А. Особливості розвитку лексичного складу української мови ХХ ст. // Мовознавство, 1999, № 1, с. 7–22.

¹¹ Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. Пер. с фр. М.: Гос. соц-экон. изд-во, 1937, с. 315.

т. е. текст уже не есть язык. С другой стороны, существует нечто, что предшествует языку, что ещё не есть язык: содержание сознания, мысль, представление и т. п.¹² Для обозначения самодостаточного языкового проявления, которое можно соотнести с понятием текста, в языкознании всё чаще употребляется термин *дискурс*. Под ним будем понимать «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами. Текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)»¹³. В отличие от текста, дискурс обращён и к прагматической ситуации, и к ментальным процессам участников коммуникации.

Язык осуществляет свои основные функции, только организуясь в текст. Мировоззренческие позиции личности, особенности индивидуальной картины мира находят отражение в тексте. «Язык как априорная отдельному человеку данность осуществляет функцию мировидения, реализующуюся фиксированием возможных семантических точек зрения, как объекты действительности и ментального мира»¹⁴. Реализация этих точек зрения возможна только в тексте с помощью текста. Ещё более важна роль текста при описании не просто языка, языковых единиц, а *языка эпохи* (языка времени). Исследователи отмечают важность понимания термина «язык времени» для определения эстетической значимости какого-либо этапа развития языка, а также при решении проблемы о способах возможной интерпретации текстов изучаемого времени. Большинство современных учёных опирается на положение, выдвинутое В. В. Виноградовым. «Язык времени» – это совокупность языковых единиц, отбираемых авторами общенационального, постоянно развивающегося языка для выражения мыслей и чувств, свойственных конкретной эпохе»¹⁵.

Текстовая мотивированность связей слов в русском и украинском языках основана на типизации функций одних и тех же языковых средств в жанрах языка практического и в художественной речи. Выявление же

¹² Попов Ю. В., Трегубович Т. П. Текст: структура и семантика. – Минск: Высшая школа, 1984, с. 189.

¹³ Языкознание 1998с. 136.

¹⁴ Лабезник Ю. С. Модель мира: поэзия. – Киев, 1995, с. 83.

¹⁵ Виноградов В. В. О языке художественной прозы: Избранные труды. М.: Наука, 1980, с. 81.

на этой основе черт сходства и различия вызваны разной функциональной ориентацией.

Использованная литература

- Bauer J. *Старославянский язык и язык жителей Великой Моравии (сопоставление синтаксического строя) // Syntactica slavica. Vybrané práce ze slovanské skladby*. – Brno: Univ. J. E. Purkyně v Brně, 1972. – S. 68–90.
- Бодуэн де Куртене И. А. *О смешанном характере всех языков // Избранные труды по общему языкознанию*. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 362–372.
- Брайчевський М. Ю. *Біля джерел слов'янської державності. Соціально-економічний розвиток черняхівських племен*. – К.: Наук. думка, 1964. – 356с.
- Востоков А. Х. *Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оног письменным памятникам // Филологические наблюдения А. Х. Востокова*. Издал И. Срезневский. – СПб: в ип. Имп. АН, 1865. – С. 11–27.
- ВПКСМ – *Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов*. За ред. О. С. Мельничука. – К.: Наук. думка, 1966. – 594 с.
- Горбач О. *Генеза української мови та її становище серед інших слов'янських*. Зібрані статті: в 3 т. – Мюнхен, 1993. – Т.3. С. 5–30.
- Грушевський М. *Звичайна схема «русської» історії й справа раціонального укладу історії східного слов'янства // Винар Л. Силуети епох. – Дрогобич: Відродження, 1992. – С. 168–175*.
- Кондрашев И. А. *Славянские языки*. – М.: Учпедгиз, 1956. – 198 с.
- Мельничук О. С. *Аспекти методології лінгвістичних досліджень // Мовознавство*. – 1986. – № 3. – С. 3–11.

Key words:

epistemology, cultural revolution, cognitive evolution, lingual situation, intellectual evolution, potential of a language, ethnos, political status, educational languages, the grounding of evolutionary psychology.

Summary

Danuta Budniak

Holy Cross Academy n. a. Jan Kochanowski

Evolutional epistemology:

the history and modern approaching studies on the evolution of languages

The paper presented deals with the modern epistemology as a historical approach for studying the languages on a historical basis with a relevant understanding of the phenomena - the knowledge and the cognition. The author delivers the main question answered by the epistemology - what is the knowledge and how it appears. This main question of the epistemology appears to be the subject of the evolutional theory of the languages. The question of connecting genetic and cultural evolution is also investigated. The problem mentioned above seems to be very important when investigating the communicational space on ethically mixed territories with several languages existing.

ПРОЕКТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ГОСУДАРСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Ирина Бурдина, Россия, Нижний Новгород

В настоящее время на территории Российской Федерации действует Закон РФ от 25. 10. 1991 года (в редакции от 11. 12. 2001 года) «*О языках народов Российской Федерации*».

05. 02. 2003 года Государственной Думой (нижняя палата) был принят проект нового Федерального закона «*О государственном языке Российской Федерации*», но Совет Федерации (верхняя палата) отклонил данный проект с предложением о создании согласительной комиссии.

Комитет Совета Федерации *по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии* в своем заключении отмечает, что некоторые положения законопроекта являются декларативными или не обеспечены правовым механизмом их реализации (пункты 4, 5 и 6 статьи 1, абзац третий пункта 1 статьи 5, статья 6).

В законопроекте необходимо определить понятие «государственный язык Российской Федерации».

Понятия «русский язык» и «русский язык как государственный язык Российской Федерации» не тождественны. Назначение русского языка как государственного языка Российской Федерации состоит в осуществлении обмена информацией между гражданами страны во всех областях общественной деятельности.

Основой государственного языка Российской Федерации является современный *литературный* русский язык. Сообщения, сделанные на русском языке как государственном языке Российской Федерации, как правило, не должны содержать редко употребляемых слов или понятий, не известных широкому кругу граждан, так как обязаны иметь ясное и однозначное толкование.

На русском языке как государственном языке Российской Федерации ведется деловая переписка, составляются заявления, обращения и иные документы, с которыми власть обязана обращаться к гражданину и гражданин имеет право обратиться к власти.

Вызывает возражение запрет в Законопроекте на использование иностранных слов или словосочетаний при наличии соответствующих аналогов в русском языке. Некоторые иностранные слова и словосочетания стали неотъемлемой частью русского языка и задним числом отменить их невозможно.

В *Законопроекте* (ст. 6) определено, что нарушения, направленные на ограничение использования русского языка как государственного языка Российской Федерации, а также иные действия и нарушения, препятствующие осуществлению права граждан на пользование государственным языком Российской Федерации, влекут ответственность, установленную законодательством Российской Федерации. Однако, в действующем российском законодательстве ответственность за подобные «действия и нарушения» не предусмотрена.

Вызывает много вопросов статья 3 *Законопроекта*, в которой говорится об обязательном использовании государственного языка в деятельности общероссийских, региональных и муниципальных организаций телерадиовещания, редакций общероссийских, региональных и муниципальных периодических печатных изданий, за исключением деятельности организаций телерадиовещания и редакций периодических печатных изданий, учрежденных специально для осуществления теле- и (или) радиовещания либо издания печатной продукции на государственных языках республик, находящихся в составе Российской Федерации, других языках народов Российской Федерации или иностранных языках, а также за исключением случаев, если использование *лексики*, не соответствующей нормам русского языка как государственного языка Российской Федерации, является неотъемлемой частью художественного замысла. В данном случае непонятно, кто будет определять эти исключения.

Вызывает сомнение возможность применения положений п. 6 статьи 1 *Законопроекта*, согласно которым при использовании русского языка как государственного не допускается использование, в частности, «просторечных» слов и выражений, а также иностранных слов при наличии общеупотребительных аналогов в русском языке. Однако, отсутствуют критерии признания выражений «просторечными».

Многие иностранные слова по праву вошли в современный русский язык, особенно в сфере экономики, и используются как полноправные синонимы русскоязычных слов.

Так, пунктом 6 статьи 1 *Законопроекта* установлено, что при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование, в частности, иностранных слов при наличии общеупотребительных аналогов в русском языке. Однако в тексте проекта рассматриваемого Федерального закона содержатся иностранные слова, имеющие соответствующие слова в русском языке. Так, в Законопроекте употребляются иностранные слова «аналогия», «сфера», «функционирование» и т. п., которые в русском языке имеют следующие значения: «соответствие» («схожесть»), «область», «круг деятельности» («работа, производимая органом» и т. д. В зависимости от области употребления). Другими словами, содержание проекта Федерального закона нарушает правила, им же устанавливаемые.

Конституция Российской Федерации определяет, что государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык (статья 68, часть 1). Одновременно Конституция Российской Федерации признает за республиками право устанавливать свои государственные языки и использовать их в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик наряду с государственным языком Российской Федерации (статья 68, часть 2) и гарантирует всем народам Российской Федерации право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития (статья 68, часть 3), что в свою очередь служит интересам сохранения и развития в Российской Федерации *двуязычия* (многоязычия).

Однако это конституционное положение вызывает также ряд вопросов.

Использование (употребление) языка в качестве государственного в различных сферах государственной деятельности и в официальных отношениях предполагает его существование не только в словесной (устной), но и в письменной форме. Поэтому обязательным и важным компонентом правового статуса государственного языка является *графическая основа* его алфавита, т. е. системы знаков, употребляемых в письменности.

Согласно пункту 6 статьи 3 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» в Российской Федерации алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик в составе Российской Федерации строятся *на графической основе кириллицы*; иные графические основы алфавитов (например, ла-

тинича - в республике Татарстан) государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик могут устанавливаться федеральными законами.

Обязанность изучения в детских дошкольных учреждениях, общеобразовательных школах, средних и средних специальных учебных заведениях русского языка и языков субъектов РФ, употребление различных графических основ в государственном языке РФ и языках республик вызывает разногласия и приводит к обращениям граждан в судебные органы.

В качестве примера можно привести дело о проверке конституционности (постановление Конституционного суда РФ от 16. 11. 2004 года) положений ряда законов Республики Татарстан («О языках народов Республики Татарстан», «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», «Об образовании»), Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации».

Гражданин Хапугин С. И. обратился в суд с жалобой о несоответствии Конституции Российской Федерации ряда статей вышеуказанных законов. По его мнению примененные в его деле законоположения обязывают учащихся общеобразовательных учебных заведений с русским языком обучения изучать татарский язык в большем объеме, для них ограничивается возможность углубленного изучения иных предметов учебного плана, а также освоения дисциплин по выбору. Тем самым, утверждает заявитель, граждане Российской Федерации, проживающие в республике Татарстан, ставятся в неравное положение в реализации права на образование по сравнению с проживающими в других субъектах.

Конституционный суд РФ признал вышеназванные законы, соответствующими Конституции РФ, так как Конституция РФ признает за субъектами право устанавливать свои государственные языки и использовать их в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик наряду с государственным языком Российской Федерации.

Поэтому Закон Республики Татарстан от 15. 09. 1999 года «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики» предусматривает, что в Республике Татарстан восстанавливается татарский алфавит на основе латинской графики и что до 01. 09. 2011 года действуют одновременно два алфавита - на основе латинской графики и кириллицы. В качестве государственных языков Республики Татарстан устанавливаются татарский и русский языки, которые на равных основаниях упот-

реблюются в деятельности органов государственной власти Республики Татарстан, предприятий, учреждений, организаций, что предполагает их знание государственными и муниципальными служащими, работниками государственных органов, предприятий, организаций.

Все вышеназванные моменты, на мой взгляд, должны быть учтены в проекте нового Федерального закона «О государственном языке РФ». На данный момент проект является недоработанным и содержит много противоречий.

Использованная литература

Закон РФ от 25. 10. 1991 № 1807-1 (ред. от 11. 12. 2002) «О языках народов Российской Федерации».

Информация «О причинах отклонения Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» (проект № 63221-3)».

Официальный отзыв Правительства РФ от 23. 04. 2001 № 2403п-П8 «На проект Федерального закона «О русском языке как государственном языке Российской Федерации».

Постановление Конституционного суда РФ от 16. 11. 2004 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 10 Закона Республики Татарстан»

«О языках народов республики Татарстан», части второй статьи 9 Закона Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», пункта 2 статьи 6 Закона Республики Татарстан «Об образовании» и пункта 6 статьи 3 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С. И. Хапугина и запросами Государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан».

Проект Федерального Закона № 63221-3 «О государственном языке Российской Федерации» (окончательная редакция, принятая ГД ФС РФ 05. 02. 2003).

Проект Федерального Закона № 63221-3 «О русском языке как государственном языке Российской Федерации» (редакция, внесенная в ГД ФС РФ).

Key words:

the bill of the federal law, state language of the Russian Federation, use of loan words, bilingualism, cyrillic, latin alphabet, inconsistencies of the bill

Summary

The Bill of the Federal Law “On the State Language of the Russian Federation”

The paper deals with critical comments on the bill of the federal law “On the State Language of the Russian Federation” (5. 2. 2003). The author points out that it is necessary to distinguish between the term of “the Russian language” and the term of “the Russian language as state language of the Russian Federation”. The author is critical about the ban to use loan words in case there exist equivalent Russian synonyms. The notion of bilingualism in the republics forming the Russian Federation as well as the question of use of Cyrillic or Latin alphabet as graphic code are ambiguous. The author comes to the conclusion the bill as one whole is inconsistent and ambiguous.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОДНОЙ ГРУППЫ ЗАИМСТВОВАННЫХ ГЛАГОЛОВ

Марта Вагнерова, Чешская Республика, г. Ческе-Будейовице

Как известно, русский язык всегда был открыт для заимствований, в его лексике большой процент иноязычных слов разного происхождения. Среди них преобладают существительные, но немалую группу создают и глаголы. Проникновение иноязычных глаголов из западно-европейских языков в русский литературный язык стало заметно на рубеже XVII и XVIII вв. Активным средством приспособления к русской глагольной системе именных и глагольных основ, заимствованных из других языков, тогда стал суффикс **-ова-**, по мнению В. В. Виноградова, под влиянием польского языка, где были распространены глаголы на *-ować*. Суффикс *-ова-* часто осложнялся интерфиксами и в длительной борьбе различных способов суффиксального оформления заимствованных глаголов (с помощью интерфиксов или без них) победили осложненные суффиксы. Как отмечает И. П. Мучник, обычным спутником русского суффикса *-ова-* стал слог **-ир-** (абонировать, гравировать). Как в XIX, так и в XX вв. многие лингвисты (Я. К. Грот, Л. С. Берг и др.) призывали отказаться от осложненных суффиксов. Глаголы на **-ировать** академик Берг называет даже «уродливыми формами»¹, а также считает отрицательным явлением глаголы с суффиксом **-изирова-**. Тем не менее, суффиксы **-ирова-**, **-изирова-** и также **-фицирова-** крепко укоренились в РЯ и в настоящее время они представляют собой (наряду с суффиксами *-ова-* и *изова-*) очень продуктивные типы суффиксального словообразования, при помощи которых пополняется словарный состав РЯ. Именно на глаголах с вышеуказанными тремя суффиксами мы хотим остановиться. Интересующие нас глаголы **1) соотносительны с непроизводными именами**, причем в подавляющем большинстве случаев имя, которое легло в основу глагола, по происхождению, правда, иноязычное, (с франц., нем., англ., голл., ит. И древних лат. И греч. языков), но уже прочно вошло в словарный состав современного РЯ (*авансировать, боксировать, фотографировать*;

¹ Берг, Л. С., 1943, № 3, с. 109.

импровизировать, химизировать; газифицировать); **2) непосредственно происходят от иноязычных глаголов** (чаще всего нем., франц., лат.) (*ассоциировать, баллотировать, дискриминировать; генерализировать, инвентаризировать*).

Данные глаголы привлекают внимание как с точки зрения этимологии, морфологии, лексикологии, так и синтаксиса. Интересно также их изучение в сопоставительном русско-чешском плане. Наиболее подробно разработана проблематика вида данных глаголов; они представляют собой многочисленную группу двувидовых глаголов, у которой, однако, в настоящее время наблюдается тенденция к устранению двувидовости, к формальному выражению вида. У глаголов с суффиксами **-ирова-**, **-изирова-** и **-фицирова-** этот процесс реализуется лишь одним способом: непроемная (бесприставочная) форма первоначально двувидового глагола утрачивает значение сов. вида и выступает в качестве носителя одного только значения несов. вида. В качестве коррелята со значением сов. вида выступает вновь возникшее образование с префиксом. Проблематике вида данных заимствованных глаголов посвящены работы напр. Н. С. Авиловой, А. В. Бондарко, С. А. Лебеда, И. П. Мучника и др.

Нам хотелось бы сосредоточить внимание на функционировании этих глаголов как основы синтаксической и семантической структуры предложения. В этом отношении важен их валентный потенциал. Мы работали с корпусом приблизительно 800 глаголов. Среди них безвалентные глаголы не встречаются. Одновалентные глаголы с одной левой валентностью составляют небольшую группу, их 6–7 % (*превалировать; импровизировать; переквалифицироваться*); трехвалентных с одной левой и двумя правыми валентностями также мало – около 3 %, причем объект встречается в самых разных предл. И беспредл. падежах (*адаптировать кого, что к чему, ассоциировать что с чем, изолировать кого, что от кого, чего, инвестировать что во что, мотивировать что чем, номинировать кого, что на что, реагировать чем на что* и др.). Подавляющее большинство глаголов (около 90 %) двухвалентные, с одной левой и одной правой валентностью. Левая валентная позиция – это позиция субъекта, т. е. позиция с формой им. падежа, правая является позицией объекта, или, реже, обстоятельства. Интересующие нас глаголы чаще всего переходные, требующие формы беспредл. вин. падежа, причем управляемое слово выполняет синт. функцию дополнения (*сканировать документы; лицензи-*

ровать продукцию; идентифицировать преступника). Лишь у нескольких глаголов зависимый компонент выступает в функции обстоятельства, представляя собой необходимый конкретизатор действия. Данные глаголы, как правило, обозначают, что субъект действия появился, очутился на определенном месте или переместился в пространстве в определенном направлении, по определенной трассе (*Автобусы курсируют по пяти маршрутам. Его откомандировали в Абхазию. Супермаркеты сконцентрировались в одном месте*).

Интересующие нас глаголы могут выражать разные виды действия. **Одновалентные глаголы** наиболее часто выражают: **1) активную деятельность**: *галопировать, жестикулировать, маневрировать*; **2) изменение процессуального состояния**: *атрофироваться, девальвироваться; американизироваться; руссифицироваться*. Предложения, в основе которых лежат данные глаголы, информируют о динамическом качественном или количественном изменении левого партиципанта (*Крона девальвировалась*), или о его переходе из одного состояния в другое (*Ножные мышцы атрофировались*). **Двухвалентные глаголы**, управляющие объектом в беспредл. вин. падеже (что, как указано выше, наиболее продуктивно) выражают **1) активное действие, изменяющее правый партиципant (объект действия)**: *акционировать, реформировать; активизировать, механизировать; дезинфицировать*; **2) активное действие, уничтожающее или повреждающее объект**: *гильотинировать, девастировать, ликвидировать*, но также глаголы *аннулировать, дискредитировать, компрометировать*; **3) активное действие, создающее объект**: *клонировать, конструировать, формировать*; **4) активное действие, каузирующее перемещение объекта или изменяющее его положение в пространстве**: *дислоцировать, импортировать, транспортировать, эвакуировать*; **5) активную речевую (или преимущественно речевую) деятельность**, направленную на объект как сюжет, содержание данной речевой деятельности: *дискутировать, комментировать, лоббировать*; **6) умственную деятельность**: *анализировать, консультировать, резюмировать*; **7) эмоциональное воздействие субъекта на объект**, а именно как положительное: *инспирировать, стимулировать*, так и отрицательное: *нервировать, провоцировать, шокировать*; **8) эмоциональное отношение**: *бойкотировать, игнорировать*; **9) изменение принадлежности**: *адоптировать, аннексировать*.

При двухвалентных глаг. с суффиксами **-ирова-**, **-изирова-**, **-фицирова-** объект может стоять также в других беспредл. и предл. пад. Среди бес-

предл. падежей наиболее часто встречается беспредл. дат.: *аплодировать, импонировать, оппонировать, симпатизировать кому, чему*. У глаг., управляющих объектами в разных предл. падежах, очень часто наблюдаются сочет. род. падежа с предл. **от**: *абстрагироваться, дистанцироваться от чего*; сочет. вин. с предл. **В** и **за**: *баллотироваться, переквалифицироваться во что; агитировать за что, боксировать за кого*; сочет. предл. падежа с предл. **на** и **в**: *концентрироваться, паразитировать, специализироваться на чём; ориентироваться в чём*; сочет. твор. с предл. **с** и **над**: *конкурировать, контрастировать с кем, чем, кооперироваться с кем; иронизировать над кем, чем*.

Как видно, вышеуказанные глаг. относятся к самым различным областям деятельности. Переходя в РЯ, они чаще всего оформляются при помощи суффикса **-ирова-**, причем в иноязычном глаголе суффикса **-ieren**, лежащего в основе суффикса **-ирова-**, может и не быть (см. напр. заимствованные из фр. яз. глаг. *вотировать, планировать* или заимствованные из англ. яз. *лидировать, пассировать* и др.). Среди глаг. с суффиксом **-ирова-** выделяются две большие группы: 1) группа глаг., соотносительных с существительными с суффиксом **-ация/-яция**, имеющими значение отвлеченного действия по глаголу (напр. *вибрировать - вибрация, жестикулировать - жестикуляция*); 2) группа глаг., соотносительных с существительными с суффиксом **-енция/-ция**, которые обозначают результат или продукт действия (напр. *корреспондировать - корреспонденция, абстрагировать - абстракция*). Глаг. с суффиксом **-изирова-** составляют сравнительно небольшую группу. По своему происхождению суффикс **-изирова-** восходит к нем. **-isieren** и франц. **-iser**. Как утверждает Н. С. Авилова (1955), большая часть глаг. с этим суффиксом происходит от лат. и греч. именных основ, однако в РЯ они попали непосредственно как заимствования из нем. и фр. языков. Большинство этих глаг. тесно связано и соотносительно с существительными с суффиксами **-изация** и **-изм** (напр. *приватизировать - приватизация; драматизировать - драматизация - драматизм*). Немногочисленную группу представляют собой глаг. с суффиксом **-фицирова-**, у которых по утверждению З. Скоумаловой (1976) преобладает прямое заимствование иноязычных основ (см. напр. нем. основу *identifizier-*). Эти глаг. соотносительны с существительными с суффиксом **-фикация** (напр. *ратифицировать - ратификация, газифицировать - газификация*) и относятся к ряду областей специальной деятельности. В отдельных случаях данные глаг. находятся в соотношении с суффиксом **-фекция** (напр. *дезинфицировать - дезинфекция*).

В заключение можно сказать, что суффиксы **-ирова-**, **-изирова-** и **-фицирова-** прочно вошли в систему словообразовательных средств РЯ. При помощи этих суффиксов словарный состав РЯ пополнялся и пополняется глаголами, входящими в интернациональный языковой фонд.

Использованная литература

- Авилова, Н. С.: *Глаголы с суффиксом -ова- и его вариантами -ирова-, -изирова-, -изова- в русском языке*. In: Исследования по грамматике русского литературного языка. М. 1955, с. 42–72.
- Берг, Л. С.: *Бережно относиться к русскому литературному языку*. In: Вестник ЛГУ, 1943, № 3, с. 107–113.
- Виноградов, В. В.: *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. М. 1972.
- Мучник, И. П.: *Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке*. М. 1971.
- Skoumalová, Z.: *Status tzv. kmenotvorných přípon slovesných v slovanských jazycích, zvláště v ruštině*. Praha 1976.

Key words:

Russian language, adopted verbs, suffixes *-irova-*, *-izirova-*, *-ficirova-*, valence potential, semantics, suffix word-formation

Summary

To characterisation of one group of adopted verbs

In contemporary Russian language, the suffixes *-irova-*, *-izirova-* and *-ficirova-* (besides the suffixes *-ova-* and *-izova-*) represent a very productive type of suffix word-formation. The topic of aspect of verbs containing the stated suffixes has been analyzed at most. In this paper the authoress treats the functioning of given verbs as base of syntactic and semantic structure of the sentence – she analyses their valence potential and semantic characteristics. She pays attention also to the correlation of these verbs and substantives with certain suffixes. In the end, the author comes to the conclusion that the above mentioned suffixes took a stable place among the word-forming means of the contemporary Russian language.

МИР СЭЙСА НОТЕБООМА: ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ПЕРЕВОДЕ

Хейли Верстрате-Ванде Виле, Бельгия, Гент

Нидерландский писатель Сэйс Нотебоом (1933) очарован историей и культурой, поэтому его творчество построено, главным образом, на смешении культур. В своих весьма индивидуалистических историях о путешествиях и романах он часто объединяет не только различные культуры, но и прошлое и настоящее. В результате, каждое из его многочисленных произведений можно рассматривать как создание нового культурного пространства, куда автор зовет с собой своего читателя. Это, несомненно, способствует тому, что С. Нотебоом является одним из самых переводимых нидерландоязычных авторов.

Трудности, возникающие при переводе литературных произведений, часто связаны с наличием в них специфических культурных компонентов, которые привязывают определенный язык к определенной культуре. Переводчики С. Нотебоома постоянно сталкиваются с этой проблемой, так как писатель намеренно старается найти в различных культурах то, что воспринимается как нечто незнакомое, особенное. Кроме того, в своих художественных произведениях С. Нотебоом любит объединять персонажи разных национальностей, с разным жизненным опытом, которые, как и сам автор, смотрят на окружающий их мир, погружаясь в размышления о культуре и философии. Поэтому пространство, мир, который таким образом создает С. Нотебоом в рамках одного романа, зачастую охватывает не одну, а несколько культур. Это значит, что его переводчики должны хорошо знать культуру и язык, с которого переводят, культуру и язык, на который переводят, а также культуры (и языки), которые С. Нотебоом включает в созданное им пространство.

Благодаря этой характерной особенности творчество С. Нотебоома как нельзя лучше подходит для сравнительного анализа перевода, в частности, перевода так называемой «безэквивалентной лексики», не поддающейся переводу из-за отсутствия прямого словарного эквивалента. К такой лексике относятся реалии – лексемы, которые в исходном языке в принципе не выделяются из вербального контекста, однако становятся

проблемой в переводе, поскольку являются носителями определенных специфических локальных и исторических особенностей культуры исходного языка, неизвестных читателям переводящего языка. Несомненно, это касается и других культурных элементов, которые в меньшей степени поддаются переводу, чем такие лексемы, как фразеологические единицы, имена собственные, звукоподражания, междометия, отклонения от литературной нормы, иноязычные вкрапления, каламбуры, сокращения. Сюда же относятся и экстралингвистические компоненты, такие как жесты, мимика, особенности национального характера, элементы, которые также отражают специфический местный и исторический колорит исходного текста и не имеют однозначного эквивалента для перевода. Это как раз и является задачей переводчика, выступающего в роли «культурного посредника»: попытаться перенести денотативные и коннотативные значения, встречающиеся в исходном тексте, в культуру переводящего языка, используя при этом все имеющиеся в нем средства.

В качестве объекта исследования мы выбрали две последние книги С. Нотебоома: *Allerzielen* (1998) и *Nootebooms Hotel* (2002). Они насыщены различными видами культурных компонентов: реалиями, эксплицитным или имплицитным ссылками на место, историческими событиями, персонажами, названиями блюд национальной кухни, общественными организациями, имплицитным присутствием политических и культурных фрагментов истории, иноязычными цитатами и т. д. Кроме того, в обоих произведениях рефлексия языка и культурного многообразия играет главную роль. Для переводчика это означает, что ему должна быть как минимум хорошо знакома каждая упомянутая в произведении культура и относительно каждой из них ему предстоит решить, что читатель, для которого он переводит, знает о данных культурах и истории, и что ему необходимо пояснить.

Чтобы обменяться мыслями по этому поводу, мы пригласили автора и его переводчиков с английского, испанского, немецкого, русского и французского языков для участия в специально организованном коллоквиуме¹. Проводя сравнительный анализ переводов, мы задались вопросом, одинаково ли переводчики, обладающие различными фоновы-

¹ 18 декабря 2003 г., Факультет переводоведения Высшей Школы Гента (Бельгия). Сборник Evenepoel, Rooryck, Verstraete (2002) включает в себя материалы коллоквиума и статьи по данной теме.

ми знаниями, подходят к решению проблемы «раскрытия» культурных компонентов. Сохраняют ли они в переводе элементы культуры путем заимствования из языка-источника или предпочитают натурализацию текста оригинала в переводе? в каких случаях они решаются «пояснять» тот или иной культурный компонент, и каким образом они это делают? Нас интересовали не столько лексические аспекты перевода, сколько способ, которым переводчик осуществляет «перевод» культурного мира С. Нотебоома, приспособливает его к культуре языка перевода. Здесь мы как раз подходим к сути проблемы перевода: переводчик должен осознавать тот факт, что он находится на стыке двух культур, что он «пере-водит» одну культуру в другую. В противном случае он застревает в своей собственной культуре, и его перевод является всего лишь чуждым, инородным, объектом в культуре языка перевода².

В ходе встречи за круглым столом выяснилось, что хороший переводчик является союзником автора и его произведения. Чтобы достичь желаемой динамической эквивалентности перевода, переводчик, как и сам С. Нотебоом, должен непременно стремиться сохранить экзотическое, а такой подход не воспринимается как нечто само собой разумеющееся в каждой культуре и языке перевода. Тем не менее, «мастер» одинаково требователен как к своему переводчику, так и к своему читателю. От обоих он требует наличия обширных фоновых знаний, а если уровень этих знаний оказывается ниже уровня автора, то это должно стимулировать большую внутреннюю и умственную работу и «посредника» и «потребителя».

В ходе интереснейшего лингвистического анализа английского перевода романа *Allerzielen*, одна из наших коллег Л. Йокен попыталась выяснить, каким образом выбранные переводчицей С. Массотти переводческие решения соотносятся с семантическим значением оригинала³. С. Массотти, разумеется, использует всем нам хорошо знакомые переводческие приемы. В первую очередь, это семантические эквиваленты. Если в языке перевода не имеется нейтрального эквивалента, то переводчик прибегает к обобщению путем гиперонимизации, или обращается к уточнению путем гипонимизации. С. Массотти выбирает прием гиперонимизации, если отличительные признаки или ассоциации не

² T. Naaijken, in: Evenepoel, Rooryck, Verstraete, 2004, 13-21.

³ L. Jookken, in: Evenepoel, Rooryck, Verstraete, 2004, 53-67.

играют существенной роли для понимания того или иного фрагмента текста, и прием гипонимизации, если эти признаки довольно важны для понимания текста. Наиболее часто встречающаяся у нее переводческая стратегия – это передача культурного компонента на язык перевода при помощи гипонимизации, путем добавления или экспликации отдельных элементов значения.

По мнению Л. Йокен, такие же переводческие стратегии используются и при переводе многочисленных иноязычных вкраплений, характерных для творчества С. Нотебоома. Здесь С. Массотти попыталась найти компромисс между оригиналом и тем, что ожидает от книги англоязычный читатель, который, в целом, не очень хорошо знаком с другими культурами. Поэтому все эти иноязычные – преимущественно немецкоязычные – вкрапления необходимо было переводить, что означало крайнюю степень натурализации текста. Впрочем, то же самое относится и к русскому переводу И. Михайловой. Чтобы сохранить атмосферу книги, обе переводчицы, там, где это возможно, прибегали к создающим иллюзию эффектам или же добавляли краткие пояснения.

Последний уровень, где экспликация является наиболее часто используемой переводческой стратегией, – это уровень метаязыковой рефлексии, т. е. фрагменты текста о самом языке. Л. Йокен выяснила, что в английском переводе во многих случаях значение оказывается более эксплицитным в тексте – там, где С. Нотебоом, посредством игры слов, на него скорее намекает, используя в некоторых случаях полисемию отдельных слов. Таким образом, в переводе часто теряется «объемность» прозы С. Нотебоома.

Все переводчики С. Нотебоома поразительно осторожно подходят к экспликации культурных компонентов, лишь бы не нарушить его характерный стиль, его оригинальную структуру предложений. Но переводчик может осуществить экспликацию и вне текста. Здесь они действуют с еще большей осторожностью: начиная с полного сознательного отказа от примечаний в немецком переводе и кончая традиционным блоком примечаний – в русском.

Для переводчиков и переводоведов *Allerzielen* – типичный образец нотебоомовского восхищения всем инокультурным, которое находит выражение в его путешествиях во времени и пространстве. Было особенно интересно узнать, каким образом переводчики справились со своей ролью «культурных посредников» и насколько прагматично и осторожно они подошли к этой роли. За достижение вершин мастерства «высокого

искусства» – как называл искусство перевода К. И. Чуковский – они по праву получили признание как со стороны автора, так и со стороны читателей.

Использованная литература

- Evenepoel, S., Rooryck, G., Verstraete, H. *Taal en cultuur in vertaling. De wereld van Cees Nootboom*. Antwerpen: Garant, 2004.
- Nootboom, C. *Allerzielen*, Amsterdam/Antwerpen: Atlas, 1998 // *All Souls' Day*. London: Picador, 2002 (S. Massotty) // *День поминовения*. Москва: Текст, 2004 (И. Михайлова) // *Allerseelen*. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1999 (H. van Beuningen) // *Le jour des morts*. Arles: Actes Sud, 2001 (Ph. Noble).
- Nootboom, C. *Nootbooms hotel*. Amsterdam/Antwerpen: Atlas, 2002 // *Hotel nómada*. Madrid: Siruela, 2002 (I.-C. Lorda-Vidal) // *Nootbooms Hotel*. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 2002 (H. van Beuningen) // *Hôtel Nomade*. Arles: Actes Sud, 2003 (Ph. Noble) // *Nomad's Hotel*. Harvill Secker, expected 2006 (A. Kelland).

Key words:

Nootboom – Dutch literature – translation studies – translation – cultural studies – cultural components – cultural references

Summary

Cees Nootboom (1933) is one of the most cosmopolitan and transcultural Dutch writers, with an outspoken fascination for cultures, languages and history. In each novel or essay he creates a new culturally rich universe, which has no doubt contributed to the fact that he is one of the most translated Dutch authors. The abundance of cultural components from different cultures and in different languages confronts the translator with his role as a “cultural mediator” between Nootboom’s universes and his readers. His task consists not only in translating the denotative and connotative meanings of the source text, using the tools available in the target language, but also in disclosing for the reader the manifold cultural references, without betraying Nootboom’s style. Our research centres on a comparative analysis of the English, French, German, Russian and Spanish translations of two recent novels by Nootboom, and focuses on different choices of translation strategies, dictated by the target language and target culture.

КАТЕГОРИЯ КАУЗАТИВНОСТИ И ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Ладислав Воборжил, Чешская Республика, Оломоуц

Каузативность отражает причинно-следственные отношения между предметами реальной действительности и является универсальной понятийной категорией. Она изучалась с давних времен, прежде всего в рамках философии. Понятие «каузация» (от лат. – *causa* – причина) определяется в логике как «то, что предшествует другому и вызывает его в качестве следствия» [Нгуен 1987: 5].

Изучая каузативность, лингвисты, как правило, опираются на философскую модель последней, не отличая ее от причинности и характеризуя ее «как устойчивую генетическую связь явлений, из которых одно, причина, порождает или изменяет другое, следствие» [Аматов 2003: 30]. Из этого вытекает, что каузативная связь, оформляемая языковыми средствами, охватывает две ситуации, исходную и конечную. Следовательно, каузативная конструкция – это такое высказывание, которое содержит две пропозиции: причинную и следственную. Причинный и следственный компоненты находятся в структурно-семантическом отношении.

В своем выступлении мы хотим проанализировать разные грамматические структуры, выражающие причинно-следственную связь двух событий (действий), пропозиционное содержание (пропозицию) которых можно выразить, например, двумя односубъектными простыми предложениями *Молния ударила в дерево* и *Молния убила человека*.

Если взять оба предложения в отдельности, то каузативным выступает лишь второе из них. Организующим центром его пропозиции является каузативный предикат, имплицитный наличию в семантической структуре двух аргументов – каузатора (чаще всего неодушевленный субъект, в данном случае *молния*) и пациенса (затрагиваемый действием объект, *человек*). Каузативный предикат выражен личной формой глагола *убить*, каузатор – *молния* – занимает позицию подлежащего в форме именительного падежа и пациенс находится в позиции прямого дополнения, выраженного существительным *человек*.

Только в том случае, если пропозиции, оформляемые в данных предложениях, выражаются в рамках одной синтаксической конструкции, можно все построение считать каузативным, напр., *Ударом молнии в дерево убило человека* или *Так как молния ударила в дерево, она убила человека*.

Пропозиция может быть оформлена или предикативной конструкцией (предложениями разных структурных образцов), или непредикативной конструкцией (деепричастными, причастными, субстантивными или адъективными элементами, которые однако не могут составлять предложение). Последняя, будучи несамостоятельной, включается в другую пропозицию, занимая место одного из аргументов. На синтаксическом уровне возникают разные конструкции осложненного типа, включающие, кроме одной полной предикации, вторую, потенциальную.

Путем синтаксической трансформации нам удалось образовать следующие **структурные варианты оформления причинно-следственной пропозиции, содержание которой можно описать как «явление природы, наносящее ущерб человеку»:**

1. *Ударом молнии в дерево убило человека.*
Úder blesku zabil člověka. Úderem blesku byl zabit člověk.
2. а) *Удар молнии в дерево убил / был причиной смерти / привел к смерти / человека.*
б) *Ударом молнии в дерево был убит человек.*
Úder blesku zabil člověka. Úderem blesku byl zabit člověk.
3. *Из-за / от / вследствие / по причине удара молнии был убит / погиб / скончался человек.*
Úderem blesku byl zabit/zemřel člověk. Úder blesku zabil člověka.
4. *Молния, ударившая в дерево, убила человека. Ударившая в дерево молния убила человека.*
Blesk, který udeřil do stromu, zabil člověka.
5. *Ударив в дерево, молния убила человека.*
Blesk udeřil do stromu a zabil člověka. Blesk, který udeřil do stromu, zabil člověka.
6. *Так как молния ударила в дерево, убила человека // был убит / погиб человек.*
Protože blesk udeřil do stromu, zabil člověka.

7. *Молния ударила в дерево, по причине / вследствие чего погиб / был убит человек.*
Blesk udeřil do stromu, v důsledku čehož zemřel jeden člověk.
8. *Молния ударила в дерево, (и) был убит / погиб человек.*
Blesk udeřil do stromu, zemřel jeden člověk.
9. а) *Молния ударила в дерево. Был убит / погиб человек.*
Blesk udeřil do stromu. Zahynul člověk.
- б) *Молния ударила в дерево. (От / из-за / Вследствие этого) был убит / погиб человек.*
Blesk udeřil do stromu. Následkem toho zahynul člověk.
10. *В пятницу была гроза, гром, град и молния словно ад. Молния ударила в высокое дерево, расколол его на поленья. Человек, собиравший в лесу грибы, торопился скрыться от дождя. Общеизвестно, что в грозу прятаться под деревьями, камнями, высокими столбами опасно. Не следуя советам, как в такой ситуации правильно поступать, и спрятавшись у подножья столетнего дуба, он был убит на месте.*
V pátek byla bouřka, hrom burácel, blesky litaly, padaly kroupy. Hotové dopuštění. Do vysokého stromu uhodil blesk a rozštípal ho na kusy. Člověk, který sbíral tou dobou v lese houby, spěchal se před deštěm schovat. Každý ví, že schovávat se za bouřku pod strom nebo kameny či vysokými stožáry je nebezpečné. Aniž by se držel této rady, jak se v takové situaci správně chovat, schoval se v kořenech stoletého dubu a byl na místě zabit.

Ввиду ограниченного места и времени следственный компонент мы оставляем вне нашего внимания. В анализируемых предложениях не учитываются субъективные, модальные и коммуникативные аспекты содержания. Причинный компонент помещается всегда в начальной тематической позиции, следственный же в финальной рематической позиции. С учетом других аспектов предложенческой семантики получилось бы, несомненно, большее число вариантов.

В примерах №№ 1–2 причинная пропозиция оформлена непредикативно, будучи результатом номинализации. В односоставном (№ 1) и двусоставном (№ 2) простом предложении отглагольное существительное *удар*, сохраняющее потенциальную предикацию, распространяется при помощи несогласованного определения, выраженного родительным субъекта существительного *молния*, и предложно-падежного сочетания

в дерево, выступающего в функции несогласованного определения. Вся номинативная конструкция занимает синтаксическую позицию подлежащего (№ 2 а) или субъектного детерминанта (№№ 1, 2б). В чешском языке нет структурного эквивалента русского односоставного предложения, поэтому в качестве эквивалента можно привести двусоставное предложение со сказуемым, выраженным каузативным глаголом в его активной или пассивной форме. Те же структурные типы отвечают и русским двусоставным конструкциям (№ 2).

Придаточное предложение обстоятельственное причины в рамках сложноподчиненного предложения, присоединяемое одним из причинных союзов¹ (пример № 6), оформляющих данное детерминативное отношение, принадлежит к одним из центральных средств выражения причины в русском и чешском языках. Почти каждую причинно-следственную пропозицию можно оформить в виде такой конструкции, несмотря на ее лексическую наполненность.

Примеры №№ 3–5 – это разного рода конденсаты предикативного выражения причинной пропозиции в примере № 6. В результате трансформации порождаются осложненные предложения с полупредикативными детерминативными оборотами, содержащими деепричастия в синтаксической функции обособленного обстоятельства причины (№ 5), причастия в функции согласованного определения (обособленного или с обмыканием, № 4) и предложно-падежные сочетания (с предлогами № 3), включающие отглагольное существительное, в функции обстоятельства причины. Все они присоединяются детерминативно к основной структуре предложения, причем речь идет о детерминации реляционной (№№ 3, 5) и атрибутивной (№ 4). В случае предложно-падежных конструкций средством оформления связи кроме детерминации, выраженной

¹ *Так как* отчасти книж.; *потому что* стил. нейтр.; составные специализированные союзы, стилистически маркированные, характерные для специального и делового стилей *оттого что, ввиду того что, вследствие того что, в силу того что, в результате того что, благодаря тому что, в связи с тем что, тем более что, поскольку*; книж., устаревш. *убо* // *protože* нейтр.; стил. марк.: *poněvadž* несколько книж.; *jelikož* книж.; *ježto, anžto* арх.; *skrztože* субстандарт.; сем. специализированные выражения, состоящие из указательного выражения и союза *že: z toho, že; od toho, že; za to, že; nad tím, že*; союзы, образованные от вторичных предлогов: *kvůli tomu, že; vinou toho, že; vlivem toho, že; díky tomu, že; zásluhou toho, že; v důsledku toho, že; následkem toho, že; vzhledem k tomu, že*; и выражения *z toho důvodu, že; z té příčiny, že*).

примыканием, служат лексические средства – разные предлоги² (первичные и вторичные).

В русском языке обороты с деепричастиями, причастиями и отглагольными существительными принадлежат к весьма употребительным (их доминирующей сферой являются письменные стили), чешский язык отдает предпочтение образованиям с полной предикацией (сложному предложению), полностью избегая деепричастных оборотов, считая употребление причастий и отглагольных существительных приметой научного и делового стилей. Доказательством этого служит и перевод. Русской конструкции с деепричастием отвечает предложение (главное или придаточное) с личной глагольной формой (№ 5), причастному обороту соответствует придаточное предложение определительное с личной глагольной формой (№ 4); предложно-падежному сочетанию (№ 3) в чешском языке лучше всего подходит простой творительный.

В примере № 7 причинная и следственная пропозиции выражаются предикативно, всю конструкцию можно определить как сложносочиненное предложение с псевдопридаточным относительным предложением. Обе части относительно самостоятельны, однако связь оформляется при помощи относительного местоимения в сочетании с вторичным предлогом *по причине*. В русской традиции этот переходный тип относят скорее к сложноподчиненным предложениям с подчинительно-присоединительным придаточным предложением. На чешский язык данную конструкцию можно перевести тоже при помощи псевдопридаточного относительного предложения.

Пример № 8 – это сложносочиненное предложение, координативная связь частей которого оформлена или бессоюзием, или при помощи сочинительного (соединительного) союза *и*. Причинно-следственное отношение обеих пропозиций вытекает из лексической семантики отдельных компонентов предложений и соотношения общего смысла отдельных частей сложного предложения. В чешском языке данную связь можно оформить так же, как в русском.

² Первичные часто сочетаются лишь с существительными определенной семантики (*по уважительной причине, от жары, из-за пустяков, за поздним временем / pro krádež, z lásky, za nerozvážnosti, od práce, skrz nemoc*). Вторичные предлоги носят отпечаток книжности, отчасти сохраняя семантику, входящих в них компонентов (*благодаря, вследствие, в силу, ввиду, за счет, по случаю, в результате, по причине / díky, zásluhou, následkem, vlivem, vinou, z důvodu, vzhledem k, v důsledku, kvůli*).

В примере № 9 причина и следствие выражены в двух отдельных простых предложениях, которые могут составлять одно высказывание. В 9 а) примере причинно-следственная связь формально не выражается, она подразумевается и выводится при помощи импликации и пресуппозиции. В 9 б) примере предложения связаны при помощи коннектора анафорического нанизывания (традиционно указательного местоимения) *этот* в сочетании с вторичным причинным предлогом *вследствие* или *по причине*.

В последнем примере (№ 10) сталкиваемся с выражением причины в рамках целого текста. Причина и следствие тут выражены в отдельных осложненных предложениях, помещенных в разных местах текста. Их взаимная смысловая обусловленность выводится на основании импликации и пресуппозиции.

В итоге можно сказать, что каузативная связь в русском и чешском языках находит свое выражение в синтаксических конструкциях разной сложности – от простого предложения, до сложного синтаксического целого. Причинный компонент выражается или предикативно (предложением), или непредикативно в виде деепричастных, причастных и субстантивных номинатов, занимающих разные синтаксические позиции в структуре всей конструкции и присоединяемые разными морфологическими и лексическими средствами. Ядро выражения причины, по нашему мнению, составляют, во-первых, придаточные предложения причины, связь которых оформляется при помощи широкого набора причинных союзов, во-вторых, разные предложно-падежные конструкции с первичными и вторичными предлогами в функции обстоятельства причины. При выражении причины в чешском языке деепричастные, причастные и номинализованные конструкции употребляются реже, предложно-падежным конструкциям часто соответствует простой творительный, который, наоборот, не употребляется для выражения причины в русском языке.

Использованная литература

- Аматов, А. М.: *Причинно-следственные связи на разных уровнях*. МПГУ, М. 2003.
Аматов, А. М.: *Семантика и синтаксис сложных предикатов с каузативным и побудительно-волевым значением*. Автореф. диссертации на соискание уч. степ. д-ра наук [Моск. пед. гос. у-т]. М., 2000.

- Bauer, J., Mrázek, R., Žaža, S.: *Průruční mluvnice ruštiny pro Čechy II. Skladba*. SPN, Praha 1960.
- Белошапкина, В. А. (ред.): *Современный русский язык*. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М. 2003.
- Grepl, M. a kol.: *Průruční mluvnice češtiny*. Nakladatelství LN, Praha 2000.
- Кобозева, И. М.: *Лингвистическая семантика*. Изд. второе. УРСС, М. 2004.
- Котвицкая, Э. С.: *Типовая ситуация, отражающая причинно-следственные отношения как содержательная единица языка (и ее речевые реализации)*. Автореф. диссертации на соискание уч. степ. к. ф. н. [МГУ], М. 1990.
- Kubík, M. (red.): *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским*. SPN, Praha 1982.
- Лебедева, Е. К.: *Причинно-следственные конструкции со значением эмоционального состояния человека и их речевые реализации*. Автореф. диссертации на соискание уч. степ. к. ф. н. [Моск. гос. открытый пед. у-т], М. 1992.
- Леденев, Ю. Ю.: *Структурно-семантические особенности каузативных детерминативных конструкций в современном русском литературном языке*. Автореф. на соискание уч. степ. к. ф. н. [Ставропольский гос. у-т]. Ставрополь, 1996.
- Максапетян, А. Т.: *Каузация (лингвистические и экстралингвистические аспекты)*. Автореф. диссертации на соискание уч. степ. к. ф. н. [Ереванский гос. у-т]. Ереван 1990.
- Нгуен, Т. В.: *Причинные конструкции и их синонимичность в современном русском литературном языке*. Автореф. диссертации на соискание уч. степ. к. ф. н. [ГИРЯП]. М., 1982.
- Озюменко, В. И. *Семантика и актантная структура каузативных глаголов*. Автореф. диссертации на соискание уч. степ. к. ф. н. [Рос. у-т дружбы народов], М. 1994.

Key words:

Causality. Cause and Consequence. Semantic and Syntactic Structure. Proposition. Predicate and Arguments. Means of Expressing Cause in Russian and Czech. Prepositions. Conjunctions. Participles. Transgressives.

Summary

The paper deals with formal expression of cause-consequence relations in Russian compared to Czech with use of semantic syntax terminology. Semantic structure of a sentence/utterance expressing cause-consequence relations is based on two propositions (reflecting two situations). In surface structure the two propositions can be realized by means of either full sentences (clauses), or condensed structures with participles, transgressives, preposition phrases. Semantic (deep) and syntactic (surface) structures are asymmetric. Russian and Czech have some means of expressing cause in common (causative clauses, preposition phrases). Condensed structures with participles, transgressives and prepositional phrases are more typical for Russian.

**К ХАРАКТЕРУ И ТИПАМ
СОГЛАСОВАННОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ
В УСТОЙЧИВЫХ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ
СЛОВСОЧЕТАНИЯХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Ян Грегор, Чешская Республика, Оломоуц

Как и другие частотные языковые средства, *привлекает* постоянное *внимание* исследователей также пёстрая область устойчивых глагольно-именных словосочетаний (ГИС) типа *нанести ущерб, принимать во внимание* и мн. др. Данные сочетания *предоставляют* ввиду своей многоаспектуальности широкий спектр *возможностей* их изучения, рассмотрения с разных точек зрения.

Однако, проблематике определения в ГИС учёные, судя по всему, особого *внимания* не *уделяли*. Ознакомившись приблизительно с 240 работами, более или менее посвящёнными именно анализу и описанию ГИС, мы можем сказать, что на данные вопросы *внимание* *обращается* примерно в 60 трудах. Основы известной классификации упомянутого определения можно, в общем и целом, найти лишь в нескольких отдельных трудах, напр., у Касьяновой, Л. Н. (1976), Качалы, Я. (Kačala 1978) и, особенно, у Даниэлс, К. (Daniels 1963), Мордвилко, А. П. (1964), Шмидт, В. (Schmidt 1968) и Херрманн-Дресел, Е. (Herrmann-Dresel 1987), работавших с большим корпусом выписок.

Определение характеризуется, напр., как «факультативный член предложения, распространяющий субстантивные компоненты данной синтаксической структуры. ... Основным морфологическим *средством* *выражения* определения *служат* прилагательные и другие языковые единицы адъективного характера.» (Šiřka 1988: 65)¹

¹ Ср. другую дефиницию определения: «Второстепенный член предложения, который обозначает признак предмета и отвечает на вопросы какой? чей? который?» (Максимов – Одеков 1998: 132) Ср. также дефиницию определения, напр., у Розенталя, Д. Э. и Теленковой, М. А. (2001: 277).

Вариантность определений, распространяющих субстантивный компонент ГИС, очень разнообразна. Следовательно, мы попытаемся установить известные закономерности, бесспорно, облегчающие познание и анализ всего сочетания (т. е. с определением) и его эффективное освоение.

Таким образом, в настоящей статье мы намерены дать как можно более полную характеристику согласованного определения, употребляемого в рамках ГИС (или же «глагольно-атрибутивно-именных словосочетаний», см. Лариохина 1964: 197), ибо такое *изложение* до сих пор, как мы уже оговорились, *проведено* не было или же было *сделано* только частично.

В. М. Дерibas (1983: 8) подчёркивает, что «распространяться может прежде всего каждый компонент сочетания (глагол + существительное)».

Итак, на месте согласованного определения перед существительным размещаются, в первую очередь, следующие части речи: имя прилагательное, местоимение, имя числительное, причастие; часты также их взаимные комбинации (соответствующий процент обозначает долю в общем количестве определений перед существительным в составе ГИС, составляющем в нашем материале 463 случая (включая разного рода комбинации определений – 534 определения)).

1 ГЛАГОЛ + ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ (*модель V - A - S*)

1.1 Чаще всего одно прилагательное (158; 34 %): *делать любые покупки*, *нанести бомбовые удары* и мн. др.

Исключительно данное прилагательное появляется в постпозиции (*S - A*), значит, за существительным (1; 0,2 %): ... *решение иное* быть принято не может.

Значение имени прилагательного иногда (15; 3 %) усиливается наречиями меры и степени (или же определительными наречиями количественными) (*Adv - A - S*), широко употребительными в сочетании с качественными именами прилагательными², и другими наречиями, известным способом модифицирующими значение прилагательного, напр.: *весьма* (3), *крайне*, *очень* (3), *столь* (2), особенно, традиционно (2),

² См. также Дюрович, Л. (Đurović 1956: 151); Прокопович, Е. Н. (1969: 17).

несравненно, далеко не, достаточно, напр.: дать весьма неожиданные результаты, сыграть далеко не ведущую роль и др.

Для нас несомненно важно, что данные наречия в ГИС помещаются перед прилагательным (и существительным), образуя известную устойчивую модель.

1.2 Е. М. Вольф (1957: 29) отмечает, что «существительное может иметь два и более определений, они могут стоять до и после существительного». Следовательно, и в нашем материале встречаются, хотя менее часто, два прилагательных перед существительным (18; 4 %), находящихся либо:

1.2.1 в субординативном (подчинительном) отношении: первое прилагательное уточняет (напр., усиливает) значение второго, речь идёт об определении постепенно распространяющем (16; 3,5 %), напр.: оказать значительную материальную помощь, совершить новое тяжкое преступление. Исключительно одно из прилагательных в составе ГИС сочетается с числительным: предоставлять 20-процентную³ групповую скидку.

1.2.2 в координативном (сочинительном) отношении: данные прилагательные – однородные определения – выступают или:

- в соединительном, равноценном отношении с союзом «и», напр.: носить локальный и кратковременный характер; или
- в противительном отношении (реже), напр.: носить не приказной, а рекомендательный характер.

1.3 Исключительно в текстах встречаются три прилагательных, в частности, в соединительном отношении (3; 0,5 %): ...кроме длинных названий, имеют и короткие, но чёткие (однородное определение); проведены последние крупные обратные зачёты (постепенно распространяющее определение).

³ З. Недомова (1999: 25) говорит о «сложных относительных адъективах, образованных от количественного числительного и прилагательного, в составе которого находим и меры измерения». В другой статье (Nedomová 1999: 53) она напоминает о двух видах записи данных согласованных определений: словной или комбинированной (при помощи цифры и слова через дефис), ср. наш пример: *Сам же Жириновский проводил вчера двухчасовую экскурсию по этому детскому саду*. (КП, 7. 9. 2002, с. 8)

Как видно из приведённых примеров, последние сочетания являются в смысловом отношении в высшей степени сгущёнными и насыщенными.

1.4 Значение прилагательного иногда усиливается при помощи форм **степеней сравнения**. Выходит, что прилагательное имеет форму либо:

- сравнительной степени (аналитической (5; 1 %) или синтетической (бóльший (3; 0,5 %)), напр.: **дать** более или менее научное объяснение; **проявлять** бóльшую осторожность и продуманность; либо
- существующего уже в данной форме прилагательного (повышенный (2); повышательный; 0,5 %), напр.: **вызвать** повышенный интерес; либо
- превосходной степени (аналитической (4; 1 %) или синтетической (7; 1,5 %)), напр.: **дать** только самые высокие оценки; не **иметь** ни малейшего (3) отношения.

1.5 Наконец, можно встретиться также и с **обмыканием** в рамках согласованного определения (6; 1,5 %), причём «внутреннее» выражение (часто с предлогом «для») стоит или:

- между одним прилагательным и существительным: **выполнили** данное ранее обещание, **принял** не простое для себя решение; или
- даже между двумя/тремя прилагательными и существительным: не **даёт** обычных для снотворного побочных эффектов; **занимает** солидарную, противоположную им общую позицию.

В целом в нашем материале в качестве согласованного определения выступает 377 прилагательных (включая повторяющиеся), на долю которых в общей сумме определений – 534 – приходится 70,5 %.

2 ГЛАГОЛ + МЕСТОИМЕНИЕ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ (*V – Pron – S*)

Довольно часто перед существительным встречается местоимение (79; 17 %), а именно:

2.1 указательное (27; 6 %) – такой (21), этот (6), напр.: **вынести** такое решение/я, такое решение было **принято**; **вынести** это решение (2), полу-

чить это приглашение. Показательно, что известные сочетания неизменно повторяются в том же составе;

2.2 притяжательное (23; 5 %) – свой (21), ваш, его, напр.: **высказать** (4) своё мнение, находится под его контролем;

2.3 отрицательное (16; 3,5 %) – никакой, напр.: не **имеет/ют** никакого отношения (3), не **приносит** никакой пользы;

2.4 неопределённое (5; 1 %) – некоторый, какой-либо, какой-то, напр.: **идти** на некоторые уступки, не **приняли** на себя каких-либо обязательств;

2.5 определяющее (3; 0,5 %) – весь, напр.: **принять** все меры;

2.6 относительное (5; 1 %) – какой, чей, который, напр.: ... составил бумагу, где перечислил, какие услуги он мог бы **оказать** Москве; ... министерство ..., в чём распоряжении находится ...

Ad 1 и 2: иногда местоимение и прилагательное комбинируются (*Pron – A – S*) (13; 3 %), напр.: **внести** свой скромный вклад; **все текущие платежи осуществлялись** полностью.

3 ГЛАГОЛ + ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ (*V – Num – S*)

Иногда перед существительным употребляется числительное⁴ (32; 7 %), а именно:

3.1 количественное (12; 2,5%), напр.: **высказать** только одно пожелание, сделать по тридцать укулов в живот и т. п. Интересно, что нередко повторяется сочетание «ещё один» (6): **сделать** ещё один/о/у шаг/доброе дело/сенсационную находку;

3.2 порядковое (10; 2 %), причём тут доминирует «первый» (7), напр.: **займёт** первую/ое позицию/место; **пришла** к первым выводам;

⁴ Числительное данного типа именуется «определённо-количественным числительным» (Розенталь – Теленкова 2001: 280, 143). Ad 3.1 и 3.3: с синтаксической точки зрения числительное в сочетании с существительным называется «количественным определением» (Skácelová 2003: 12). В русской грамматической традиции такое сочетание считается одним членом предложения (там же, с. 12), ибо оно образует «синтаксически неразложимое сочетание» (Касьянова 1976: 61), «неразложимые количественно-именные сочетания» (Шведова – Лопатин 1989: 350), «цельную синтаксическую единицу» (Mrázek 1959: 435).

3.3 неопределённое (10; 2 %), напр.: уделяет больше⁵ внимания, произведено несколько (2) выстрелов, приложить немало (4) усилий.

3.3.1 Сюда можно включить и очень редкие случаи появления перед субстантивным компонентом ГИС другого существительного с количественным значением⁶ ($V - S_4^1 - S_2^2$). Из-за редкости данного явления нами приводится больше (16; 3,5 %) примеров: принять комплекс мер; прилагать максимум усилий; множество откликов вызвал; допустил ряд нарушений; провели серию операций; вносят нотку беспокойства.

Опять иногда комбинируются или (ad 1 - 3.1-3.3):

- числительное и прилагательное ($Num - A - S$) (5; 1 %), напр.: сделал несколько (2) красивых жестов, сделать ещё одно (2) доброе дело; или
- местоимение и числительное ($Pron - Num - S$): потерпеть своё первое поражение; или (ad 1 и 3.3.1):
- прилагательное и существительное ($A - S_4^1 - S_2^2$) перед субстантивным компонентом (4; 1 %), напр.: нести главный груз ответственности; или, наоборот,
- данное существительное с количественным значением и прилагательное ($S_4^1 + A + S_2^2$) (3; 0,5 %), напр.: предпринимать ряд практических шагов; или
- обе точки зрения сочетаются ($A - S_4^1 - A - S_2^2$) (1; 0,2 %), напр.: получать огромное количество полезной информации.

⁵ В. А. Козьменко (1958: 88-89) тоже употребляет термин «количественное слово/определение», Я. Качалой (Kačala 1978: 143) используется термин «неопределённые числительные».

⁶ «Kolejną dużą grupę multiwerybiżmów stanowią struktury o znaczeniu 'uporządkowania zbiorów'. Treść tę wprowadzają rzeczowniki: řada, řerie w czeszczyńnie oraz řeria, zespól, řieć w polszczyńnie. ... *museli jsme řijmout řadu vlastních opatřeni.*» (Mietla 1998: 102; см. также сс. 51, 97) Ср. также, напр., работу Д. Буттлер (Buttler 1978: 61) или же Е. Херрманн-Дресел (Herrmann-Dresel 1987). Последней исследовательницей в её монографии по этому поводу констатируется, что «daneben können FVG eine kumulative Bedeutung, d. h. das semantische Merkmal 'viel' oder andere z. T. unbestimmte Mengenbedeutungen ausdrücken (vgl. z. B. г. провести ряд экспериментов)» (с. 215), а именно «durch den Zusatz von unbestimmten Mengenangaben beim Substantiv» (с. 101).

4 ГЛАГОЛ + ПРИЧАСТИЕ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ (*V - Partic - S*)

Причастием выражается согласованное определение в составе русских ГИС очень редко (14; 3 %). На основании нашего материала можно привести следующие виды причастий:

4.1 причастие действительное настоящего времени (соответствующий (4); 7; 1,5 %), напр.: *сделать соответствующее предложение*, и некоторые др., напр., *иметь дестабилизирующий эффект*;

4.2 причастие страдательное прошедшего времени (4; 1 %), напр., *подвергать массированным атакам*;

4.3 причастие страдательное настоящего времени (3; 0,7 %), напр., *приводить к желаемому эффекту, носить непредсказуемый характер*.

Ад 1 и 4.1–4.3: Также здесь можно указать на известные комбинации, а именно прилагательного и причастия, напр.: *придать хэтчбеку свежий и запоминающийся вид*.

Следует добавить, что значение определения может выражаться и сложным словом, ср.: *взять экспресс-интервью; выполнить самолётно-вылеты; провести взаимозачёт/взаиморасчёты/супермодернизацию; производить взаимопогашение; проводить последовательную бюджетно-налоговую политику* и т. п.

В нашем докладе мы попытались на основании современных текстов публицистического стиля речи *дать* подробную и по возможности исчерпывающую, полную классификацию возможностей употребления согласованного определения в составе устойчивых глагольно-именных словосочетаний, иначе говоря, различных распространителей их субстантивного компонента.

Описанное определение, уточняющее и конкретизирующее значение сочетания, нами охарактеризовано с точки зрения принадлежности к той или иной части речи, частотности употребления, с одной стороны, и позиционных, структурных и комбинаторных возможностей, с другой стороны. При этом установлены некоторые закономерности сочетаемости с существительными, наглядному *описанию* которой *послужила* и символическая запись моделей отдельных сочетаний (последнему вопросу нами будет уделено особое *внимание* в других работах).

На основании сказанного можно заключить, что в синтаксической позиции согласованного определения в рамках ГИС наиболее часто встречаются прилагательные, за ними следуют местоимения, числительные, причастия. Все приведённые части речи определённым способом комбинируются.

Можно полагать, что в настоящей статье *предпринята* первая серьёзная *попытка провести* более детальное *исследование* упомянутых черт устойчивых глагольно-именных словосочетаний. Надеемся, что вышеуказанный анализ поспособствует более глубокому познанию данной широкой проблематики. Это, как мы считаем, может *принести* практическую *пользу*, в особенности, областям преподавания (не только) русского языка и его лексикографической обработки.

Кроме того, вышеприведённая классификация применима к огромному количеству ГИС не только в русском, но и во многих других индоевропейских языках, не только в публицистическом, но и в остальных функциональных стилях всех соответствующих языков.

Нет сомнений в том, что во всех этих языках и в русском особенно ГИС составляют очень важные и, порой, необходимые, ключевые строительные камни, являясь структурным и смысловым центром, «сердцем» многих предложений.

Использованная литература

- Вольф, Е. М.: *О синонимии глаголов и устойчивых словосочетаний*. Иностранные языки в школе 1957, № 3, 23–31.
- Демидова, А. К. – Шевцова, С. В.: *Русско-английские эквиваленты глагольно-именных словосочетаний*. М. 1984. 368 с.
- Дерибас, В. М.: *Устойчивые глагольно-именные словосочетания в общественно-политических текстах*. In: Из опыта преподавания русского языка нерусским. М. 1968, 34–52.
- Дерибас, В. М.: *Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка*. М. 1983. 256 с.
- Дергина, С. И.: *Учебный словарь глагольно-именных словосочетаний русского языка (на материале общественно-политических текстов)*. М. 1987. 160 с.
- Жулинская, Л. К.: *К вопросу о распространении устойчивых словосочетаний в современном русском языке*. In: Вопросы грамматического строя современного русского языка. М. 1972, 92–108.
- Касьянова, Л. Н.: *Помочь – оказать помощь*. Русская речь 1976, № 1, 57–62.
- Козьменко, В. А.: *Глагольно-именные фразеологические обороты в современном русском литературном языке*. In: Труды Філологічного факультету Харківського державного університету ім. О. М. Горького. Харків 1958, 77–89.

- Красных, В. И. (ред.): *Словарь глагольно-именных словосочетаний общенаучной речи*. М. 1973. 79 с.
- Лариохина, Н. М.: *Глагольно-именные фразеологические словосочетания, употребляющиеся в научной речи*. In: Из опыта преподавания русского языка иностранцам. М. 1964, 190–199.
- Максимов, В. И. – Одеков, Р. В.: *Учебный словарь-справочник русских грамматических терминов (с английскими эквивалентами)*. СПб. 1998. 298 с.
- Мордвилко, А. П.: *Глагольно-именные описательные выражения как особый тип устойчивых словосочетаний (именные и глагольные фразеологические обороты)*. Русский язык в школе 1961, № 4, 24–29.
- Мордвилко, А. П.: *Очерки по русской фразеологии*. М. 1964. 132 с.
- Недомова, З.: *Единицы измерения в коммерческих и технических текстах*. In: Vystoupení členů katedry rusistiky na IX. Mezinárodním kongresu MAPRJAL. Ostrava 1999, 23–28.
- Прокопович, Е. Н.: *Стилистика частей речи* (Глагольные словоформы). М. 1969.
- Прокопович, Н. Н.: *Об устойчивых сочетаниях аналитической структуры в русском языке советской эпохи*. In: Вопросы синтаксиса русского языка. М. 1974, 53–62. / Русский язык за рубежом 1975, № 1, 61–65 (сокр.).
- Розенталь, Д. Э. – Теленкова, М. А.: *Словарь-справочник лингвистических терминов*. М. 2001. 623 с.
- Шведова, Н. Ю. – Лопатин, В. В. (ред.): *Краткая русская грамматика*. М. 1989. 639 с.
- Широкова, Л. И. (ред.): *Устойчивые словосочетания русского языка*. М. 1983. 296 с.
- Adamec, P.: *K rozdílům mezi českým a ruským slovosledem*. In: Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české I. Praha 1956, 180–198.
- Buttler, D.: *Procesy multiwerbizační w współczesnej polszczyźnie*. Poradnik językowy 1978, № 2, 54–62.
- Daniels, K.: *Substantivierungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache*. Düsseldorf 1963. 249 s.
- Dokulil, M.: *Slovosled rozvíteného přívlastku*. In: Jazykový koutek Československého rozhlasu (Druhý výběr). Praha 1955, 286–287.
- Đurovič, L.: *Syntaktická charakteristika niektorých častí reči*. Ruský jazyk 6, 1956, č. 4, 149–154.
- Gregor, J.: *Verbonominální spojení v ruských publicistických textech a jeho vývoj*. Diplomová práce (v ruštině), katedra slavistiky FF UP. Olomouc 2004. 128 s.
- Gregor, J.: *Poznámky k charakteristice, užívání a překladu verbonominálních spojení v ruském publicistickém a odborném stylu*. Příspěvek v rámci SVOČ v Praze (03/2003). Informační bulletin ČAR, č. 19, 2005. [online], in: <http://web.quick.cz/rossica/2005>, 2005. (v tisku)
- Herrmann-Dresel, E.: *Die Funktionsverbgefüge des Russischen und des Tschechischen*. Frankfurt a. M. 1987. 249 s.
- Kačala, J.: *Slovesá v spojeniach so substantívom pozornosť*. Slovenská reč 43, 1978, č. 3, 139–146.
- Macháčková, E.: *Constructions with Verbs and Abstract Nouns in Czech (Analytic Predicates)*. In: The Syntax of Sentence and Text: A Festschrift for František Daneš. Amsterdam/Philadelphia 1994, 365–374.
- Mietla, J.: *Multiwerbizaція w języku czeskim i polskim*. Toruń 1998. 144 s.
- Mrázek, R.: *Syntaktická celistvosť číselných výrazů v ruštině*. Ruský jazyk 9, 1959, č. 10, 435–441.
- Nedomová, Z.: *Konstrukce vyjadřující přesný rozměr v ruských komerčních textech*. In: Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky. Brno 1999, 50–54.

- Rudincová, B.: *Typy pojmenování v současné ruštině (zejména v podnikatelské oblasti)*. Ostrava 2001. 210 s.
- Schmidt, V.: *Die Streckformen des deutschen Verbums. Substantivisch-verbale Wortverbindungen in publizistischen Texten der Jahre 1948 bis 1967*. Halle (Saale) 1968. 144 s.
- Skácelová, J.: *Ke klasifikaci přívlastku v ruštině*. In: *Rossica Olomucensia XXXIX (za rok 2000)*. Olomouc 2001, 101-107.
- Skácelová, J.: *Příslovce a infinitiv ve funkci přívlastku v ruštině ve srovnání s češtinou*. Doktorská disertační práce, katedra slavistiky FF UP. Olomouc 2003. 168 s.
- Šiška, Z.: *Lingvistický slovník pro rusisty*. Olomouc 1988. 157 s.
- Žaža, S.: *K postavení přívlastku*. In: *Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české I*. Praha 1956, 162-179, 210-211.
- Периодика: Известия (1998), Комсомольская правда (2002), Российская газета (1999, 2000), Финансовые известия (1998)*

Key words:

Russian journalistic texts – congruent attribute – Russian lexicalised verbo-nominal constructions – adjectives – pronouns – numerals – participles – different combinations

Summary

On Character and Types of Congruent Attribute in Russian Lexicalised Verbo-Nominal Constructions (on Russian journalistic texts)

The paper deals with the use of congruent attribute in Russian constructions with verbs and abstract nouns, e. g. *to have a good influence - иметь хорошее влияние*. On the basis of many examples from contemporary Russian journalistic texts the author gives a detailed classification of the attribute and characterizes it from the point of view of different parts of speech, frequency of its use and its structural and combinational possibilities. The author concludes that in the position of congruent attribute in the present constructions adjectives, pronouns, numerals and participles can occur (most frequently – adjectives) and that these parts of speech may combine in different ways. In the author's opinion the classification made in the article is important, in particular, for the effective and complex presentation and acquisition of this type of verbo-nominal constructions and for their lexicographical compiling.

ФУНКЦИЯ И ХАРАКТЕР АНГЛИЦИЗМОВ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Татьяна Григорянова, Словацкая Республика, Трнава

Одним из наиболее активных процессов, происходящих в русском языке на рубеже двух столетий, оказался процесс активного заимствования иноязычных слов, в основном из английского языка, который оказывается главным источником пополнения словарного состава почти всех языков мира. Помимо этого процесса наблюдается резкое падение культуры речи, смешение стилей с тяготением к низкому стилю, чрезмерное употребление разговорной, жаргонной, но, что особо тревожит, бранной лексики (Григорянова, 2005).

О динамике пополнения русского словаря англицизмами свидетельствуют новые лексикографические источники, регистрирующие новые иностранные слова (Максимова, 1998; Романов, 2000; Семенова, 2003). Английский язык называют также главным донором эпохи или современной латынью (Валгина, 2003, с. 116). Многими исследователями (напр., Володарской, 2004) отмечается стабильный рост доли английских заимствований в русском языке в течение всего XX столетия.

Ищутся причины интенсивного заимствования англицизмов в русском языке. По Л. П. Крысину (1996), к внутрилингвистическим причинам относятся потребность в наименовании нового явления и с тем связанная потребность в новых языковых формах, потребность в расчленении понятий, в разнообразии средств, в их краткости и точности, но также наблюдается стремление различить близкие, но не тождественные по содержанию понятия, обозначить цельный объект одним словом, а не словосочетанием. А. И. Дьяков (2003) отводит важную роль в активном заимствовании англицизмов также социально-психическим причинам (англицизмы воспринимаются русскоязычной публикой, в первую очередь молодежью, как более престижные, модные и красиво звучащие) и экстралингвистическим факторам, к которым можно отнести активные контакты с западом и изменения в менталитете русских.

В новых социально-политических условиях в конце века благодаря широкому распространению аудио- и видеотехники, компьютеризации,

Интернета были созданы благоприятные условия для международного обмена информацией при помощи единого языкового кода – английского языка.

К приоритетным сферам распространения неологизмов английского происхождения относятся социально-экономическая (*консалтинг, холдинг, прайс-лист, спонсор, инвестор, бизнес-вумен*), общественно-политическая (*рейтинг, инаугурация, спикер, шоу-рум*), научно-техническая (*компьютер, сайт, ноутбук, пейджер, сканер, тонер, файл, интернет-провайдер, плеер, роуминг*), культурная (*сингл, ремейк, имидж, хип-хоп, хит-мейкер, букер, кастинг*) и бытовая (*тостер, шейкер, гамбургер, фишбургер, чизбургер, хот-дог, мейк-ап, пиллинг-крем, фитнес*), поскольку именно в этих сферах происходят наиболее значительные социальные сдвиги, наблюдаются новые явления и процессы. Появилась потребность в семантически точных и в то же время экономических номинациях, отсутствующих в языке-реципиенте.

Однако появление многих англицизмов вызвано не только необходимостью заполнения лакун, а вследствие русской американомании и подражанию западному престижному образу жизни. В эту группу заимствований можно отнести такие англицизмы, которые имеют равноценные эквиваленты в русском языке (*саммит – встреча в верхах, ремейк – переделка, консенсус – согласие, юзер – пользователь, электорат – избиратели, шоп – магазин, контракт – договор*). Наличие лексических дублетов (своего и чужого наименования) может препятствовать правильному пониманию смысла.

Отношение специалистов и широкой общественности к этому явлению не однозначно. Сложность данной проблемы вызывает не утихающие споры и дискуссии, балансирующие между категоричным отрицанием процесса «замусоривания» русского языка англицизмами и восторженным восприятием такого рода «обогащения» языка. Ведется полемика о целесообразности чрезмерного использования иноязычных заимствований и возможности их регулирования административным вмешательством. По мнению Г. П. Нешименко, «использование заимствований должно быть актуализованным, функционально обусловленным, чтобы оно ... способствовало выполнению коммуникативного намерения, заложенного в высказывании» (2003, с. 20), а чрезмерное использование заимствований не только «затрудняет коммуникацию, но может нарушать внутренние закономерности языка-реципиента» (с. 21).

Адаптация заимствованных слов проходит на фонетическом, графическом, морфологическом и лексико-семантическом уровнях, вследствие чего англицизмы подвергаются в разной степени ассимиляции и поэтому их правильное использование вызывает определенные затруднения. Внимание лингвистов уделялось использованию и адаптации англицизмов на всех вышеупомянутых уровнях, в первую очередь в языке СМИ, охватывающем разнообразные сферы жизни современного российского общества. Исследованию англицизмов в современной русской художественной литературе не уделялось достаточного внимания со стороны исследователей. Графической адаптации англицизмов в современной русской литературе мы уделили более пристальное внимание раньше (Grigorjanová, 2005).

В рамках общественно-бытовой сферы можно выделить следующие области:

работа и профессия (*бизнес-вумен, бодигард, бэбиситтер, дистрибьютор, имиджмейкер, клипмейкер, секьюрити, аудитор, дилер, диск-жокей, продюсер...*);

мода и одежда (*топ-модель, кастинг, секонд-хэнд, униформа, стиль модерн, коттон...*);

красота и уход за ней (*лифтинг, мейк-ап, эпилятор, массажер, дезодорант...*);

питание (*ланч, динер, кофе-брейк, бифштекс, бэкон, сэндвич, кока-кола...*);

бытовая и информационная техника (*тостер, пейджер, ноут-бук, принтер, монитор, адаптер, фритюрница, сэндвичица...*);

машина (*иномарка, бампер, джип, тюнинг, спойлер, блок климат-контроля...*);

криминал (*киллер, импичмент, ракет...*);

отношения (*лав-стори, фри-лав, герл-френд, бой-френд, мидл-класс, нью рашн...*);

музыка (*герл-бэнд, госпел, панк, рэп, сингл, суперстар, фанк, бой-бэнд, герл-бэнд, биг-бит, хит, рокер...*);

спорт (*джоггинг, овертайм, парасейлинг, плей-офф, аутсайдер, аэробика, стейтборд...*);

экономика (*приватизация, субсидия, спонсор, тендер, конкурс, бартер, ваучер, маркетинг, менеджмент, лизинг...*).

Обратим внимание также на некоторые словообразовательные особенности с широким применением суффиксальных образований, характерных для англицизмов в русской литературе.

Английский суффикс *-ing* зафиксирован в большом количестве (*лизинг, трейдинг, консалтинг, маркетинг, дэмпинг, лифтинг, джоггинг, стретчинг, пилинг, кастинг, паркинг, лоббинг, роуминг, рейтинг...*).

Иной английский суффикс *-able* широко используется в преобразованной русской форме *-бель* (*коммуникабельный, операбельный, рентабельный, респектабельный, комфортабельный*).

Ранее неизвестные русскому английские сложные слова, образованные примыканием без соединительных гласных или согласных, находят широкое распространение. В русской прозе уже закрепились англицизмы типа: *трейд-бизнес, секс-портал, хай-класс, беби-ситтер, интернет-провайдер, лав-стори, секонд-хэнд, ток-шоу, топ-модель, кофе-брейк, платье-стрейч* и многие другие.

К лексико-семантическим особенностям англицизмов относится семантическая точность, свойственная лексемам: *спичмейкер* (составитель текстов речей, выступлений для высокопоставленных лиц государства), *имиджмейкер* (букв. «создатель образа»), *хит-мейкер* (создатель спектаклей, концертов, фильмов, имеющих большой успех у зрителей), *бизнесвумен* (женщина, занимающаяся бизнесом; женщина-коммерсант).

Для многих неологизмов английского происхождения характерна экономичность: *дилер* (физическое лицо или компания, осуществляющие от своего имени посреднические операции); *брокер* (торговый или финансовый агент, действующий от имени биржи или самостоятельно за счет средств клиента в качестве посредника при совершении сделок купли-продажи), *пейджер* (портативное беспроводное устройство для приема и записи информации) и др.

Носители русского языка отдают предпочтение словам английского происхождения благодаря их большей семантической точности и экономичности. По нашим первым наблюдениям, англицизмы, встречающиеся в современной русской литературе, относятся в первую очередь к общественно-бытовой сфере. Это самые распространенные английские лексемы, выражающие самые общие значения, именующие явления, которые стали неотъемлемой частью жизни российского общества. Также можно констатировать, что в современной русской прозе не наблюдается чрезмерное употребление англицизмов, мешающее пониманию текста.

Использованная литература

- Валгина, Н. С.: *Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов*. Логос, М. 2003.
- Володарская, Э. Ф.: *Заемствование как отражение русско-английских контактов*. Вопросы языкознания, 2002, № 4, с. 13–37.
- Григорянова, Т.: *Маргиналии к вопросу об языковой экологии*. In: Общеввропейское пространство образования, науки и культуры. Сборник научных статей. Часть I. Южноуральский государственный университет. Региональный центр обучения граждан зарубежных стран. Челябинск 2005, с. 58–61.
- Grigorjanová, T.: *Grafická akceptácia anglicizmov v súčasnej ruskej próze (v tlači)*.
- Дьяков, А. И.: *Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке*. In: Язык и культура, Новосибирск 2003, с. 35–43.
- Крысин, Л. П.: *Иноязычные слова в современной жизни. Русский язык конца XX столетия*. М. 1996.
- Максимова, Т. В.: *Словарь англицизмов (50-е - 90-е годы XX века)*. Изд-во ВолГУ, Волгоград 1998.
- Нещищенко, Г. П.: *Заемствования и их роль в этнической коммуникации: проблемы, споры*. Jazykovedný časopis, 54, 2003, No. 1–2, s. 13–30.
- Романов, А. Ю.: *Англицизмы и американизмы в русском языке*. Изд-во С-Петербургского ун-та, СПб. 2000.
- Семенова, М. Ю.: *Словарь англицизмов*. Папирус, Ростов-на-Дону 2003.

Использованная художественная литература

- Тополь, Э.: *Китайский проезд*. М. 2002; Денежкина, И.: *Дай мне! (Song for lovers)*. СПб 2002; Варламов, А.: *Затонувший ковчег*. М. 2002; Улицкая, Л.: *Сквозная линия*. М. 2003; Маринина, А.: *Стилист*. М. 1997; Донцова, Д.: *Фиговый листочек от кутюр*. М. 2003; Полякова, Т.: *Черта с два!* М. 2002.

Key words:

lexicology, borrowing, borrowings from British and American English, Russian language, dynamic processes

Summary

In this paper author observes the character and extension of anglicisms in the modern Russian literature. There are many attitudes to justness and frequency of English borrowings in Russian language. Native speakers of Russian

prefer words of an English origin owing to their greater semantic accuracy and shortness. On our first supervision, the anglicisms meeting in the modern Russian literature, concern first of all to socially-household sphere. These are the most widespread English lexemes expressing the general meanings, the calling phenomena which became an integral part of a life of the Russian society. Also it is possible to ascertain, that in modern Russian prose the excessive use of the anglicisms, stirring to understanding of the text is not observed.

СВОЙСТВА SMS КАК ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА

Алла Ю. Дрёмина, Россия, Пермь

Современное стремительное развитие информационных и коммуникационных технологий существенно расширяет спектр способов межличностной коммуникации. Это происходит в виде формирования новых разговорных жанров, одним из которых является жанр SMS.

Регулярность и повторяемость параметров коммуникации и стандартность ситуации общения позволяет определить SMS как письменный речевой жанр, отчасти сопоставимый с традиционными жанрами записок и телеграмм, специфика которого обусловлена особой коммуникативной средой – телефонной сетью. Жанру SMS соответствует особый тип текстов – SMS-сообщения.

В лингвистике принято классифицировать тексты по способу их репрезентации (устная – письменная речь) и по количеству лиц, формирующих текст (монолог – полилог (диалог, как частный случай)).

SMS-общение происходит в письменной форме. Технически допустимое число участников – 2 (адресант-отправитель и адресат-получатель). Соответственно, каждое SMS-послание, вне зависимости от того, получил ли его адресант, выстраивается как реплика диалога и выполняет функцию *«одной элементарной клетки диалогового общения – одного коммуникативного хода» одной реплики, одного высказывания»* (Долинин 2001: 17).

Например: *Ты все еще болеешь? – Угу.Кашляю.И температура высокая. – Фервекс пьешь,ноги греешь? – Фервекс-отрава.Ноги греть противно.Чай с малиной и аспиринчик,чего уж от добра добра искать. – Ну хоть так лечитесь,ваше упрямство!А то мы все соскучились. – Не верю ;) – Соскучились-соскучились;–Р – Тогда ладно, поправляюсь. Пока!Спать буду. – Спокойной...ночи.* (Здесь и далее в примерах полностью сохранено написание SMS-сообщений, включая расстановку знаков препинания и пробелов).

Основными свойствами текста считаются его **связность** и **цельность**. *«Связность есть соположение и согласованность единиц языка по определенным правилам... от сочетаемости лексем до сочетаемости смысловых*

блоков... что описывается терминами «микросвязность» и «макросвязность» (Штерн 1991: 74). При этом «большинство исследователей считают основным признаком текста его цельность – наличие единого объекта описания, одной темы, раскрытию которой служат все приемы, используемые автором-адресантом» (там же: 124).

Проанализировав имеющиеся в нашем распоряжении SMS-послания, мы предприняем попытку рассмотреть специфику SMS-сообщений, как текстов, учитывая при этом характерные признаки жанра SMS (экономию плана выражения, наивную латинизацию русских текстов, использование невербальных способов передачи информации – смайлов).

Материалом послужили 468 SMS-текстов, полученных более чем от двухсот информантов разных возрастов и имеющих разный уровень и специфику образования (гуманитарное, техническое, педагогическое и пр.). Информантам было предложено написать на бланке 2–3 сообщения, отправленных и сохраненных в памяти сотового телефона. Обязательным условием была полная передача формы сообщения.

Ввиду небольшого объема SMS-текста и отсутствие в нем отдельных смысловых блоков, мы можем рассматривать его связность только на микроуровне. Стремясь отбросить все второстепенное, адресант придает тексту черты текста-примитива с нарушенной связностью «в узком смысле слова, т. е. грамматической связностью» (Там же: 127) Всего в обследованном материале обнаружено 96 текстов с нарушенной грамматической связностью.

Например: *14-00Дом.15-30Автосервис.Закончу-домой.19-00не раньше.; Спать сейчас. Говорить потом.; Холст-подрамник.Грунт-не трогай.Кофе сварит.Est-ne bi.*

Можно сказать, что данные тексты стремятся к набору ключевых слов, в которых грамматическая связность не эксплицируется. Она восстанавливается реципиентом из соположения слов в наборе. Достаточно легко расшифровать, что в первом случае адресант сообщает адресату, в какое время дня и в каком месте он будет находиться. Во втором примере адресант заявляет о своем желании прекратить SMS-переписку и лечь спать. В третьем – молодой художник дает своего рода инструкцию – натянуть холст на подрамник, не грунтовать, сварить кофе, но при этом отказывается от еды.

SMS-сообщение обладает ситуативной цельностью. Общая апперцепционная база адресата и адресанта позволяет считать SMS-тексты с на-

рушенной грамматической связностью эллиптическими конструкциями, которые мысленно достраиваются реципиентом до полной развернутой фразы. Однако если передать цельность текста, пренебрегая связностью невозможно (например, в случаях, когда форма имеет большое значение – поэтические тексты), адресант предпочитает превысить минимальное количество знаков и отправить не одно, а 2 и больше сообщений, чтобы быть уверенным, что адресат верно истолковал полученное. Например: *Душа-душа... А что – душа? Она опять – по выражам. В окне седьмого этажа, в цветных осколках витража. Летит, со смехом, но дрожа, со свистом, воя и визжа, и страх под лезвие ножа попасть безжалостно душа... и всё. А вы: «душа, душа...»*

Как мы уже говорили, необходимость экономить план выражения в SMS-сообщении обусловлена не только желанием передать максимум информации минимумом знаков, но и стремлением сэкономить усилия, нажимая на меньшее количество клавиш сотового телефона. Этими же причинами объясняются формальные свойства текстов – отсутствие пробелов после знаков препинания, цифр и прочих неалфавитных символов. Графическая среда SMS такова, что отсутствие пробелов в тексте в указанных позициях не затрудняет восприятие цельности текста, а напротив, работая на экономию плана выражения, способствует сохранению цельности SMS-текста, поскольку дает возможность увеличить количество алфавитных знаков в SMS.

Другая особенность, отличающая SMS-общение от беседы и переписки (но в определенной степени сближающая его с обменом электронными письмами) – использование латинской графики для написания русских текстов. Коммуниканты порой вынуждены прибегать к этому способу по той причине, что не все телефонные трубки поддерживают русскую графику. Незнакомые с правилами практической транскрипции/транслитерации адресанты применяют разнообразные способы передачи русских слов средствами латинского алфавита.

Для передачи некоторых графем требуется большее количество знаков латинского алфавита, в то время как при наличии русской графики мы набирали бы всего 1 знак (ср. «ш» – sh, ch, sch и пр.). Тем не менее, некоторые информанты ставят во главу угла *легкость распознавания адресатом именно графического образа слова*. Так в слове *хочеш'* (хочешь) начертание латинской X (экс) совпадает с начертанием русской буквы X (ха), а начертание латинской графемы W похоже на русское Ш, Цифра 4

не только очертаниями напоминает букву Ч, но и начинается со звука, обозначаемого этой буквой. Любопытен также способ передачи графемы Ы. В некоторых случаях ее отображают сочетанием bl, что визуально совпадает с «ы».

Подобные случаи передачи наблюдаются в следующих SMS-сообщениях: *S prazdnikom tebja, solnce nawe, uda4i, zdorovia i radostej v zhizni vsiakix-prevsjakix;* *Ne propadaj! He nponadaï!*; *Ja sizhu za toboi. Ne xo4ew' povernutza I pozdorovatza?*; *Ny ne BblL ia na lekcii, 4to menia teper' pokale4it' nado?*

Также информанты пользуются иностранными словами, если они включают в себя меньше знаков, нежели их русские эквиваленты и легко могут быть распознаны адресатом:

Такие отмазки отработали 5 лет ago!!! – ago (англ) – назад. (здесь и далее выделение наше).

Pikaista toipumista, Линдочка! Чмоксы! Не болей. – *Pikaista toipumista* (финск.) – выздоравливай скорее.

Поскольку SMS является формой существования **разговорной** речи, эмоциональная составляющая может быть очень важна для передачи цельности текста. Особым способом передачи эмоций в SMS является смайл, пришедший из интернет-коммуникаций.

Смайл – сложный графический символ, обозначающий какую-либо эмоцию, или мимический акт. Кроме общеизвестных «улыбок» :-), ;-), «грустящих» :-(, :(, «подмигивающих» ;) , ;-), мы получили и необычные символы, которые вызывают определенные ассоциации, требуют размышлений для успешного соотнесения их планов выражения и планов содержания.

Ja ne znaiu, kak razberus' s rabotoi. Orientirovo4no - k 7mi. No do tex por-ne uxodite bez menia >:-/#. (*Я не знаю, как разберусь с работой. Ориентировочно – к семи. Но до тех пор-не уходите без меня >:-/#.* – смайл обозначает огорченного и нахмуренного человека с бородкой).

Немодно зпатировать лицом салат в мои-то годы))) – три закрывающие скобки означают широкую улыбку.

Не грусти, ты хорошая @-> (*это цветок такой, если ты не поняла*) – здесь, как следует из текста, смайл обозначает цветок.

Из всего вышесказанного можно заключить, что SMS-коммуникации как речевой жанр характеризуется такими, определенными коммуникативной средой особенностями, как экономия плана выражения, использование наивной латинизации русских текстов, использование

нехарактерных для письменной формы разговорной речи, но характерных для он-лайн коммуникаций невербальных способов передачи информации – смайлов.

Жанровые особенности SMS-общения направлены на сохранение основных параметров текста – связности и цельности – и, соответственно, на обеспечение успешной коммуникации.

SMS-сообщения, обладая смысловой цельностью, являются полноценными текстами и могут быть использованы в качестве материала не только для решения проблем, связанных с SMS как специфическим жанром, но и для уточнения некоторых теоретических вопросов из области лингвистики текста.

Использованная литература

- Долинин К. А. *Высказывание и ситуация общения*. In: Человек говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы, обучение. СПб 2001. С. 17–24.
- Штерн А. С. Восприятие текста. In: Мурзин Л. Н., Штерн А. С. *Текст и его восприятие*. Свердловск. 1991 С. 74–168.

Key words:

Communication, communicative space, economy of a plan of exposition, symbol, text

Summary

Today the development of informational and communicational technologies leads to the formation of new communicative genres as SMS. The genre of SMS is characterized by economy of a plan of exposition, latinization of Russian texts, using of non-verbal ways to transmit information (“smilies”).

СОВРЕМЕННОЕ СООТНОШЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ БАЗ КОДИФИЦИРОВАННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА, РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ И ПРОСТОРЕЧИЯ

Елена В. Ерофеева, Россия, Пермь

Одним из наиболее важных вопросов в социолингвистике является вопрос об определении социальной базы, т. е. круга носителей, любого идиома языка. Этим отличается чисто лингвистическое определение идиома от его социолингвистического определения. При этом социальные базы некоторых идиомов оказываются связанными между собой.

Так, носители русского литературного языка традиционно определяются следующим образом: *«1) русский язык является для них родным; 2) они родились и длительное время (всю жизнь или большую ее часть) живут в городе; 3) они имеют высшее или среднее образование, полученное в учебных заведениях с преподаванием всех предметов на русском языке»* (Беликов, Крысин 2001: 44). Круг лиц, удовлетворяющий этим условиям, достаточно широк, *«они располагаются как бы на разном расстоянии от 'нормативного ядра' литературного языка: чем глубже языковая культура человека, чем прочнее его профессиональная связь со словом, тем ближе его речь к этому ядру...»* (Современный русский язык... 2003: 36). Связанный с кодифицированным литературным языком (КЛЯ) оказывается такой идиом русского языка как разговорная литературная речь (РР). Практически все исследователи (РР) отмечают, что состав носителей РР и КЛЯ совпадает (Земская 1973), т. е. эти идиомы находятся в отношениях диглоссии, когда владение одним из названных идиомов предполагает и владение другим.

Связанные отношениями диглоссии КЛЯ и РР в традиционном представлении противопоставлены просторечию, которое в большинстве существующих работ рассматривается как речь *«лиц, не владеющих в необходимой мере (подчеркнуто нами - Е. Е.) нормами литературного языка»* (Городское просторечие 1984: 3). Сама же эта мера - понятие очень неопределенное.

Социальной базой носителей просторечия обычно считают жителей городов, не имеющих образования, преимущественно старшего поколе-

ния (там же). Количество лиц с такими социальными характеристиками постепенно сокращалось в течение XX века, это дало основания некоторым ученым во второй половине XX в. утверждать, что социальная база просторечия сужается и даже практически исчезает (Баранникова 1974: 18). Однако во второй половине XX в. В русском просторечии появились новые тенденции: изменяется социальный состав его носителей, изменяется *«лингвистическая материя», сам набор языковых единиц, составляющих просторечный слой современного городского разговорно-обиходного языка»* (Капанадзе 1984: 12). Учитывая эти изменения, Л. П. Крысин выделяет уже две разновидности современного русского просторечия: просторечие-1 – его носителями являются горожане старшего возраста, не имеющие образования (или имеющие начальное образование), речь которых обнаруживает явные связи с диалектом или полудиалектом; просторечие-2, носителями которого являются горожане среднего и молодого возраста, имеющие незаконченное среднее образование, речь которых лишена диалектной окраски и в значительной степени жаргонизирована (Современный русский язык... 2003). Таким образом, возрастной состав носителей просторечия не ограничивается: носителями просторечия могут быть люди любого возраста. Основное же отличие в социальных базах КЛЯ и РР, с одной стороны, и просторечия – с другой, состоит в уровне образования носителей этих систем.

Такое положение достаточно долго точно описывало отношения между социальными базами КЛЯ, РР и просторечия. Однако в связи с процессами демократизации в постсоветской России меняется функциональная нагрузка многих идиомов и система идиомов русского и их взаимоотношений перестраивается. Это отражается и на характере социальных баз названных идиомов.

В современном обществе названные критерии уже не удовлетворяют задаче вычленения носителей КЛЯ, РР и просторечия. Остановимся сначала на признаках социальной базы КЛЯ. Если с пунктом 1 (родной язык – русский) можно согласиться безоговорочно, то уже пункт 2 (место рождения – город) вызывает некоторые сомнения. Дело в том, что понятие «город» включает в себя в настоящее время очень разные по своей структуре объекты, начиная от мегаполисов с населением выше миллиона (или нескольких миллионов) человек и развитой инфраструктурой и заканчивая мелкими районными городками с населением несколько тысяч жителей. В лингвистической литературе утверждается, что речь жителей

мелких городов сильнее подвержена диалектному влиянию, чем речь жителей крупных городов (Ерофеева Т. И. 1994). Кроме того, отличаются по своему влиянию на городскую речь и говоры, на территории которых находятся те или иные города (Интерференция звуковых систем 1987). Во многих городах России возникает так называемый локальный вариант литературного языка, который характеризуется наличием местного фонетического акцента при соблюдении грамматических и лексических норм (там же).

Отметим, что локальный вариант литературного языка (или локально окрашенная литературная речь) не совпадает с РР в городах, речь которых испытывает диалектное влияние. С одной стороны, РР преимущественно реализуется в устной форме, но возможна и в письменной, в то время как локально окрашенная литературная речь (поскольку она отличается от литературного языка в основном фонетическим компонентом) возможна только в устной форме. С другой стороны, РР реализуется только в условиях непринужденного неофициального общения, а локальный вариант литературного языка возможен и при официальной коммуникации, а также в устных формах некоторых функциональных стилей (например, в устной научной речи). Следовательно, говорить о том, что локальной вариативности подвергается только РР нельзя. Локальная окраска характерна для всех устных форм речи, реализующихся на определенной территории, включая РР, устную форму КЛЯ (и, забегая вперед, просторечие).

Что касается утверждения, что люди с высшим и средним образованием обязательно в ходе учебы приобретают навыки владения литературным языком, то, к сожалению, в современной ситуации, оно не соответствует действительности. Современные средства массовой информации устранили цензуру не только тематическую, но и языковую. Наблюдения за речевой деятельностью студентов, учителей школ, различных специалистов, появляющихся на экране телевидения (в частности политиков), позволяют сделать вывод о том, что многие люди, имеющие не только среднее, но даже высшее образование, не владеют в необходимой мере нормами литературного языка: их речь включает множество просторечных, а иногда и диалектных элементов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что социальная база литературного языка в настоящее время не может быть формализована. Носителями литературного языка являются люди, обладающие опреде-

ленным уровнем речевой культуры, чувством языка, которое практически невозможно «измерить». Можно сказать, что в большей степени этими качествами обладают люди с филологическим образованием (Ерофеева Т. И. 1994), однако четкой корреляции с какими-либо формальными социальными параметрами не наблюдается. Следовательно, определяющим признаком группы людей, владеющих литературным языком, становится само «владение литературным языком».

Представление о характере взаимоотношения РР и КЛЯ как о диглоссии также должно быть уточнено. Дело в том, что в настоящее время состав носителей КЛЯ и состав носителей РР все же, очевидно, не совпадают. По-видимому, состав носителей КЛЯ уже, чем состав носителей РР. Владение КЛЯ, поскольку он характеризуется как письменной, так и устной формой, подразумевает владение письменной речью (хотя бы в одном из стилей). Языковая же практика показывает, что письменная речь многих носителей языка, которые показывают вполне «удовлетворительный уровень владения» РР, не удовлетворяет требованиям КЛЯ (речь идет, конечно, не о соблюдении орфографических и пунктуационных правил, а хотя бы об элементарной грамматической правильности). Устная речь многих несомненных носителей РР в любых ситуациях (включая официальную и подготовленную речь) остается, как это ни парадоксально, реализацией системы РР и не достигает уровня КЛЯ (примером этому может служить речь тех же политиков или учителей школ и преподавателей вузов). Следовательно, социальная база носителей РР шире и включает в себя социальную базу носителей КЛЯ, т. е. диглоссия наблюдается только для носителей КЛЯ, она, если можно так выразиться, «анизотропна»: носитель КЛЯ является носителем РР, носитель же РР может и не являться носителем КЛЯ.

Одновременно происходит и смена социальной базы просторечия: число носителей просторечия-1, т. е. людей, которые поддерживают его связь с говорами, сокращается, а число носителей просторечия-2, приносящих новые черты в просторечие из жаргона, растет. Но жаргон обладает по преимуществу лексическими особенностями, поэтому новые элементы, проникающие в современное просторечие, в основном являются элементами лексического уровня. Фонетические же особенности говоров, уже освоенные просторечием, постепенно переходят из него в разговорную речь, и таким образом фонетический слой просторечия постепенно разрушается.

Можно говорить о том, что в настоящее время социальная база просторечия расширяется и в то же время расшатывается. Носителями просторечия могут быть люди, обладающие совершенно разными социальными и возрастными характеристиками. Носители просторечия и литературного языка, конечно, отличаются друг от друга, но не формальному социальному признаку – уровню образования, а уровнем речевой культуры, формализовать который пока не представляется возможным.

Наблюдения за речью людей, которых можно без сомнений отнести к носителям просторечия, привели нас к убеждению, которое совпадает с мнением А. Ф. Прияткиной: отличие просторечника от носителя КЛЯ или РР основывается не на его социальных признаках, а на его психологии. Носитель просторечия характеризуется определенным типом мышления, определенными психологическими особенностями (см.: Прияткина 2000: 234). *«Просторечника выдает типичное речевое поведение, определенные установки к языку в процессе его использования. Одну из них можно охарактеризовать как открытость, непосредственность... Слабо работает ограничительный механизм... Есть и другая психологическая установка. В общем виде ее можно охарактеризовать как безусловный приоритет содержания речи по отношению к ее форме»* (там же: 236).

Как пишет А. Ф. Прияткина, *«просторечие существует и развивается, мало реагируя на негативную оценку его с позиций носителей литературного языка»* (там же: 231). Как нам кажется, носители просторечия в большинстве случаев реально не осознают и не слышат разницы между своей речью и речью носителей литературного языка.

Таким образом, отличие просторечника от носителя литературного языка состоит, в первую очередь, в его психологическом складе. *«Носитель просторечия никогда не задумывается о норме речи, уместности и образности своего словоупотребления»* (Капанадзе 1984: 10). Этот вопрос, как нам кажется, должен быть исследован подробно, и, возможно, могут быть найдены корреляции речевого поведения просторечника с другими типами социального поведения, детерминированными теми же психологическими свойствами личности.

Итак, в настоящее время РР занимает положение, среднее между КЛЯ и просторечием, и носители РР представляют собой переходный тип языковых личностей, для которых вопросы языковой формы существенны, однако его речевая практика (или речевое окружение) не позволяет ему овладеть также и более строгими нормами КЛЯ.

Использованная литература

- Баранникова, А. П. *Просторечие как особый компонент языка*. In: Язык и общество. Саратов 1974. Вып. 3. С. 3-22.
- Беликов, В. И., Крысин, Л. П. Социоллингвистика. М. 2001.
- Городское просторечие: Проблемы изучения М. 1984.
- Ерофеева, Т. И. Социолект: Стратификационное исследование: Дис. ... докт. филол. наук. СПб. 1994.
- Земская, Е. А. Русская разговорная речь. М. 1973.
- Интерференция звуковых систем. Л. 1987.
- Капанадзе, Л. А. *Современное городское просторечие и литературный язык*. In: Городское просторечие: Проблемы изучения. М. 1984. С. 5-12.
- Прияткина, А. Ф. *Просторечные новообразования: их основа и судьба*. In: Русский язык сегодня. М. 2000. Вып. 1. С. 231-239.
- Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М. 2003.

Key words:

codified standard language, colloquial standard speech, vernacular speech, social status groups, modern language situation

Summary

The realignment of relationships between different language existence forms of Russian may be observed as a result of modern social processes in Russia. The membership of different language existence forms are changing too. Currently the boundary between social groups of speakers of the standard language and the vernacular speech is getting less defined. The main difference between them is no longer that of social characteristic (level of education) but psychological qualities that determine the attitude of an individual to the exterior form of speech and to the standard of speech in general. The relationships between the codified standard language and colloquial standard speech are also changing. The colloquial standard speech takes an intermediate position between the codified standard language and the vernacular speech. The speakers of the colloquial standard speech are treated as a transitional individual type that is characterized to be focused on the exterior form of speech. However, their speech practice (or speech surrounding) doesn't allow them to master precise norms of the codified standard language.

ПЕРМСКАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Тамара Ерофеева, Россия, Пермь

В последние десятилетия лингвистикой получены результаты исследования разговорной речи горожан, имеющие огромную практическую и теоретическую значимость. Обозначилась и новая дисциплина – социальная диалектология. На этом новом этапе знания есть необходимость определить предмет исследования социальной диалектологии. В Пермской школе социолингвистики предметом социальной диалектологии считается устная обиходная речь, представляющая собой реализацию таких форм и типов национального языка, как разговорно-литературная речь, нелитературное городское и сельское просторечие, профессиональные «языки» и территориально-социальные диалекты с учетом всего многообразия социально-психологических аспектов речевой деятельности.

При изучении обиходно-разговорной речи в рамках социальной диалектологии вошло в традицию говорить об использовании вариаций языковых (речевых) единиц в пределах территориальных или социальных групп, описывая их при этом с помощью терминов «группа личностей» либо «группа индивидов». Такой подход и употребление данных терминов не позволяют разграничивать социальный и индивидуальный аспекты речевой деятельности, что и приводит нас к убеждению в целесообразности введения термина «социолект» для обозначения коллективного или группового языка, в отличие от термина «идиолект» для обозначения индивидуального языка (Ерофеева Т. 1995; Ерофеева Е. 1997; Ерофеева Т., Ерофеева Е., Грачева И. 2000).

В термине «социолект» социальное понимается в условно расширительном значении. Строго говоря, феномен – речевая общность того или иного коллектива – следует обозначать как «биопсихосоциолект», но в связи с удобством и краткостью лучше обратиться к термину «социолект».

По сути дела, социолект – это речь «среднего индивида», представляющего свою социальную группу, культуру; иными словами, социолект

есть инвариантный признак социально маркированной подсистемы языка, с одной стороны. С другой – социолект включает еще и систему речевых средств определенной группы, детерминированных рядом факторов-страт.

Термин «страта» используется в социальной психологии в значении «слой людей, объединенных каким-либо общим признаком», обычно это социальный слой. Мы используем термин «страта» в расширительном значении: не только слой людей, но и признак, по которому проводится стратификация. Такое понимание термина дает возможность перейти на новый уровень обобщения понятия «страта» и в таком качестве рассматривать страты-факторы как составляющие, которые формируют социолект. Страта в нашем понимании есть основополагающий, цементирующий признак определенной общности (группы) людей, который может иметь и социальную, и биологическую, и психологическую природу. Тогда, с точки зрения стратификации, социолект – это набор языковых кодов, которыми владеют индивиды, объединенные какой-либо стратой, а стратификация языкового коллектива выступает тем методологическим подходом, который позволяет анализировать закономерности речевого поведения в реальных жизненных условиях.

Таким образом, термин «социолект» вписывается в триаду: «диалект» (общность территории) – «социолект» (общность фактора) – «идиолект» (общность языковых актов). В философских категориях общего, особенного и отдельного язык есть общее, социолект – особенное, идиолект – отдельное.

Социобиопсихологические характеристики мы рассматриваем как движущие силы, определяющие речевое поведение человека. Они накладывают отпечаток на его речь и тем самым отличают ее от речи других лиц, носителей иных социальных и биопсихологических признаков. Например, могут быть построены частные модели социолектов по полу, образованию, возрасту и т. д. Построение частных моделей не требует применения сложных статистических процедур. Обычно в таких случаях достаточно простейшего анализа частот употребления исследуемых единиц в речи той или иной социальной группы.

Сводная модель городского социолекта строится на основе не одной, а нескольких социальных страт. Модель социолекта позволяет перейти от характеристик единичного объекта к характеристикам групп. Построение сводной модели социолекта требует строгих статистических

методов. Наиболее подходящей, как нам кажется, является процедура дисперсионного анализа силы влияния факторов (ДА), адаптированная к лингвистическому материалу А. С. Штерн (1992). Сущность ДА заключается в измерении степени употребления какого-либо элемента разными информантами, что позволяет выявить как иерархию страт, формирующих социолект, так и набор существенных страт. Решение о существенности влияния страты принимается по F-критерию Фишера на 5% уровне значимости. ДА дает возможность найти вес страты, т. е. показатель силы влияния данной страты, выраженной в %. По весу страт производится ранжирование, при этом ранг 1 приписывается страте с наибольшим весом.

Рассмотрим сводную модель социолекта г. Перми для такой лексической единицы, как локализм (лексическая единица диалектного происхождения), построенную на основе интроспекции.

Материалом для исследования послужили 69 диалектных слов, которые составили анкету, предъявлявшуюся информантам. Отбору слов для анкеты предшествовало фронтальное исследование обиходно-бытовой речи группы лиц, владеющих литературным языком, проводившееся в течение ряда лет в Пермском университете. Среди 69 слов анкеты – 39 существительных (*взъём* – подъем, *голубец* – подвал, *засоня* – соня, *чушка* – подбородок и др.); 20 глаголов (*держать* – тратить, расходовать деньги, *смучиться* – измучиться, *уросить* – капризничать и др.); 3 прилагательных (*живой* – целый, невредимый); 5 наречий (*нарастапашку* – нарасташку); 1 фразеологическая единица (*с ночевой* – с ночевкой); 1 частица (*ну* – да). Информанты должны были ответить на вопросы, что значит то или иное слово, и употребляют ли они его в речи.

В эксперименте участвовало 48 человек – жителей Перми. При рассмотрении локализма учитывались возраст испытуемых, место рождения, специальность, пол и образование. Возраст информантов представлен четырьмя группами: 20–29 лет, 30–39 лет, 40–49 лет, 50 и более лет. Страта «место рождения» имеет три градации: областной центр (г. Пермь), районные центры (гг. Березники, Кунгур, Кизел и др.), сёла (сюда входят также деревни). Эта страта традиционно признается одним из наиболее сильных факторов, определяющих количество диалектных черт в речи. Предполагается, что уроженцы мелких населенных пунктов более восприимчивы к диалекту и в их речи наблюдается большее количество диалектных черт. Специальность подразумевает две градации: гуманитарное

и негуманитарное образование. Страта «образование» описывается двумя градациями: среднее (включая первые три курса вуза) и высшее (включая студентов 5-го курса). Пол, естественно, имеет две градации.

Исследованы параметры «знание» и «употребление». Параметр «знание» включает и пассивное, и активное владение лексической единицей. Параметр «употребление» указывает на использование единицы в речи.

Результаты эксперимента обрабатывались с помощью ДА (см. таблицу). ДА показал, что веса страт-факторов ($\eta^2_x\%$) для параметра «знание» диалектного слова оказались не очень большими, лишь в одном случае (для страты «возраст») $\eta^2_x\% = 5.1$. Таким образом, эта страта в основном определяет знание диалектного слова. На втором месте – страта «образование»; третий ранг – у страты «место рождения»; четвёртый – у страты «специальность». Эти четыре страты оказались значимыми на 5% уровне. Страта «пол» оказалась несущественной, при этом её вес составил 0.0 (в таблице ранги несущественных страт даны в скобках).

Таблица: Модель владения локализмом

Уровень владения	Страты				
	Место рождения	Возраст	Образование	Специальность	Пол
Знание	3	1	2	4	(5)
Употребление	1	2	4	3	(5)

Общая сумма весов страт для параметра «употребление» локализмов оказалась в 4 раза ниже, чем для знания. Это свидетельствует о том, что выделенные страты в гораздо большей мере влияют на знание диалектного слова, чем на его употребление. На первом месте по существенности оказывается страта «место рождения». На втором месте – страта «возраст», на третьем – «специальность» и на четвёртом – «образование». Эти четыре страты, как и в первом случае, являются значимыми; страта «пол» вновь оказалась незначимой. Следовательно, возраст и место рождения выступают основными факторами, которые формируют владение локализмом в речевой продукции пермяка.

Кроме того, многолетнее изучение живой речи региона позволило подготовить к изданию не имеющий аналогов региональный словарь локальных элементов Пермского края – Глоссарий русских локализ-

мов – и включить его материалы в учебное пособие по курсам русской диалектологии и культуры речи.

Коллектив лингвистов, работающих в направлении социальной диалектологии, имеет достаточно солидный научный багаж. Результаты изучения периодически освещаются в сборниках Пермского университета: «Живое слово в русской речи Прикамья» (1969–1996), «Литературный язык и народная речь» (1977–1991), «Лингвистическая ретроспектива, современность и перспектива города и деревни» (1999), «Проблемы социо- и психолингвистики» (5 выпусков с 2002 года). Собран научно значимый материал, фиксирующий речь различных социокультурных групп жителей городов Пермской области. Результаты работы по изучению речи жителей отдельного региона обсуждались на конференциях различного ранга не только в России, но и за рубежом (в Словении, Чехии, Польше, Венгрии, Франции). По данной проблематике защищена докторская диссертация, 9 кандидатских диссертаций, работает Школа социопсихолингвистики, получено 5 грантов (РФФИ, РГНФ, НТО «Университеты России», Департамента промышленности и науки Пермской области). Изучение живой речи региона продолжается.

Использованная литература

- Ерофеева, Е. В.: *Экспериментальное исследование фонетики регионального варианта литературного языка*. Пермь 1997.
- Ерофеева, Т. И.: *Социолект: стратификационное исследование*. Автореф. докт. дис. СПб. 1995.
- Ерофеева, Т. И.; Ерофеева, Е. В.; Грачева, И. И.: *Городские социолекты: пермская городская речь. Звучащая хрестоматия*. Пермь – Бохум 2000.
- Штерн, А. С.: *Перцептивный аспект речевой деятельности*. СПб. 1992.

Key words:

Social dialectology, everyday speech, idiolect, sociolect, modelling, the dispersive analysis, the regional dictionary

Summary

The Perm sociolinguistics school takes the main interest in social and philological aspects of language activity. The complex analysis of language situation of Prikamye is doing on the base of historical development of social variety and cultural interference. The term “sociolect” is understood in the Perm sociolinguistics school as the system of speech means of one social group, which depends on social, psychological and biological factors. A sociolect modelling is made with the help of statistical methods.

МЕТАФОРА В ЧЕШСКОЙ И РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ

Йиржи Коростенски, Чешская Республика, Чешке Будейовице

Явление метафоры и ее суть, как казалось бы, достаточно известны с античных времен. Одно наименование употребляется для названия другого предмета или явления. Лингвисты, философы и многие другие всегда пытались данный феномен классифицировать.

Но вводить на основе указанной модели элементы квантификации было чрезвычайно трудно и научные стремления ограничивались поиском сходных черт предметов и явлений, оформленных на языковом уровне одинаковой метафорой.¹

Хотя многие лингвисты пытались и в нашей русистике создать основы классификации метафорических явлений, их усилия не венчались успехом. В связи с этим упоминаем о трудах К. Хлупачовой. В ее статьях использован метод классификации по отдельным тематическим группам.²

Но такая модель не отвечала на многие вопросы, в классификации затруднительным оказывался прежде всего поиск начального звена метафорического ряда.

Наступившая в восьмидесятые и девяностые годы когнитивная лингвистика создала предпосылки для нового подхода к ряду лингвистических вопросов, в том числе к метафоре. Работы Дж. Лакоффа и других наметили другие возможности в области квантификации и типологии метафоры.³

Их тезисы можно свести к следующим пунктам.

К основным следует отнести мысль, что метафоры, толкующиеся до этого в лингвистической литературе преимущественно как средство поэтического языка, носят общеязыковой характер и базой для их создания является не языковой уровень, а область мышления человека. Согласно

¹ Filipec J., Čermák F.: Česká lexikologie, s. 109, 111.

² Chlupáčová K.: Poznámky k ruské metafoře a metonymii. BURJL XV, Praha 1971, s. 7–16. K otázkám metaforizace a metonymizace substantiv v ruštině. BURJL XXII, Praha 1979, s. 23–35.

³ Lakoff, G.: Metafory, kterými žijeme, Brno 2002.

этим тезисам человеческое мышление в большой степени метафорично.

1. Последнее формируется в непосредственном контакте и взаимодействии с культурой в широком смысле конкретного языкового коллектива. На данном месте следует упомянуть одно из центральных понятий когнитивной лингвистики, т. е. «языковую или наивную картину мира».
2. «Увлечение» наукой всегда выдвигало на первый план научное понимание мира, что в конечном итоге осложняло или даже препятствовало вновь осмыслить многие вопросы языка. В свете последних исследований оказывается, что «наивное» понимание мира достаточно сложно и его глубокое описание требует широкого сотрудничества не только лингвистов, а также многих смежных дисциплин как истории, этнографии, психолингвистики и многих других.
3. Существует несколько основных моментов, предопределяющих характер и смысл жизни человека. Это прежде всего восприятие окружающего мира человеком с точки зрения пространственных и временных отношений.
4. Человек в окружающем его мире выделяет границы для того, чтобы смог его воспринимать. Границы ему нужны даже в тех случаях, когда их в реальности нет. Так для ориентации в пространстве человеком на протяжении истории создавались не только искусственные границы, а вводились разные вспомогательные понятия, как, напр., категория наблюдателя и др.
5. Представленная картина создает основы понятийной системы человека. Построение языковых и других метафор обусловлено на мыслительном уровне и в нем придется искать основные принципы категоризации метафор.

Интенсивные исследования в области философии, когнитивной психологии, и лингвистики в последнее время существенным образом продвинули вопросы, связанные с процессом возникновения метафор. В этой связи стоит назвать, помимо упомянутого Дж. Лакоффа и таких лингвистов как А. Вежбицку, Ю. Д. Апресяна и Д. Н. Шмелева, психолога Элеонору Рош и философа Яна Паточку.

Несмотря на разные подходы и методы решения указанного вопроса можно увидеть определенные общие результаты. Разработана и уточнена

терминология предмета исследования, сформулированы предпосылки для возникновения метафоры.

Из заключений частных исследований вытекает, что названные создаются уже на допонятийном уровне мышления, причем самым важным фактором является обязательное наличие определенных отношений между членами «допонятийных схем». В своей теории Дж. Лакофф, объясняя условия метафоризации, предполагает наличие области источника и мишени, причем происходит их структуризация по схеме вместилище и в процессе метафоризации по модели источник – путь – цель.⁴

Элеонора Рош, впервые как психолог, обратила свое внимание на перспективы исследования вопросов категоризации и разработала теорию категорий базового уровня, в научной литературе известной под названием теория прототипов, суть которой связана с асимметрией членов отдельных категорий. Прототипы так становятся лучшим примером категории. На них опирается вся система когнитивной референции. Работая с цветовыми и позже материальными категориями, Рош обнаружила их асимметрию, получившую название прототипные эффекты. В пределах рассматриваемой категории, напр., птиц, существуют члены, лучше всего соответствующие данной категории. В конкретном случае такому представлению соответствуют в большей степени, напр., *малиновки и воробьи*, чем *куры, страусы, пингвины* и пр. Поэтому наиболее репрезентативные члены категории называются прототипами.

Не оспаривая принципиально теорию Рош, надо идею продолжить и ответить на вопрос о его источниках. Хотя в дальнейшем изложении теории употребляется понятие источник, нам кажется, что у последнего не вполне достаточно объясняются принципы и механизмы его зарождения. На современном уровне знаний невропатологии и психологии представляется, что данные основы зарождаются также на допонятийном уровне, причем все релевантные изменения отношений и материального состояния находят воплощение в структуре понятий. Становление, развитие и их взаимодействие носят своеобразный характер, который можно с определенной натяжкой сравнить с живым организмом.

Тогда схему условно сопоставим с живым, пульсирующим организмом. В организме-обществе всегда наблюдается несколько точек пульсации, причем радиус действия пульсирующей области не отличается

⁴ Лакофф, Дж.: Когнитивное моделирование. In: Язык и интеллект 1996, с. 143–184.

одинаковой интенсивностью и можно в нем выделить отдельные изоглоссы с одинаковой гомогенностью, в центре которых находится ядро данного понятия. В процессе развития общества и его культурно-исторических отношений на фоне преобладающего общественного мышления указанные понятия взаимодействуют, конкурируя друг с другом. Если два ядерных понятия становятся настолько доминантными, что сферы их влияния перекликаются, происходит их взаимодействие. Здесь вполне уместно говорить об экспансии и компрессии. В силу долговременного взаимодействия рассматриваемых понятий наблюдаем на их стыке пересечения и волнения. Естественно, что качественный характер областей пересечения зависит от многих факторов, именно от силы и доминантности отдельных ядер. Во всяком случае результатом является новое качество. Кажется, что именно указанная модель является последней ступенью в процессе метафорического мышления и формирования базовых метафорических концептов в том смысле, как последние представлены в трудах Дж. Лакоффа и других представителей когнитивного направления в лингвистике, психологии и других науках.

Но процессу создания категорий, включая прототипные эффекты, безусловно предшествуют необходимые сдвиги во всем культурном обществе. Только в нем создается материальная база для своеобразного переломления в психике человека.

По нашему мнению, сама процессуальность как фактор является одной из необходимых областей, в рамках которых развивается человеческое мышление, что способствует порождению самых разнообразных отношений (временных, причинных, следственных и других). Именно наличие этих отношений становится необходимой базой для создания предпосылок метафоризации.

Многоплановость и динамизм формирования метафор в диахронном аспекте проиллюстрируем хотя на одном концепте жизнь в русском языке. Его формирование связано в синхронном и диахронном аспектах с обширным культурно-историческим фоном и другими понятиями-концептами.

Уже на ранних этапах средневекового мышления был упомянутый концепт жизни тесно связан с концептом времени. Последний существенно отличался от сегодняшнего его понимания. В дохристианский период время не понималось как абстрактная категория, отвлеченная от конкретных моментов жизни. Время и жизнь совпадали. Поэтому

понимание времени как чего-то постоянно уплывающего в прошлое, было язычникам неизвестно. Время было также циклично, что в конце концов предопределило первые метафорические концепты жизни как пути. Все сохранились до наших дней. Пример из древнерусского языка: *Убила Володимири князя Андрея вси милостьници...насунуша рогатинами, и ту сконьця живот свой. Не тъкъмо княжения, нъ в живота гонезе. Оного отпушу осужению, тебе же яко лжесловца от жизни усекну, ибо да твоя смерть препреть.*

Более существенные изменения в становлении данного понятия-концепта связаны с этапом христианизации, когда появилось совсем другое понимание времени, следовательно и жизни. Христианская идеология и философия коренным образом изменили этот подход. Осмысление получила категория прошлого, настоящего и будущего, что воплотилось в трех твердых основах жизни началу, кульминации и концу человечества. Таким образом человеческая жизнь приобрела драматизм, вылившийся в конечном итоге в новом концепте жизнь – терпение, напр.: *А если в монахахъ жить тяжело, надо было жить в боярах, а не постригаться. Иноческая жизнь, вечная жизнь.*

Только в сравнительно недавнем прошлом распространилось в нашей культуре понятие время-деньги. Поэтому концепт жизнь-азартная игра непосредственно связан с новым пониманием времени, напр. *Он использовал все шансы, в его жизни одни проигрыши.*

Представленный набросок развития механизмов метафоры на первый взгляд очень прост. Но в реальном языке все намного сложнее. Надо учитывать и тот факт, что почти любой концепт обладает разными аспектами. Развитие определенных аспектов приводит к спецификации метафоры. Так в ее рамках не развивается новая метафора, а лишь варианты, акцентирующие конкретные специфики данного понятия-концепта. В моменте подбора другого языка для сопоставления указанный комплекс отношений сразу же усложняется.

Придется учитывать, в некоторых случаях, не только частичное совпадение понятий-концептов, а также возможные расхождения в сфере аспектуального членения внешне совпадающих концептов-понятий. Для того, чтобы накопить достаточное количество репрезентативного материала для сопоставления в обоих языках, придется приложить еще много усилий.

Использованная литература

- Filipec J., Čermák Fr.: *Česká lexikologie*. Praha 1985.
Гусев, С. С.: *Наука и метафора*. Л. 1984.
Chlupáčová, K.: *K otázkám metaforizace a metonymizace substantiv v ruštině*. BURLJ, XXII, Praha 1979, s. 23–35.
Chlupáčová, K.: *Poznámky k ruské metafoře a metonymii*. BURLJ, XV, Praha 1979, s. 7–16.
Лакофф, Дж.: *Когнитивное моделирование*. In: Язык и интеллект 1996, с. 143–184.
Lakoff G., Johnson M.: *Metafory, kterými žijeme*. Brno 2002.
Серль, Дж.: *Метафора*. In: Теория метафоры. М. 1990, с. 307–341.
Скляревская, Г. Н.: *Метафора в системе языка*. СПб 1993.

Key words:

Cognitive linguistics, study of metaphors, concepts of metaphors, competition conduct, influence of concepts

Summary

Cognitive linguistics created new conditions for study of metaphors. George Lakoff in his research work *Metaphors We Live By* takes these for extralinguistic concepts that generate structure of metaphors.

In our research work we connect to that mentioned idea and we presume, these concepts of metaphors reciprocally interact. In the course of interdependence of powers and influence of metaphoric concepts we communicate about isoglosses, whose centre creates nuclei. By contact begins competition conduct. By long impact then happens intersection of influence of concepts. This is the base for the metaphoric influence in the comparative Czech-Russian point of view, too.

МЕСТО РУССКОГО ЯЗЫКА В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ

Виктория Кузина, Латвия, Рига

В политике иноязычного образования Латвии учитывается, с одной стороны, неизбежный процесс глобализации английского языка, его престижность, а, с другой стороны, исторически сложившиеся культурные связи с Германией, Россией, Францией. (1) Приоритет английского языка объясняется безусловным признанием его важных международных функций. Владение этим языком для молодого человека, жителя Европы XXI века, – одно из условий успешной профессиональной и личной карьеры. Английский язык изучается со второго класса. В пятом, шестом или в седьмом классе учащимся предлагается второй иностранный язык, а на десятом – третий. Вторым и третьим языком для школьников Латвии может стать немецкий, французский или русский язык. В иерархии иностранных языков, изучаемых в настоящее время в школах Латвии, русский язык, как показывают статистические данные отдела Информации и анализа МОН, в большинстве общеобразовательных школ прочно занял нишу второго иностранного языка. (2)

Как известно, русский язык имеет глубокие традиции использования и преподавания на территории Латвии. Преподавание русского языка в Латвии после 1989 года самым тесным образом связано как с чисто языковыми, так и экстралингвистическими факторами.

К первому можно отнести изменения в самом русском языке, которые происходят так же стремительно, как в политике. Языковую революцию принесла горбачевская перестройка в конце 80-х годов. Социально-политические потрясения больше всего затронули лексику. Новые формы общественных отношений нашли отражение в словообразовательных неологизмах, в освоении большого количества заимствованных слов и т. д.

Ко второму отнесём изменения статуса русского языка. После распада Советского Союза он исчез из сферы официального употребления в бывших союзных республиках (в том числе в Латвии) и, являясь языком

национального меньшинства, стал функционировать как язык неофициального бытового общения.

Если раньше интерес к русскому языку в Латвии ограничивался печатной информацией, а основной целью было обучение чтению и переводу художественной и политической литературы, то в настоящее время на первый план выдвигается коммуникативность обучения, которая требует постоянного практического использования русского языка как средства мышления и общения в устной и письменной форме.

Как отмечалось выше, позиция русского языка в Латвии определена статусом второго выбираемого иностранного языка. Наши учащиеся самостоятельно решают, по какому языку они будут сдавать экзамен.

Статистические данные свидетельствуют о том, что в 2000–2005 учебном году русский язык как иностранный изучали приблизительно 35 % от всего количества учащихся общеобразовательных школ. Это в числовом выражении составляет около 84 тысяч учащихся, в то время как немецкий язык осваивает 68 тысяч учащихся. Если сравнить показатели за последние годы, то можно заметить, что количество школьников, изучающих русский язык, возросло на несколько тысяч. Статистика подтверждает, что в большинстве школ русский язык прочно занял нишу второго иностранного языка.

Чтобы выявить, каковы мотивы предпочтения русского языка именно у подростков, было проведено анкетирование школьников 10–12 классов в 20 учебных заведениях. Анкетирование показало, что школьники-подростки понимают необходимость русского языка для будущей жизни. У них самые высокие мотивационные импульсы связаны с возможной помощью родителей и с легкостью изучения по сравнению с немецким языком. На втором месте находятся мотивы развлечения и познавательные мотивы, обусловленные интересом к фильмам, теле- и радиопередачам, журналам на русском языке. Третье место занимают коммуникативные мотивы, отражающие потребность в общении с приятелями, родственниками, знакомыми. Слабо выраженными, к сожалению, оказались мотивы культурного характера, связанные с интересом к России, к ее истории, к русской культуре, что, по-видимому, можно объяснить как спецификой подросткового возраста.

Итак, констатирована социальная потребность в овладении русским языком. Русский язык должен стать средством общения и самовыражения личности учащегося.

Специфика условий изучения русского языка в Латвии состоит в том, что этот иностранный язык (в отличие от английского, немецкого или др.) может быть востребован уже сейчас, в актуальных для учащихся жизненных ситуациях. Реальная возможность и потребность применения русского языка «здесь и сейчас» (общение со сверстниками, соседями, радио, телевидение и т. д.) рассматривается нами в качестве важного фактора личностной мотивации. Учитывая психологические установки подростков, первоначальную задачу мы видим в том, чтобы помочь школьникам осознать русский язык как еще одно средство (наряду с родным языком, другими иностранными языками) проявления своей индивидуальности, а также как средство установления контактов, расширения собственного поля коммуникации.

Важно, чтобы школьное обучение русскому языку было ориентировано на целенаправленное формирование внутренней мотивации, связанной с такой организацией самого процесса освоения языка, которая бы вызывала у школьников желание познавать язык в контексте культуры его носителей. Под культурой народа – носителя изучаемого языка мы понимаем элементы социокоммуникации, особенности национальной ментальности, духовные и материальные ценности, формирующие национальное достояние. Такое понимание культуры и должно, по нашему мнению, определять содержание социокультурной компетенции учащихся как цели обучения иностранному языку.

Русский язык может стать средством овладения социокультурной информацией, создающей основу для межкультурного диалога.

Русский язык может стать также средством развития лингвистического мышления.

Русский язык является для наших школьников вторым или третьим иностранным языком, что позволяет в процессе формирования языковой компетенции опираться на уже накопленные лингвистические знания. Мы предлагаем использовать на уроках методы наблюдения, сопоставления анализа различных языковых явлений для того, чтобы выводить учащихся на самостоятельные лингвистические обобщения. Применение таких методов научного познания в основной школе психологически мотивировано, т. к. известно, что подростковый возраст характеризуется переходом от конкретно-образного мышления к логическому, абстрактному. Мы считаем, что данное методическое решение не противоречит принципу коммуникативности, а внимательное отношение к языковым

фактам развивает абстрактное мышление школьников, создает базу для успешного освоения иностранных языков, помогает лучше понять своеобразие родного языка.

В современном обучении русскому языку в Латвии необходимо отметить две главные проблемы:

Первая проблема – кадровая. Это недостаточное количество квалифицированных учителей. Дело в том, что на сегодняшний день в Латвии нет ни одного высшего учебного заведения, которое бы целенаправленно занималось профессиональной подготовкой школьных учителей русского языка как иностранного и предоставляло бы возможность получать бакалаврскую и магистерскую степень по данной специальности. Фактически школы работают сейчас на кадровом потенциале, созданном еще в доперестроечное время. Кадровый кризис уже переживают не крупные города, но районы Латвии, где работают, в основном, учителя предпенсионного и пенсионного возраста, на смену которым некому прийти. Как показывал анализ анкет, нередко русский язык преподают учителя, не имеющие специального образования, но просто владеющие языком – учителя музыки, географии, учителя начальной школы. Сейчас, когда всем учителям приходится осваивать новую методику вследствие изменившегося статуса русского языка, этим учителям приходится особенно трудно. Вопрос о плановой профессиональной подготовке учителей русского языка как иностранного необходимо решать на государственном уровне, прежде всего, в аспекте выделения целевых бюджетных мест тем более, что обучение иностранным языкам признается приоритетным направлением образовательной политики.

Вторая проблема заключается в учебно-методическом обеспечении и, прежде всего, в создании современных средств обучения. Развивать интерес к изучению русского языка и к русской культуре невозможно без новых учебных комплексов, разработанных с учетом социокультурного компонента, коммуникативных потребностей, возрастных психологических установок учащихся, статуса русского языка как второго иностранного. Важным является как глубоко продуманное содержание учебника, так и его оформление. Чтобы заинтересовать латвийских школьников, уже привыкших к привлекательно изданным книгам, в том числе и учебным пособиям по иностранным языкам, учебник по русскому языку должен отличаться оригинальностью иллюстраций и хорошим полиграфическим исполнением.

Использованная литература

Кузина В. *Использование лингвостатистики в обучении языкам*. In: ROSSICA OLOMUCENSIA XLII, 2. část. Olomouc, 2004.
Svešvalodas. Pamatizglitibas standarts. Riga, 2001, c. 16

Key words:

Russian language, the basic motivation for learning

Summary

The Place of the Russian Language in the Past, Nowadays and Future

There are some aspects of a current social and economic situation in Latvia which have created a new approach to teaching and studying Russian at Latvian schools and universities. Young Latvians' attitudes towards learning Russian show that nowadays the basic motivation for learning is connected with a versatile communication process.

This article deals with the situation in the field of teaching foreign language in the system of school education in Latvia. The author characterizes the situation of the Russian language among other foreign languages learning at the schools and examines the ways of working out of the modern training complex of the Russian language as the second foreign one in Latvia.

О ЧЕШСКО-ПОЛЬСКОМ ВЛИЯНИИ НА ЯЗЫК ЮЖНОЙ И ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ XIV-XV ВЕКОВ

Алевтина Лавриненко, Польша, Жешув

Языковые контакты западных славян с восточными соседями были, надо полагать, извечными, исконными, в особенности на непосредственно соседствующих территориях. В плане культурного воздействия важнейшим его очагом, источником в западнославянском ареале было, как известно, чехо-моравское этническое пространство, вобравшее в себя, с одной стороны, кирилло-мефодиевские нормы и традиции, а с другой стороны, германо-латинские (и – шире – западноевропейские) цивилизованно-просветительские достижения.

Западнославянские черты (графические, лексические, морфологические) исследователи отмечают уже в древнейших памятниках Киевской Руси (Львов А. С.: 1965, 199–203; 1968, 316–337).

Возможны были два пути чехо-моравского воздействия: через Болгарию (то есть, опосредованно) и в результате непосредственных контактов. Признается факт, что *на Руси работали и чешские книжники* (Львов А. С.: 1968, 336).

Аналогично два пути проникновения западнославянизмов наблюдаем и в более позднюю эпоху, точнее, в XIV–XV веках, когда южные и юго-западные территории восточного славянства заметно отделяются в своем развитии и политической судьбе от территорий северо-восточной Руси с формирующимся Московским государством.

Здесь проникновение чехо-моравизмов также происходило, во-первых, в результате непосредственных контактов. Этому способствовал основанный в 1348 году Пражский университет, который стал *джерелом науки та культури для Польщі та всіх народів на її території, зокрема українців. В 1397 році королева Ядвіга заснувала Литовську колегію та окремії інтернат для русинів (українців та білорусів) при Празькому університеті* (Кубайчук В.: 2004, 6–7). Но, во-вторых, основная масса заимствований все же шла опосредованным путем – через польский язык (Рогаль М.:

1968, 34–35). Особенно этот процесс усилился после присоединения Галиции к Польскому королевству в середине XIV века.

Материал для данной статьи почерпнут из *Словника староукраїнської мови* под редакцией Л. Л. Гумецкой и И. М. Керницкого, т. 1–2, Київ 1977–1978 (далее ССУМ) и приводится в графической версии *Словника*. Мы используем здесь только те лексемы, которые имеют в ССУМ пометы *стч* – старочешское и *стп* – старопольское. По данным ССУМ, такую двойную маркированность имеют: существительные – 83, прилагательные – 36, местоимения – 9, глаголы – 55, наречия – 32, служебные части речи – 10, из которых союзов – 6, предлогов – 4. Всего 225 на общее количество зарегистрированных в словнике лексем около 12 тысяч.

Лексемы указанной дублетной маркированности в материалах ССУМ отчетливо подразделяются на две группы: 1) деривативно расширенную и 2) адериватную, то есть не представленную соответствующими производными старочешского или старопольского языков. В первой группе можно выделить:

- 1) словообразовательно соотносительные пары существительных и глаголов, где подавляющее большинство представлено производящей глагольной формой и производными существительными: *досветьчѣнье* – *досвѣтити* (*стч* *dosvědčeni* – *dosvědčiti*; *стп* *doświadczenie* – *doświadczycь*), *досвѣдчати* (*стп* *doświadczać*); *замешканье*, *зъмешканье* – *змешкати* (*стч* *zmeškani* – *zmeškati*, *стп* *zmieszkanie* – *zmieszkać*, *zamieszkać*); *мешканье* – *мешкати* (без указания на источник) – *омешкати* – *помешкати* – *промѣшкати* (*стч* *měškáni* – *proměškati*, *стп* *mieszkanie* – *otmieszkać* – *potmieszkać* – *przemieszkać*); *оправъца* – *оправити* (*стч* *opravca* – *opraviti*, *стп* *oprawca* – *oprawić*) ... Ср. еще: *пожадание* – *пожадати*, *поживление* – *поживати*, *покушѣнье* – *покусити* св ... в этой группе слов обращают на себя внимание две особенности. Во-первых, ярко выраженная способность к приставочному словообразованию, что ведет к созданию целых словообразовательных гнезд. Эта способность была свойственна языкам-адресантам, и ее свободно принимает язык-адресат. Во-вторых, подавляющее большинство имен в этой группе характеризуется суффиксом *-ие* (*-ье*). Как указывает А. С. Львов, ссылаясь на Ф. Травничека, *особенно характерны для чехо-моравского языка, а в восточнославянских языках такие образования, если они встречаются, восходят к книжным* (Львов А. С.: 1968, 322).

- 2) Словообразовательно соотносительные пары существительных и прилагательных, где производящими выступают существительные, а прилагательные – производными. Это пары *истинна – истинный* (стч *jistina – jistinny*, смн *iścina – iścinnny*); *оужитокъ – оужиточный* (стч *užitek – užitečný*, смн *użytek – użyteczny*); *чловѣкъ – чловѣчий* (стч *člověk – člověčí*, смн *człowiek – człowieczy*). Обратную словообразовательную зависимость видим в паре *власность – власный*.
- 3) Словообразовательно соотносительные пары существительных и наречий, где отсутствует (не зафиксирован в ССУМ) производный член – имя прилагательное, но наличие которого в языках-адресантах нужно предполагать: *наглось нагле* (отсутствует форма *наглый*) (стч *náhlost – náhle*, смн *nagłość – nagle*); *зрада, зрадаца – зраднє* отсутствует форма *зрадный, зрадный*) (стч *zradca – zrádně*, смн *zradčca – zradnie*).
- 4) Словообразовательно соотносительные пары прилагательных и наречий, где наречия являются результатом адвербиализации прилагательных и значением образа и способа действия: *посполитый – посполите, посполный – посполно, статочный – статочно* и т. д.
- 5) Особая группа – это многочисленные деривативные ряды, зачастую представляющие собой словообразовательные гнезда. Уже указанные нами выше соотносительные словообразовательные пары могут входить в эти гнезда в качестве составных компонентов. Приведем здесь лишь некоторые примеры гнезд: *едно, еднанье, едностаино, едность, еднота, едноцтво, еднати* (двойной маркированности не имеет лишь форма *едноцтво*); *пан, пани, панна – панство, панский, пановати* (с двойной маркированностью), *пановане, паноша* (только смн), *пановъ, паничъ* (немаркированные формы); *ustawa, уставичнѣ – оуставично – оуставичность – оуставичный – оуставно – оуставный* (все формы с двойной маркированностью) – *уставить – оставление – оуставъ – оуставляти – оуставникъ – оуставницътво – оустановити* (немаркированные формы).

Вторая (обширная) группа лексем – адериватные, то есть, те, которые в материалах ССУМ имеют одноразовое указание на интересующие нас языки-источники. Здесь можно выделить большую группу (подгруппу) лексем, представляющих собою чистое заимствование, не осложненное какими-либо родственными производными формами и сохраняющее

значение языков-источников. Это, например, *бытленіе* (смч *bytelnost / bytedlnost*, смн *bydlenie*), *варовати сѧ* (смч *varovati se*, смн *warować się*); *вшелякии* (смч *všelijaký*, смн *wszelaki*); *вънудити* (смч *vypuditi*, смн *wypędzić*); *выволити* (смч *vyvoliti*, смн *wywolić*); *громници* (смч *hromnice*, смн *gromnice*); *костарь* (смч *kostkář*, смн *kostarz*); *манство* (смч *manstvo*, смн *maństwo*); *овшемъ* (смч *ovšem*, смн *owszem*) ...

Другая подгруппа лексем – это заимствования с двойной маркированностью, представленные также деривативными формами, но эти формы имеют уже указание только на один язык-адресант. Чаще таким языком выступает польский язык и гораздо реже – чешский.

Наибольший интерес представляют словообразовательные гнезда, включающие также немаркированные формы. Именно они позволяют наблюдать процесс вхождения заимствованной лексики в язык-реципиент. Здесь особого внимания заслуживают различные вариантные формы, а также синонимические замены.

Примеры вариантных форм: предлог *коу* (смч, смн *ku*) – *къ, к, ко, къ, кг, кы*; *сведецтво* (смч *svědectvi*, смн *świadectwo*) – *сведетство, сведечество, сведоцьство, сведоцтво, свидечство, свидочство, сведетельство, свѣдетелство, свѣдовѣство* ...

Особенно много вариантных форм возникало при наложении, столкновении заимствованных западнославянских форм с церковнославянскими и с местными формами: *власныи* – *властныи* – *влоствныи*; *влоствь* – *волость* – *власть*; *велкии* – *великии*; *владарь* *влодарь* – *властнелъ* – *владыка*; *крал* – *крол* (*кроль*) – *король*; *моць* – *мочь* – *мощь*; *нынѣшии* – *нынешнии*; *острѣгати* – *остерегати*; *послоушенство*–*послоушество*; *соудьца* – *соудецъ* – *судья*; *тамътотъ* – *тень* – *тонъ* – *тотъ* – *тѣтъ* – *тои* – *тыи*...

Примеры синонимов: *валка* – *вина* – *воиско*; *волати* – *звати*; *закон* (монашеский орден) – *братия* – *братство*; *запомнение* – *забвение*; *зрадца* – *предатель*; *рада* – *совѣтъ*; *рокъ* – *годъ*; *похреб* (*погреб*) – *могила* и др.

Подводя итог, можно сказать, что чешско-польское влияние на язык близлежащих восточнославянских территорий в XIV–XV веках имеет уже не спорадический, а массовый характер, который достигнет своего апогея в XVI–XVII веках. В исследуемый период происходит внесение не только новых лексем, но заимствуются словообразовательные модели, ряды и целые гнезда деривативно связанных форм. Изучение указанных словообразовательных рядов помогает в некоторых случаях восстанавливать незафиксированные в ССУМ лексемы, свидетельствует о многих

морфологических процессах, которые происходили как в языках-адресантах, так и в языке-адресате (реципиенте).

Чешско-польские формы входили на податливую родственную почву, а потому воспринимались, видимо, легко и естественно. Основная масса слов и форм шла через польское посредство и из польского языка.

Использованная литература

- Львов, А. С.: О западнославянских словах в памятниках древнерусской письменности. In: Проблемы современной филологии. К 70-летию В. В. Виноградова, Москва 1965, с. 199–203.
- Львов, А. С.: Чешско-моравская лексика в памятниках древнерусской письменности. In: Славянское языкознание. VI международный съезд славистов (Прага 1968), Москва 1968, с. 316–337.
- Кубайчук, В.: Хронологія мовних подій в Україні (зовнішня історія української мови), Київ 2004, с. 6–7.
- Рогаль, М. С.: Польска мова як джерело чеських лексичних запозичень в українських літописах кінця XVII – першої половини XVIII ст. In: Мовознавство 1968, № 3, с. 34–35.

Key words:

Westslavjanism, lexeme, word-formative, word-building classes, variation, borrowing, borrowed word.

Summary

On Czech and Polish Influence on the Language of Southern and South-Western Russia in 14th and 15th Centuries.

In 14th and 15th centuries the influence of Western Slavic languages on Eastern became stronger. The main language-medium was Polish; Czech influence comes only through the help of Polish language. The target language develops a great variety of forms and rich synonymy.

**ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ
ПРЕДЛОЖНЫХ ЕДИНИЦ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ
(К МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМУ ПРОЕКТУ
«СЛАВЯНСКИЙ ПРЕДЛОГ
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ:
МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС»)**

Чеслав Ляхур, Польша, Ополе

Сегодняшнее состояние языкознания предполагает не только появление новых аспектов и новых объектов исследования, но и возврат к давно описанным категориям языка. Оказывается, что в свете современных представлений и при использовании современных методик эти категории способны дать новые знания об уже известных явлениях. Новое по сравнению с прежней парадигмой заключается, на наш взгляд, в следующем. Язык, во-первых, стал рассматриваться как средство объективизации наших знаний и воображений об окружающей внеязыковой действительности. Во-вторых, при описании языка мы все чаще начали учитывать его системный характер. В этом ракурсе очень актуальной становится задача повторного описания предлога.

Необходимость системно представить эту категорию служебных слов и их субститутов адекватно новым теоретическим и практическим потребностям и вызвала к жизни межнациональный исследовательский проект «Славянский предлог в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис»). Участниками данного проекта к настоящему времени являются языковеды России (МГУ им. М. В. Ломоносова), Белоруссии (Гродненский университет им. Янки Купалы и Белорусский Государственный университет в гор. Минске), Болгарии (Университет в гор. Велико Тырново), Украины (Донецкий Национальный университет), Сербии (Университет в гор. Нови Сад) и Польши (Университет в гор. Ополе).

Участники проекта своей основной задачей считают создание по возможности полного, не ограниченного литературным нормативным употреблением, перечня (реестра) предложных единиц (предлогов и их эквивалентов, предлогов и их функциональных аналогов) в каждом из

языков. Кроме того, важно выявить структурную и функциональную классификацию этих единиц и проанализировать их соотношения с другими служебными и номинативными средствами языка. В качестве конечного итога следует представить не только единицы, входящие в кодифицированные литературные языки, но и диалектные единицы, и единицы, ушедшие из языка, но зафиксированные в памятниках письменности. Так, например, для польского литературного языка нетипично употребление многочисленных причинных конструкций с диалектными предлогами типа *skuli, skroć, skierz* (они соответствуют современным предложным единицам *z powodu, za przyczyną, ze względu na, z uwagi na* и др.). Устаревшими, в свою очередь, являются причинные конструкции с предлогами *za* или *na*, которые были продуктивны в данном значении еще в XIX веке: *Za moim przybyciem twarz jej się zarumieniła. Na wiadomość o ustanowieniu stu tysięcy wojska włościanie zatrwożyli się.* Также предлог *przed* до XVIII столетия был в польском языке очень продуктивным средством выражения значения причины: *A przed wstydem i żalem serce prawie mdleje. Chciał mówić, ale przed płaczem nie mógł* (все примеры из работы: Pasoń 1976, passim). Возникновение причинной функции предлога *przed* можно объяснить, как кажется, влиянием синтаксиса латыни (латинское *prae* 'перед') или немецкого языка. В немецком языке, например, имеем *Ich stehe vor der Tür* 'я стою перед дверью', где *vor* = перед. Так же выглядит данная конструкция в причинном значении: *vor Hunger sterben* 'умереть от голода, с голоду' (буквально: 'умереть перед голодом'), *vor Furcht zittern* 'дрожать от страха, со страху, со страха' (буквально: 'дрожать перед страхом'); ср. Kempf 1978, с. 7–8. Следует здесь отметить, что эта функция предлога *przed* неизвестна другим славянским языкам.

Намечается, что конечным результатом исследований будут являться: серия совместных публикаций; отдельные словари предлогов и предложных выражений для каждого языка; совместное издание «Славянские предлоги и предложные выражения. Материалы к сопоставительному словарю», включающее материалы по всем исследуемым славянским языкам. Поскольку эта категория служебных слов во всех славянских языках давно ждет нового и серьезного описания в рамках современной лингвистической парадигмы, проект открыт для участия в нем коллег из других (кроме названных выше) стран, в том числе из Чехии и Словакии.

Для современных славянских языков характерен активный процесс, определяемый как экспансия аналитических конструкций. Проявлением

упомянутой экспансии является не только рост частотности предложных соединений, все чаще замещающих сочетания с синтетической предложной формой, но и замена одних предложных конструкций другими, которые уточняют, дополняют или усиливают семантические функции выражений, вытесняемых из употребления. Интересно, что этими новыми синтаксическими средствами являются, как правило, или сложные первообразные предлоги (типа *spoza, spośród, pomiędzy*), или составные предложные выражения типа *z wyjątkiem, za wyjątkiem: przyjęli taktykę nieatakowania innych kandydatów po swojej stronie - z wyjątkiem Olechowskiego* (русск. *за исключением Олеховского*), *z uwagi na: z uwagi na dobro śledztwa nowe okoliczności sprawy zostały ujawnione dopiero teraz* (русск. *учитывая предполагаемые результаты расследования*), *z ramienia: miał z ramienia swojej partii przejąć funkcję premiera* (русск. *по поручению, от имени своей партии*) – примеры из: Milewska 2003. Данная группа предложных выражений, являясь открытым классом, постоянно пополняется новыми единицами, его элементы дополняют и поддерживают падежную систему. Процесс дополнительной семантизации, усиления семантической четкости конструкций с первообразными предлогами происходит или путем пополнения конструкции лексическими средствами, или замещения первичных предлогов специализированными предложными выражениями, являющимися более четкими в отношении значения. Второму из названных трансформационных способов уделяется значительно меньше внимания. Как правило, словари и грамматики польского языка не отмечают единиц, употребляемых в роли целостных предложных выражений. Полный список таких единиц в научной литературе пока не представлен, значит, необходимость их комплексной фиксации, классификации и лексикографического описания становится очевидной.

На современном этапе функционирования польского языка наблюдается также явление своего рода расщепления семантики некоторых предлогов и бурный рост частотности конструкций с новым значением. Рассмотрим этот вопрос на примере предлога *spoza*. Конструкции с данным предлогом в своей первичной и основной функции реализуют семантику передвижения предмета с одной из сторон локализатора, а именно с его задней стороны по отношению к наблюдателю. В этом значении предлог *spoza* является, как правило, стилистически окрашенным синонимом предлога *zza* (русское *из-за*), употребляемым однако значительно реже. О том, что конструкции с обоими предлогами синонимичны,

подтверждает их функционирование в идентичных контекстах, при тех же классах существительных, например: *Wyjrzałem nieznacznie spoza so-senek* (J. Putrament) – я украдкой посмотрел из-за сосен vs. [...] *ostrożnie wychylili głowy zza gałęzi* (E. Niziurski) – осторожно высунули головы из-за ветвей. *Słońce wysunęło się już spoza dachów* [...] (K. Korcozowicz) – солнце высунулось из-за крыш vs. [...] *to zaś, co zza ich dachów wystaje, to żurawie dźwigów portowych* (Leonard) – из-за их крыш виднеются. Фактический материал доказывает, что польским конструкциям как с предлогом *spoza*, так и предлогом *zza* в русском языке последовательно соответствуют конструкции с предлогом *из-за* (как их формальным эквивалентом).

Но кроме сказанного выше, польский предлог *spoza* имеет значение, которое синонимом *zza* считать нельзя. Его семантику – учитывая несомненное конкретно-пространственное происхождение – можно свести к формуле «не-из», например: *Jest to świadek drugoplanowy i spoza resortu* (газета) – свидетель не из ведомства, т. е. свидетель, остающийся (продолжающийся оставаться) вне ведомства. *Nie spodobało się to niektórym delegatom, którzy domagali się uczestnictwa w Radzie ludzi spoza listy* (газета) – людей, не оказавшихся в списке. *Nikt spoza mafii nie mógł tam podjechać* («Prawo i Życie») – никто, не принадлежащий к мафии, не являющийся членом мафии. *Użytkownicy tych języków dostrzegają właściwości przedmiotów i zjawisk, które dla ludzi spoza ich społeczności po prostu nie istnieją* (J. Miodek) – для людей, остающихся вне их обществ (более подробно об этом см.: Lachur 1999, с. 169–176).

Важным (и довольно сложным) вопросом является здесь определение эквивалентов данных групп в другом языке, например, в русском, где данный предлог в этом значении не имеет формального соответствия: *из-за* соответствует польскому *spoza* лишь в таких контекстах, в которых является показателем конкретного значения «zza – из-за». Во всех остальных случаях польским конструкциям с предлогом *spoza* соответствуют различные структуры русского языка (главным образом, перифрастические) и поэтому трудно здесь установить регулярные соответствия.

В свете сказанного выше возникает вопрос более общего характера: в работе над материалами к словарю славянских предлогов данное значение следует отнести к отдельному предлогу или считать его одним из значений предлога *zza/spoza*? Приведенные наблюдения указывают также на неполноту наших представлений о предлогах и их коррелятах в разных славянских языках. Фиксация и описание предложных средств,

имеющихся в каждом славянском языке, и их сопоставление требует еще многих усилий.

Использованная литература

Kempf, Z.: *Próba teorii przypadków. Część I*, Opole 1978.

Lachur, Cz.: *Semantyka przestrzenna polskich przyimków prefigowanych na tle rosyjskim*, Opole 1999.

Milewska, B.: *Słownik polskich przyimków wtórnych*, Gdańsk 2003.

Pasoń, A.: *Syntaktyczne sposoby wyrażania przyczyny w historii języka polskiego*, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk 1976.

Key words:

preposition, synchrony, diachrony, morphology, syntax, semantics, grammar, paradigm, synonymy, homonymy

Summary

The Problems of Description of Prepositional Units in the Polish Language
(on the Verge of the International Project
“Slavonic Preposition in Synchrony and Diachrony:
Morphology and Syntax”)

The contemporary state of linguistics assumes not only the appearance of some new aspects and new research subjects, but also the comeback to certain categories of the language that have been previously described. The preposition undoubtedly belongs to such categories of words. The necessity of a repeat look at the preposition and its functional equivalents in a way that is adequate to new theoretical and practical requirements has given rise to the international project entitled “Slavonic Preposition in Synchrony and Diachrony: Morphology and Syntax”. The participants of this project – for the time being – are linguists from Russia, Ukraine, Belarus, Bulgaria, Serbia, and Poland.

The following article presents the aims and assumptions of the project as well as some obstacles that might be encountered while describing Slavonic prepositions, especially in a confrontative aspect. As an example, there have

been mentioned observations referring to the functioning of certain structures (in the Polish language) containing the preposition *spoza* (beyond, from outside) meaning 'nie-z' (not from), e.g. *delegat spoza partii* (a delegate **from outside** the party - **not from** the party).

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЬСКИХ ПЕРЕВОДОВ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА Б. ОКУДЖАВЫ)

Лидия Мазур-Межва, Польша, Кельце

Уже давно доказано: перевод – дело творческое, переводчики играют в духовном общении народов важнейшую роль. Перевод традиционно и с полным правом рассматривается как один из важнейших путей взаимодействия национальных культур, как действенный способ межкультурной коммуникации.

О теоретической и практической значимости перевода свидетельствует тот факт, что он удачно вписывается в научную проблематику, получившую название «диалог культур», значение которого в последнее время очень большое.

Можно поставить вопрос, какова роль перевода сегодня – в эпоху глобализации? Многие утверждают, что его роль уменьшается и в будущем станет еще меньше, так как глобализация способствует унификации на разных уровнях общественной деятельности и перевод не будет необходимым.

В ответ надо сказать, что ведь не все качества могут подвергаться интеграции. Традиции, культура и обычаи данного народа (то есть, все самое ценное для каждого народа) не должны унифицироваться. В период глобализации, бурных перемен и трансформации, наоборот, усиливаются контакты между народами, поэтому у переводчиков новые сложнейшие задачи и без их мастерства дальнейшее развитие международной коммуникации кажется невозможным.

Наша задача состоит в том, чтобы представить некоторые аспекты перевода поэзии на материале польских переводов поэтического творчества Б. Окуджавы, оказавшего на польскую культуру безусловное влияние.

По словам Е. Эткинда, *поэзия – высшая форма бытия национального языка. В поэтическом творчестве с наибольшей полнотой и концентрированностью выражается дух народа – своеобразие его исторического и культурного развития, его психического строя. Понять поэзию другого*

народа – значит понять другой национальный характер, эмоциональный мир другой культуры (1).

Несомненно, как подчеркивает А. Беднарчик, перевод подвергается воздействию передающей и принимающей культуры, а переводчик, создавая перевод, то есть, текст, читаемый получателями, принадлежащими принимающей культуре, является одновременно получателем, принадлежащим передающей культуре, так как он является получателем оригинального текста (2). Безусловно, культура, в какой вырос переводчик, воздействует на постижение им оригинального текста и, следовательно, на его художественное перевыражение в переводе.

В связи с этим вполне понятно, почему многие знатоки перевода отмечают, что прежде всего культурные, а не языковые отличия, являются причиной непереводаемости и большинства переводческих ошибок.

О. Войтасевич, автор первой польской монографии, посвященной теории перевода, подчеркивает, что перевод должен вызывать у читателей такие же или, по крайней мере, близкие ассоциации с теми, которые у читателей вызывает оригинальный текст (3). Достичь этого – дело нелегкое. *От художественного перевода, как писал К. Чуковский, мы требуем, чтобы он воспроизвел перед нами не только образы мысли переводимого автора, не только его сюжетные схемы, но и его литературную манеру, его творческую личность, его стиль (4).*

Переводить Окуджаву нелегко и, конечно, лучше всего читать его в оригинале, так как даже самый точный перевод не заменит подлинника. В поэзии Окуджавы органически соединились слово, музыка и краски, грусть и ирония, любовь и печаль. Характерный для поэта жанр «песенки» нес в себе черты русского городского романса, фольклора, «пересаженного на городскую почву», традиционной элегии, баллады и других жанров лирики. Для того, чтобы все это понять, необходимо знание биографии поэта и его всего творчества, не только поэзии, но и прозы, хотя надо признать, что в Польше Окуджава больше всего популярен своими песнями и стихами.

Некоторые польские переводчики дружили с Окуджавой и отлично знали его и русский народ, поэтому, как нам кажется, им было легче проникнуть в глубь его творчества и верно отобразить внешнюю простоту, глубинные мысли и переживания, заключенные в его стихах и песнях.

Однако есть и некоторые различия между польскими переводами и оригинальными текстами, которые обусловлены различиями структур

их когнитивного пространства у носителей польского языка и сознания, сформировавшимися под влиянием польской культуры.

А. Вежбицка отмечает, что лексиконы различных языков предполагают существование разных концептуальных миров и не все то, что можно сказать в одном языке можно выразить (без дополнения или отнимания чего-то) в другом языке, а соотносительные слова разных культур отличаются по значению (5). Конечно, польская и русская культуры не столь уж отдалены друг от друга, но тем не менее различия существуют и поэтому в процессе перевода знание внеязыковой действительности (русской и польской) является очень важным.

И. Левый тоже подчеркивает: что иногда *родной язык переводчика не позволяет выразиться так широко и многозначно, как язык подлинника; переводчику приходится выбрать одну из более узких семантических единиц, передающих лишь часть смысла, а для этого также требуется знать действительность, стоящую за текстом* (6).

На основании проведенного нами анализа, надо сказать, что польским переводчикам в большей мере удалось сохранить национальный колорит подлинника, хотя они иногда вводят полонизмы и элементы характерные для польской культуры. Очень часто расширяют поэтические образы, дополняют смысл и конкретизируют его, учитывая, по-видимому, факт не знания русской действительности многими польскими читателями. Иногда, бывает, увеличивают экспрессию, выраженную Окуджавой, интенсифицируют и динамизируют события. Обратим внимание на перевод «Песенки об Арбате» А. Мандалияна. Проанализируем оригинальный и переведенный тексты (7):

Ты течешь, как река. Странное название!

И прозрачен асфальт, как в реке вода.

Ах, Арбат, мой Арбат,

ты - мое призвание.

Ты - и радость моя, и моя беда.

Пешеходы твои - люди не великие.

каблуками стучат - по делам спешат.

Ах, Арбат, мой Арбат,

ты - моя религия,

мостовые твои подо мной лежат.

*Rzeczny wir, rwący prąd, obca nazwa, łatwy rym...
Lecz przejrzysty twój nurt jak kryniczny źródło...
Ach, Arbacie, toś ty
Wiecznym przeznaczeniem mym,
W tobie radość i gniew, w tobie śmiech i ból.
Gdy przechodniów twych tłum sunie obok rojem pstrym,
Tak pośpieszny ich krok, tak powszedni ślad...
Ach, Arbacie, toś ty
Wiarą i zbawieniem mym,
Wyślizgany twój bruk - to mój cały świat.*

Уже в первой строке можно отметить изменения, введенные Мандалианом, Окуджаву пишет: *ты течешь как река*, а в польской версии: *rzeczny wir, rwący prąd* и далее: *przejrzysty... jak kryniczny źródło* вместо: *прозрачен... как вода*. Мандалиан употребил сравнение, передавая метафору Окуджавы, но интенсифицируя ее и расширяя смысл, сопоставим: *Ты - и радость моя, и моя беда // W tobie radość i gniew, w tobie śmiech i ból*. Окуджава ставит все ясно и просто: радость - это радость, беда - это беда, а Мандалиан поясняет: *radość - gniew, śmiech i ból*, сопоставляя друг с другом антонимы. Прием, конечно, правильный, смысл ведь передается, но в польском переводе отмечается увеличение по параметру качества.

Необходимо обратить внимание, что в польском переводе «религия» заменяется «*wiarą i zbawieniem*» (верой и искуплением), а отечество - *ziemią obiecaną* (обетованной землей), что тоже не трудно объяснить, так как вера и искупление в польском сознании имеют большое значение, бесспорно, под влиянием католической веры. Мандалиан расширил поэтический образ, добавляя: *Arbat... to mój cały świat*. Этого нет в подлиннике. В переводе экспрессия увеличивается, а смысл интенсифицируется. Для отображения экспрессивных и стилистических средств переводчик вводит дополнительное значение, усиливая высказывание Окуджавы. «*Ziemia obiecana*» - для поляков что-то очень важное и неоценимое - значимое понятие для польской культуры (повесть В. Реймонта «Обетованная земля» и ее экранизация).

Структура песни сохранена, хотя переводчик увеличил количество слогов в строке, мужские рифмы заменяет женскими, а точные - неточными.

Мы проанализировали многие переводы стихотворений и песен Окуджавы, но так как рамки данной статьи ограничены, мы рассмотрели здесь только один перевод. Наши выводы мы формулируем на основании нескольких польских переводов и следует отметить, что замены, введенные в польских переводах способствуют прояснению текста для польского читателя, лучшему пониманию образа, нарисованного русским поэтом. Важно помнить, что прагматика перевода не всегда соотносится с семантикой поэтических образов исходного текста.

Анализ настоящих переводов показывает, что смысл, стилистика и настроение подлинных текстов передаются правильно, хотя, введенные переводчиками дополнения и перестановки часто влияют на полонизацию целого текста. Однако главная цель достигнута: в переводах удалось сохранить характер и климат поэтических образов подлинника, несмотря на влияние польской культуры и польского менталитета.

Таким образом, рассматривая переводные тексты с точки зрения их восприятия в польской социо-культурной полисистеме мы можем оценить их положительно.

Примечания

Эткинд, Е.: *Поэзия и перевод*. М. – Л. 1963, с. 3.

Bednarczyk, A.: *Kulturowe aspekty przekładu literackiego*. Katowice 2002, s. 21.

Wojtasiewicz, O.: *Wstęp do teorii tłumaczenia*. Warszawa: Tepis 1992, s. 26.

Чуковский, К.: *Высокое искусство*. М. 1988, с. 18.

Wierzbicka, A.: *Uniwersalne pojęcia ludzkie i ich konfiguracje w różnych kulturach*. In: *Etnolingwistyka*, N 4, Lublin 1991, s. 29–30.

Левый, И.: *Искусство перевода* (перевел с чешского Вл. Россельс). М. 1974, с. 72–73.

Bułat Okudźawa. Pieśni. Ballady. Wiersze. Pod red. A. Mandaliana, Kraków 1996, s. 45.

Key words:

translation, poetry, globalization, poetic image, semantic fields, transformation, mentality, literary translation, shifts of translation, cultural differences

Summary

(The article: From the problems of the translation of the poetry) The author tries to prove that also in the epoch of globalization, the part of translation can be significant. Posteriorly analyzed are problems of the translation of the poetry on the examples of Polish translations of the songs and the poems by B. Okudzava. Research showed that the main difficulty in the process of translation determine not linguistic but cultural differences.

ВРЕМЯ КАК ФРАГМЕНТ НАИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА РУССКИХ И ЧЕХОВ

Юлия Мамонова, Россия, Пермь

Представление человека о времени – одна из важнейших составляющих картины мира. Для человека события внешнего мира, его субъективные чувства, мыслительная деятельность – все протекает во времени. Время в свою очередь обретает смысл в человеке, в его сознании и языке.

Под картиной мира в современных исследованиях понимается *упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании* (Попова, Стернин 2003). Принято разделять научную картину мира, оперирующую понятиями, и наивную, за единицы которой можно принять концепты, обобщенные представления. В своей совокупности последние складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную, или бытовую, философию (Апресян 1995, Кашкин 2002).

В работе методом ассоциативного эксперимента исследуется семантическое наполнение концепта *время*. Особенностью психолингвистического изучения семантики является обращение непосредственно к интуиции носителей языка, что позволяет выявить оттенки значения, которые упираются в особенности той или иной культуры, того, что *усваивается, как правило, лишь в процессе многолетнего речевого опыта* (Леонтьев 1977: 4).

Для нас изучение ассоциаций важно в связи с нашим интересом к национально-культурной специфике языковых фактов. С помощью свободных ассоциативных экспериментов с группами русских и чешских студентов мы можем определить, какие пласты концепта *время* актуализированы в сознании данных социальных групп.

Материалом для эксперимента с русскими студентами явились два слова-стимула: ВРЕМЯ и ПРОСТРАНСТВО, то есть имена интересующих нас концептов. В эксперименте участвовало 110 человек, студентов высших учебных заведений. В качестве материала при проведении второй части эксперимента были взяты чешские эквиваленты интересующих нас слов: ČAS (время) и PROSTOR (пространство). В эксперименте приняло участие 110 студентов высших учебных заведений Чехии.

Данная статья посвящена рассмотрению времени как фрагмента наивной картины мира русских и чехов, поэтому ниже представлен анализ только тех реакций, которые были получены на стимулы ВРЕМЯ и САС.

При сопоставительном изучении национально-культурных особенностей языкового сознания групп, принадлежащих разным культурам, нам кажется удобным воспользоваться структурой, которая получила название *семантический геиштальт* (Караулов 2002). Такая структура семантического поля выстраивается путем естественной семантической классификации входящих в поле ассоциатов и составляется из нескольких семантических зон. Каждая зона является характеристикой некоторого существенного признака, из совокупности которых и складывается экстенционал данного стимула, обобщенный образ частички мира, стоящей за данным словом. Иначе семантические зоны могут быть обозначены термином *локусы* как тематически однородные фрагменты картины мира (Овчинникова 2000).

Всю совокупность реакций на стимул ВРЕМЯ можно распределить по следующим условно выделенным нами семантическим зонам:

I СКОРОТЕЧНОСТЬ ВРЕМЕНИ: нехватка (5), не хватает (4), быстро (3), мало (3), недостаток (2), ограниченность (2), бег, бежит, быстрое, быстротечность, мгновение, неудержимо, песок, скоротечность.

II ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ВРЕМЕНИ: бесконечность (9), вечность (6), долго (3), вечно.

III ОТРЕЗКИ ВРЕМЕНИ: период (2), час (2), лекция, минуты, пара.

IV ПРЕДМЕТЫ ДЛЯ ИЗМЕРЕНИЯ ВРЕМЕНИ: часы (27).

V МАТЕРИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ: деньги (9), дорого.

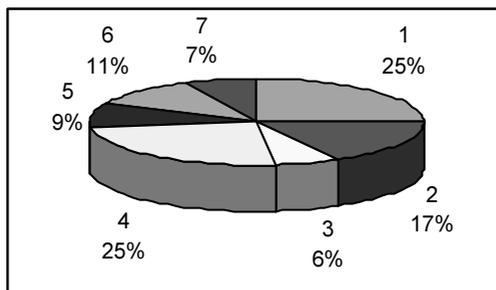
VI ЧЕЛОВЕК: жизнь (8), надежда, память, смерть, ум.

VII ОСТАЛЬНЫЕ: будущее, вселенная, движение, занятость, игра «Что? Где? Когда?», использовать, круговорот, пространство.

Для более наглядного представления об ассоциативной структуре имени концепта *время* на графике 1 покажем репрезентативность каждого из локусов. Каждый сегмент диаграммы показывает количество реакций в процентном выражении, относимых нами к тому или иному семантическому признаку.

График 1.

Репрезентативность семантических зон концепта *время*

Как видим, наиболее важными компонентами в той части наивной картины мира русских, которая «отвечает» за восприятие и осознание времени, являются следующие: время воспринимается как нечто скоротечное, преходящее (зона 1 составляет 25 %), и, возможно, поэтому актуален и предмет, с помощью которого можно за ним следить, стараться его удержать – часы (зона 4 составляет 25 %). Кроме того, среди оставшихся локусов выделяется тот, который обозначен нами как *длительность времени* (зона 2–17 %).

Перейдем к рассмотрению тех семантических зон, которые мы получили в результате распределения реакций, полученных на стимул ČAS.

I СКОРОТЕЧНОСТЬ ВРЕМЕНИ: málo (мало) (6), nedostatek (недостаток) (4), běh (бег) (2), letí (летит) (2), utíká (убегает).

II ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ВРЕМЕНИ: věčnost (вечность) (4), nekonečno (бесконечно) (3), neomezenost (неограниченность), nekonečnost (бесконечность).

III ИЗМЕНЧИВОСТЬ ВРЕМЕНИ: změna (изменение), pomíjivost (изменчивость), řeka (река).

IV ОТРЕЗКИ ВРЕМЕНИ: doba (время) (7), hodina (час) (5), minuta (минута) (2), ráno (утро) (2), etapa (период), jaro (весна), odpoledne (полдень), přednáška (лекция), sekunda (секунда), termín (срок), zima (зима).

V ПРЕДМЕТЫ ДЛЯ ИЗМЕРЕНИЯ ВРЕМЕНИ: hodiny (часы) (26), hodinky (наручные часы), (5), budík (будильник) (4), ciferník (циферблат).

VI НЕПРИЯЗНЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ КО ВРЕМЕНИ: nepřítel (не-друг) (2), černá díra (черная дыра), netopýr (летучая мышь).

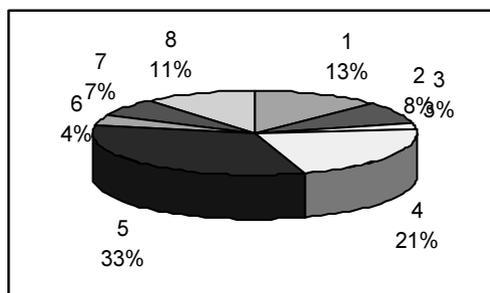
VII ЧЕЛОВЕК: stáří (возраст) (3), život (жизнь) (3), věk (возраст), smrt (смерть).

VIII ОСТАЛЬНЫЕ: prostor (пространство) (7), volný (свободный), volnost (свобода), osa (ось), tempus, tiktak (тик-так).

На графике 2 видим представленность каждой из обозначенных семантических зон в общей картине полученных ассоциатов.

График 2.

Репрезентативность семантических зон концепта *čas*

Наш эксперимент показывает, что в сознании чехов время довольно часто предстает в виде определенного законченного отрезка (зона 4–21 %). Кроме того, значимы предметы, с помощью которых время отслеживается (зона 5–33 %). Эти два семантических признака концепта оказываются наиболее актуальными для чехов.

Сравним полученные нами результаты. Говоря об общих моментах, следует, прежде всего, отметить семантическую зону *предметы для измерения времени*, к которой относится наибольшая часть полученных ассоциатов в обеих частях эксперимента (25 % и 33 %). Следовательно, данный семантический признак занимает важное место в сознании носителей обоих языков. Стремление измерить, «остановить» время присуще современному человеку в связи с его практической деятельностью. Как отмечают ученые, наивная картина мира имеет практическую направленность (Касевич 1996, Овчинникова 2000). Однако можно заметить, что

чешский локус разнообразнее в лексическом плане, нежели соответствующий ему русский.

Общим является и одновременное присутствие таких противоположных характеристик времени, как скоротечность и длительность. Такая противоречивость характерна именно для наивной картины мира, составляющими которой являются концепты. Основа последних – сублогическая (Чернейко, Долинский 1996).

Среди основных различий можно назвать бóльшую представленность локуса *временные отрезки* по результатам чешского эксперимента. Значительно больше чешских, нежели русских информантов стремятся представить абстрактное время как конкретный, законченный временной отрезок (6 % и 21 %). Восприятие времени чехами отличается от его восприятия русскими присутствием таких его семантических признаков, как *изменчивость времени* и *неприятное отношение ко времени*. С другой стороны, данные, полученные от русских информантов, свидетельствуют о том, что время для русского человека представляет собой определенную *материальную ценность*, что не нашло отражения в результатах нашего эксперимента с чешскими студентами.

Использованная литература

- Апресян, Д. Ю.: *Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика*. М. 1995.
- Караулов, Ю. И.: *Национальные образы сознания в ассоциативной структуре слова*. In: Национальный менталитет и языковая личность, Пермь 2002, с. 3–16.
- Касевич, В. Б.: *Буддизм: Картина мира. Язык*. СПб. 1996.
- Кашкин, В. Б.: *Бытовая философия языка и языковые контрасты*. In: ТПЛ. Воронеж 2002. Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. С. 4–34.
- Леонтьев, А. А.: *Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах*. In: Словарь ассоциативных норм русского языка, М. 1977, с. 5–16.
- Овчинникова, И. Г. и др.: *Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции)*. Пермь 2000.
- Попова, З. Д., Стернин, И. А.: *Язык и национальная картина мира*. Воронеж 2003.
- Чернейко, Л. О., Долинский, В. А.: *Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа*. In: Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. № 6, М. 1996, с. 20–41.

Key words:

associate, concept, culture, free associative experiment, locus, notion, representation, semantic zone, worldviewing

Summary

The aim of the present work is to reveal the semantics of the concept *time* according to Russian and Czech languages. Concepts or generalized ideas as parts of the naive worldviewing vary from notions, which are the units of the scientific world picture. The analysis of the formers gives us an opportunity to speak about so called everyday philosophy. Undoubtedly, every world picture depends on social and cultural factors. The research was carried out by means of free associative experiments with Russian and Czech student groups. Our investigation shows the similarities and the differences in perception of time by native speakers of close related languages.

МЕМУАРЫ И ИХ МЕСТО СРЕДИ ФАКТУАЛЬНЫХ ЖАНРОВ

Татьяна Милевская, Россия, Санкт-Петербург

К так называемым фактуальным (документальным) жанрам традиционно относятся мемуары (воспоминания), биографии, автобиографии, дневники и письма. Их номенклатура основана, прежде всего, на нефикциональности и ретроспективной (исключая письма и частично дневники) направленности.

Мы же попытаемся описать сходство и различие перечисленных жанров, исходя из выделенных нами жанрообразующих признаков мемуаров, каковыми, с нашей точки зрения, являются: особая роль автора и формы его проявления в тексте, а также своеобразная конфигурация «автор-персонаж – читатель», включающая автокоммуникацию. [Милевская, 2000; 2005] Сравнение темпоральных особенностей перечисленных жанров будет предпринято в следующей статье.

Итак, принципиальным фактором, объединяющим все фактуальные жанры, становится реальность лица, выступающего в функции повествователя, «Я» текста. Но при этом различия существуют как в особенностях проявления этого «Я», так и в отношениях адресанта и адресата текста.

В меньшей степени эти различия заметны в текстах мемуаров и автобиографий. Автобиографии и мемуары очень близки по форме, они отличаются лишь акцентами на содержательном уровне: темой автобиографии является собственная жизнь рассказчика, где его внимание сфокусировано на процессе развития собственной индивидуальности, становления собственной личности, формирования собственной идентичности, в то время как мемуарист описывает свою жизнь с акцентом на временном фоне: «*Интересна не я, но эпоха*» [Харузина: 19]; «*и возможно, вольная или невольная самоуглубленность человека <...> позволила увидеть время, так сказать, со среднего уровня...*» [Герман: 12]

Можно говорить также и о том, что в автобиографии описываются объективно главные события в жизни автора-героя, в то время как в мемуарах – субъективно главные события, те, которые, по мнению автора,

а скорее по его ощущению, – являются важными. Те, которые запомнились и оказали влияние на будущую жизнь.

Существует также мнение, что *«автобиография сфокусирована на своем герое, описание развивается под давлением сил, а мемуары, напротив, в большей степени имеют центробежный характер, их автор как бы «рассыпается» в своих общественных обличиях. Если тип автобиографического дискурса определяется профессиональной принадлежностью, то политикам в большинстве случаев будут принадлежать мемуары, а деятелям искусства – автобиографии»* [Златар: 36]. Эта мысль не всегда находит отражение в наших наблюдениях. К написанию мемуаров стимулирует не только и не столько профессиональная принадлежность, сколько личность мемуариста с его обостренным чувством времени и исторической ответственности. Примерами тому могут служить мемуары искусствоведа и лингвиста С. М. Волконского, литературоведа Е. М. Мелетинского, врача М. М. Мелентьева, искусствоведа М. Ю. Германа, историка И. Ф. Петровской и многих других.

Мемуары и автобиографии отличаются реализацией отношений адресанта и адресата (автора и читателя). Читателей мемуаров можно разделить минимум на две группы: «свой читатель» и «читатель вообще». Если исходить из теории, утверждающей, что текст каждый раз рождается заново в процессе восприятия, то оба эти читателя в результате прочтения мемуаров получают разные тексты: «читатель вообще» – более насыщенный информативно, а «свой читатель» – эмоционально. А самым «своим» читателем мемуаров остается, безусловно, сам автор, поскольку по своей сути мемуары – это разговор с самим собой. [Более подробно об этом см. Милевская, 2005] Что касается адресата автобиографии, то, на наш взгляд, он более широк и менее определен, поскольку автобиография пишется для всех, ее содержание ново для большинства читателей, что является дополнительным аргументом в пользу теории, относящей автобиографию к литературе.

Иначе дело обстоит в письмах, где наблюдается сужение функций авторского «Я» по сравнению с мемуарами до одной – функции повествователя. Адресованность текста также редуцируется до единственного (не учитывая возможную последующую публикацию) адресата, коммуникация с которым проходит по традиционному каналу «Я» – «Он». Главным отличием адресата письма и «своего читателя» мемуаров является реальность и конкретность первого, в то время как второй – это адре-

сат, смоделированный автором, исходящим из собственных ощущений и ассоциаций. Публикация писем расширяет аудиторию лишь количественно, качественно ничего не меняется, письмо остается написанным лишь тому, кому оно было адресовано изначально. В то же время для нового читателя оно приобретает дополнительную информацию, так как иногда интересно даже не только и не столько содержание письма, сколько сам факт его написания именно этим человеком именно этому человеку. При таком взгляде письмо характеризует уже обоих коммуникантов, раскрывает отношения этих двух людей, степень их близости, заинтересованности друг в друге, о чем может рассказать даже самое банальное или бытовое содержание письма. Причем часто сама эта обыденность содержания свидетельствует о степени близости автора и адресата письма: *«...Вопрос и просьба: не могли бы Вы похранить у себя некоторое время нашу корзинку с вещами? Некоторое время, потому что: либо через три месяца – вернусь, либо, если устроюсь в Париже (в чем очень сомневаюсь) – С. Я. ее мне вышлет 'ptite vitesse'»* [Цветаева: 26]; *«Большая просьба, м.б., нескромная: не найдется ли у кого-нибудь в Вашем окружении простого стирающегося платья? Я всю зиму жила в одном, шерстяном, уже расплывшемся по швам. Хорошего мне не нужно, – все равно нигде не придется бывать – что-нибудь простое. <...> Если большое – ничего, можно переделать домашними средствами»* [Цветаева: 23]

Мемуары и дневники интересно сравнить с точки зрения природы автокоммуникации. Прежде всего, это временные различия: в дневнике фиксируется разговор с собой «здесь и сейчас», а в мемуарах автор-повествователь и автор-комментатор, между которыми происходит коммуникация, разделены временем, опытом. Дневник – это желание взглянуть на себя со стороны сейчас, мемуары – осмыслить свою жизнь с высоты своего жизненного опыта. Таким образом, автокоммуникация мемуаров это явление лингвистическое, а дневника – психологическое. Длительное ведение интимного дневника – несомненный знак интенсивной автокоммуникации, которой обычно способствуют какие-то личностные особенности. [Кон, 2000]: *«У меня обращение к письменной рефлексии редко возникало «от хорошей жизни». Скорее от внутренней сумятицы, желания разобраться в себе, лишь отчасти ради того, чтобы сохранить уходящее. <...> в дневнике я перебирал маленькие обиды, пустяковые сомнения и печали. Все казалось подлинным, а на самом деле – черт знает на что уходило время:*

вместо того, чтобы радоваться течению дней, я печалился, что текут они не так». (Герман, 482)

В качестве наиболее серьезного различия типов автокоммуникации в дневниках и мемуарах следует признать отсутствие эксплицированного второго «Я» – «Я» – комментатора, которое в мемуарах создает реальный диалог, рождающий внутри пространственноподобного времени мемуаров, объемный портрет автора. В дневниках – второе «Я», возникающее в другом времени в процессе перечитывания, лишь провоцируется на какие-либо действия (автоцензура, купюры, уничтожение), но не появляется в тексте дневника в виде собеседника.

Итак, по всем параметрам, выделенным в мемуарах, в других фактуальных жанрах наблюдаются расхождения, причем в каждом из них свои.

Таким образом, даже небольшой обзор фактуальных жанров с точки зрения наличия и в их текстах вышеперечисленных факторов и их различий позволяет, на наш взгляд, говорить об их жанрообразующей природе, поскольку именно они позволяют сепарировать фактуальные жанры внутри одной общей группы.

Использованная литература

- Милевская, Т. Е.: *Автокоммуникация как способ развертывания текста (на материале мемуаров XX века)*. In: *Rossica Olomucensia XXXVIII (za rok 1999)*, 2. část. Ročenka katedry slavistiky na filozofické fakultě univerzity Palackého. Olomouc. 2000. s. 271–578; *Мемуары: Человек и время. Время и человек. Текст и человек*. In: *Русское зарубежье – духовный и культурный феномен. Мат-лы междунар. научно-практ. конф. М. 2003. Часть 1. с. 272–280; Особенности адресата в тексте мемуаров*. In: *Русский язык в межкультурном коммуникативном пространстве*. Иркутск. 2005, с. 278–283.
- Харузина, В. Н.: *Прошлое*. М. 1999.
- Герман, М. Ю. *Сложное прошедшее*. СПб. 2000.
- Златар, А. *Автобиография глазами исследователей средневековья*. In: *Автоинтерпретация*. СПб. 1998.
- Цветева, М. И. *Письма к Анне Тесковой*. СПб. 1991.
- Кон, И. С. *О пользе и вреде самоанализа*. In: *Психология самосознания*. Самара. 2000, с. 117.

Key words:

Genre, memoirs, letters, autobiography, diary, author, reader, autocommunication.

Summary

The article deals with comparative analysis of nonfiction genres (memoirs, autobiography, letters, diary) from linguistic point of view. The article shows the peculiarity of expression of the relationships “author-personage-reader” in texts of each nonfiction genres.

СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО В ЯЗЫКЕ ПИСАТЕЛЯ С ПОЗИЦИЙ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОБОРОТОВ ПОВЕСТЕЙ В. РАСПУТИНА)

Тамара А. Милютина, Польша, Ополе

1. В теме выступления заявлены ключевые слова: сравнительные обороты – перевод – соотношение общего и индивидуального. Почему Валентин Распутин? Одной из особенностей русской прозы 60–70-х годов является ее ориентация «на план героя». Характеристики персонажей, изображаемая действительность находятся в системе их мышления и мировосприятия [Белая 1983: 82]. Сравнение – этот поистине народный тип языковой образности – становится одной из ведущих мировоззренческих категорий в системе ценностей художественного мира сибирского прозаика. В его повестях, к которым применимо понятие «национально ориентированный» текст, сравнительные обороты интересны как объект сопоставительного исследования с позиций передачи средствами другого языка мировоззренческой установки писателя.

2. Сравнению как форме познания и как средству оценки, как художественному приему посвящена обширнейшая литература. Исследователей-лингвистов и лексикографов интересуют прежде всего «стандартные» устойчивые сравнительные обороты, образ сравнения в которых оказывается связанным как с определенным основанием – общим признаком, так и с определенным предметом сравнения: *злой, как черт; голодный, как волк; трясет, как в лихорадке* и т. п. Результатом возросшего в последние десятилетия интереса к ним является выход соответствующих словарей [Přigovnáni 1983; Лебедева 1998; Мокиенко 2003; Ваїко 2004 и др.].

Так называемые свободные компаративные структуры представляют собой схожие структурные модели, но с индивидуально-авторским наполнением. В принципе это обороты, не воспроизводимые «в готовом виде». Довольно часто в работах, которые посвящены анализу использования сравнений в языке писателя, их роли и функции в произведении, в качестве критерия индивидуальности авторского использования этих

конструкций берется критерий фиксированности их в словарях. В материале, которым мы располагаем, доля устойчивых образных сравнений типа *будто белка в колесе*; *каталась как сыр в масле*; *являться нечаянно, как снег на голову* и др. все же невелика.

В то же время перечень сравнительных оборотов, соотносимых даже с одним отдельно взятым персонажем, показывает, сколь велик их удельный вес в создании художественного образа. Как действенный прием оценки (реже – прямой, чаще – косвенной) сравнительный оборот используется в описании внешности героев, их состояния, поведения и, что важно с позиций перевода текста, – их мировосприятия.

3. Существует мнение, что перевод сравнений на фоне других тропов, напр., метафоры, вызывает меньше затруднений у переводчиков, несмотря на разнообразие типов сравнительных конструкций в русском языке [Крылова, Лилич, Сокаль 1972: 105–115]. Приведем ряд примеров, выделив наиболее часто встречающиеся в русском языке типы сравнительных конструкций:

(1) обороты, вводимые сравнительным союзом *как* а также его синонимами *будто* и, реже, *словно*: *Варвара – – то и дело бегала от печки к старухе, придерживая в беге живот, как беременная* | *Barbara – – co i raz odrywała się od kuchenki, biegła truchcikiem do izby, podtrzymując rękami brzuch niczym brzemienna* | *Varvara – – każdou chwili odbihala od plotny k stařence, v řehu si přidrřovala břicho jako řehotná* (ПС 28/32/32)¹; [Варваре] *стало страшно в доме, где всех живых будто заговорили сном* | *zrobilo jej się trochę strasznie w domu, w którym wszystkich jakby zaczarowało snem.* | *Začalo jí být trochu úzko v domě, v němž všichni živi upadli do spánku jako po mávnutí kouzelným proutkem.* (ПС 15/18/17); *Старуха умолкла, словно истратила в себе остатки живого* | *Babka umilkla, jakby wyczerpała w sobie resztki żywego* | *Stařenka ztichla, jako by vyčerpala poslední zbytky života* (ПС 25/28/29); (2) конструкции с творительным сравнения: *небольшое, клином уходящее – – поле* | *spadające klinem – – poletko* | *pole, které v podobě klínu klesalo – –* (ПС 76/89/86); (3) наречными формами: *Имба была большая, но по-деревенски перегороже-*

¹ Цитаты приводятся по изданиям: Распутин В.Г. Последний срок. Прощание с Матерой. Пожар. Повести. М.: Современник, 1991; Valentin Rasputin. Posledni lhůta. Loučení. Přeložila Dagmar Šlampová. Lidové nakladatelství Praha 1981; Valentin Rasputin. W ostatnią godzinę. Przełożył Tadeusz Gosk. Czytelnik Warszawa 1974. Буква «ПС» обозначают повесть «Последний срок». Цифры называют соответственно: страницу оригинала, страницу польского и страницу чешского переводного издания.

на всего на две половины | *Chata była duża, ale jak to na wsi, przegrodzona tylko na dwie połowy* | *Chalupa byla velká, ale po venkovsku rozdělená jenom na dvě části* (ПС 12/14/14); (4) отрицательные конструкции с *ne*: *в сентябре дни тоже стоят не молоденькие, много чего с весны повидали – –* | *We wrześniu wszystkie dni nie są już najmłodsze, wiele się od wiosny napatrzyły – –* | *Záříjové dny se obvykle nepodobají nezkušeným jinochům, leccos už od jara viděly – –* (ПС 23/26/26–27); (5) конструкции с лексическими элементами *похож*, *походить* на к.-л., *подобен*: *из ее груди посыпались слабые сухие звуки, похожие на клохтанье* | *z jej piersi posypały się słabe, suche dźwięki przypominające gdakanie* | *z prsou jí začalo vycházet jakési slabé, suché bubláni* (ПС 25/28/29); (6) конструкции с предложно-падежными формами имен существительных: *Ночь сильно длинная мне показалась, с целый год* | *Noc mi się długachna wydata, jak rok* | *Noc se mi zdála dlouhá, že ti ani nevyrovím, aspoň celej rok* (ПС 49/60/56); *от [Ильи] раз в год или коротенькие, в ладошку писульки* | *od którego raz w roku przychodziły króciutkie karteczki. | od něhož přicházely jednou do roka kratinké dopisy, které ani nestály za řeč.* (ПС 115/140/132)

Как видим, и в польском, и в чешском языках имеется достаточно языковых средств для того, чтобы передать сравнительные конструкции русского языка, хотя в ряде случаев и заметен некоторый отход от оригинала. Анализ «отклонений» дает важный в сопоставительном плане материал, однако нас интересуют случаи, когда подобные отклонения могут повлиять на адекватность передачи мировоззренческой установки автора.

4. «Индивидуальность», если говорить об использовании сравнительных оборотов в ткани художественного произведения с позиций перевода, проявляется не столько в степени «фразеологизированности» (по принципу: если отмечен в словаре – узуальное употребление, не отмечен – индивидуально-авторское), а в зависимости от значимости единицы в художественной системе писателя. Важно учитывать зависимость от идеи, организующей внутренний, художественный мир произведения [Лихачев 1968, Раголек 1979]. Преобразование общего в стиле писателя проявляется в предпочтительности определенных лексическо-фразеологических средств, в авторском своеобразии их применения [Попеня 1997:69], индивидуальное в языке писателя – это всегда проявление системности словоупотребления. Примером системности отбора может служить лексема *родня*, входящая в тематическое поле, соотносимое с важной для произведений писателя идеей *рода* (*род-советь, род-память*

и др.). В переводном тексте сложно сохранить ту совокупность лексических средств, которые составляют ассоциативно-смысловой фон, заданный в оригинале. В портретной зарисовке Илью, старшего сына Анны, читатель повести «Последний срок» видит и оценивает глазами его матери, которая в каждом из детей находит какие-то перемены. В Илье ярче всего заметна подмена сущности, и Анна связывает это с отрывом от родного дома – того окружения, которое питает духовные корни личности: «Рядом с голой головой лицо казалось неправдашним, нарисованным, будто свое Илья продал или проиграл в карты чужому человеку. И весь он изменился, побойчел, хотя по годам пора бы уж ему и остудиться – видно, то **место**, где он жил, этому далеко **не родня** и Илья никак не может от него опомниться». (ПС 30/34/36). В этом фрагменте представлена не только характеристика Ильи, отнесенного к сфере *чужого мира* (см. мотив подмены, отрицательной экспрессии выражения *проиграть свое лицо в карты* и др.) [Милюткина 1996: 118–124], но и самой Анны. В основу сравнения в отрицательной конструкции *место ...этому далеко не родня*, занимающего центральную позицию во второй части зарисовки, положен признак принадлежности к *роду*, который в мировосприятии Анны является важнейшим мерилом жизненных ценностей. «Присутствие» точки зрения Анны в данном фрагменте весьма важно для его интерпретации, и представляет интерес, нашло ли это отражение в переводном варианте.

*Jego twarz wydawała się jej udawana, narysowana, jakby własną twarzą Ilią sprzedał obcemu człowiekowi albo przegrał w karty. W ogóle cały się zmienił, zrobił się dziarski, jakiś niespokojny, chociaż swoje lata ma, pora mu się już ustakować – widać **te miejsca**, gdzie mieszkał, **mocno mu zalażyły za skórę** i Ilią nijak nie może się po nich opamiętać. | Jeho obličej působil ve spojení s holou hlavou nějak nepravděpodobně jako nakreslený, jako by Ilija svůj obličej někomu prodal nebo ho prohrál v kartách. A vůbec se celý změnil, stal se neklidnější, hbitější, ačkoliv vzhledem k svému věku už by se měl usadit – patrně však **místo**, kde žil, **tomu příliš nesvědčilo**, a Ilija se od toho doposud nedokázal oprostit.*

Утрата даже немногих опорных слов, концептуально значимых для авторской трактовки образа, меняет заданный писателем психологический рисунок, переводит его в другую систему координат, лишая его заданной автором глубины. Одной из причин субъективного характера – невнимания к таким словам со стороны интерпретаторов, является то, что категория системности в отношении семантико-стилистической системы

писателя, изучение которой предусматривает анализ словоупотребления в единстве таких составляющих, как *идея – образ языка – тональность*, не всегда, как нам представляется, осознается при переводческой интерпретации.

Использованная литература

- Белая Г. А. *Художественный мир современной прозы*. М., 1983.
- Крылова Г. В., Лилич Г. А., Сокаль Н. И. *Метафоры М. Горького в переводе на славянские языки*. In: Вопросы стилистики. Межвуз. научн. сб. Саратов, 1972. Вып. 5. С. 105-115.
- Лебедева Л. А. *Устойчивые сравнения русского языка: Тематический словарь*. Краснодар, 1998.
- Лихачев Д. С. *Внутренний мир художественного произведения*. In: Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74-87.
- Милютин Т. А. «Прилагательные «голый – кудрявый», «черный – (красный)», «темный» в портретных характеристиках повести В. Распутина «Последний срок» In: Материалы научн. трудов филологического факультета. Сыктывкар, 1996. С. 118-124.
- Мокиенко В. М. *Словарь сравнений русского языка*. – СПб., 2003.
- Попення Д. М. *Образ мира в слове писателя*. СПб., 1997.
- Parolek R. *Evokace uměleckého modelu světa v překladu (o tom, co se vlastně překládá)* In: Československá rusistika 24. 1979, č. 5. S. 198-205.
- Bańko Mirosław. *Słownik porównań*. Wydawnictwo Naukowe PWN. Warszawa 2004.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky: Přirovnání* / Věd. red. Ph. Dr. Josef Filipec, CSc. Academia, nakladatelství ČSAV. Praha 1983.

Key words:

comparative expressions, the author's language, relationship, relationship between the general and the individual, the author's outlook on the world, key words, translation

Summary

The comparison in the author's works accounts for an important outlook category, which reflects national moral stereotypes. The individual element in the author's language is an artistic use of standard literary language, which is reflected in systematicity of the use of words in a literary text. The present paper

deals with the problem of translation of the words functioning as objects of comparison, which were selected by the author. The words concerned account for crucial elements in the development of both ideational and semantic structure of the literary work.

ОСОБЕННОСТИ УДАРЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЖЕНСКОГО РОДА НА -А, (-Я) В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ А. МАЙКОВА

Галина Морозова, Чешская республика, Брно

Изменения, проходившие на протяжении XIX–XX вв. в системе ударения в склонении имен существительных женского рода на -а, (-я), Л. А. Булаховский отмечает как «*заметное явление в области литературного ударения первой половины XIX в.*»¹. Исходя из исследований лингвистов Л. Булаховского (Русский литературный язык первой половины XIX в., Москва, 1954; Курс русского литературного языка, т. II, Киев, «Радянська школа», 1953) и С. П. Обнорского (Именное склонение в современном русском языке, вып. 2, Л., изд. АН СССР, 1960), можно выделить наиболее важные из них.

Во-первых, во множественном числе произошло выравнивание ударения по именительнo-винительнoму падежу как у существительных с древним ударением на основе в именительнo-винительнoм падеже множ. числа, так и у существительных, у которых ударение перешло в указанных падежах с окончания на основу.

Следующим важным моментом в процессе изменения является переход ударения с флексии на основу в именительнo-винительнoм падеже мн. числа у существительных с неподвижным ударением на окончании. Это объясняется, как указывает Л. Булаховский, влиянием существительных с подвижным ударением (*вода, воду*, именит. пад. мн. ч. *воды*) на существительные с постоянным конечным ударением (*скала, скалу*, именит. пад. мн. ч. *скалы*).

Кроме того, в результате перехода ударения с основы на флексию в винительнoм падеже ед. числа, происходившего под влиянием конечного ударения других падежей, а также под влиянием существительных с постоянным ударением на флексии, исчезла подвижность ударения

¹ Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX в., Москва, 1954.

в единственном числе у большинства существительных с подвижным ударением. Происходило также и обратное влияние.

Таким образом, древний славянский тип существительных женского рода с окончательным ударением во мн. числе уже в XVIII веке начал постепенно разрушаться. В XIX в. существительных с окончательным ударением становится все больше, хотя преобладает еще древний тип. И только к концу XIX в., по словам Л. Булаховского, *«устанавливается система, принятая в современном литературном языке и отражающая тенденцию отличать именительно-винительный множественного числа от родительного единственного»*.²

Нормы ударения в поэтическом языке А. Майкова еще не описаны, хотя в некоторых лингвистических работах приводятся отдельные примеры. (Л. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX в., Москва, 1954; В. Воронцова. О нормах ударения в глаголах на -ить. Вопросы культуры речи, вып. 2. М., изд. АН СССР, 1959; С. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке. Л., изд. АН СССР, вып. 1, 1927; А. С. Музыченко «Ударение в склонении имен существительных...», Вопросы русского языка, вып. 3, с. 140; Г. Шелюто. Русское ударение. Изд. Ужгород, гос. ун-та, 1962).

Ударения в поэтическом языке А. Майкова³ рассмотрены в сопоставлении с ударениями других поэтов XIX в., его современников (А. Фет, Н. Некрасов). Используемые примеры из поэтического языка дополняются показаниями словарей XIX–XX вв.

Наша задача – определить в поэтическом языке А. Майкова существительные женского рода с ударением, отступающим от норм современного русского литературного языка, которые автор использовал в период 40–80 гг., проследить изменения в склонении этих существительных и сопоставить их с современными нормами. В поэтическом языке А. Майкова нами собрано больше 40 примеров существительных женского рода. Мы рассмотрим только некоторые из них с ударением на окончании во множественном числе. К ним относим следующие.

² Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX в., Москва, 1954.

³ А. Н. Майков. Избранные произведения. Изд. Советский писатель. Ленинградское издание. 1977.

Вода

Идешь, как будто по водам, – Нога шумит... а ухо внемлет... (А. Майков. Пейзаж, с. 139)

Грядущих наших дней святая глубина Подобна озеру: блестящими водами Она покоится... (А. Майков. Жизнь, с. 79).

Не плещет, не шумит на мачте флаг летучий... Уж ночь ложится на водах. (А. Майков. Безветрие, с. 81).

И, в легком челноке, равнину водяную Браздя веслом, собой любуется в водах. (А. Майков. Цинтии, с. 69).

В поэзии А. Майкова находим всего 4 примера существительного *вода* с ударением на окончании во мн. числе, что соответствовало норме XIX в. Наконечное ударение находим также у других поэтов: *«Богини девственной округлые черты, Во всем величии блестящей наготы, Я видел меж деревьев над ясными водами.* (А. Фет. Диана, с. 227); *«Так как при здейших водах Напряженье ума не пользительно...* (Н. Некрасов. т. 2, с. 522).

Ак. Словарь 1891 г. отмечает норму во мн. ч. *воды, водам*. Словарь Ожегова – мн. ч. *воды*, но *водам*.

Волна. *Обретиши свой покой в его святом покое, – Ударит по волнам, кляня суровый рок.* (А. Майков. О вечно ропшущий, с. 151).

Только жучка удалая, в рыхлом сене, как в волнах (А. Майков. Сенокос, с. 166).

У других поэтов такое же ударение: *«Светало. Ветер гнул упругое стекло Днепра, еще в волнах не пробуждая звука».* (А. Фет. На Днепре в половодье, с. 258); *«И полон думой роковою, Мгновенно кинулся к волнам.* (Н. Некрасов. т. 1, с. 130).

Ак. Словарь 1891 г. отмечает норму *по волнам*. У Ожегова находим оба варианта – *по волнам* и *по волнам*.

Звезда. *Темнеет: впереди – ни знака, ни кургана. Вверяясь лишь звездам, я двигаюсь вперед...* (А. Майков. Аккерманские степи, с. 185).

Не в первый раз уже бумажным крючкотворством Пришлось вам прикрыть отечества пятно, Подъячие в звездах, с умом и сердцем черствым. (А. Майков. Арлекино, с. 655).

Наконечное ударение находим также у А. Фета: *«Одна передо мной, под мирными звездами, Ты здесь, царица чувств, властительница дум...»* (А. Фет. Постой! Здесь хорошо!, с. 83). У Некрасова: *«Далекий свод небес, усеянный звездами...»* (т. 3, с. 79).

У А. Майкова в косвенных падежах мн. ч. существительного *звёзды* наблюдается также ударение на основе: «*Далеко, на самом море, Я построю дом Из цветных павлиньих перьев, С звёздами кругом.*» (Народная песня, с. 155). У поэтов XIX в. также находим наосновное ударение: «*Летит твой голос к звёздам чистым...*» (Фет. Ревель, с. 271), т. е. использовались две акцентные формы, которые отражали в то время колеблющуюся норму. Позже А. Блок, часто употребляя слово *звёзды*, предпочитал архаический вариант ударения («*В покое смерти крылья им прозрачные даны, и жить на разных двух звездах они осуждены...*» (т. 3, с. 156).

Словарь церковно-слав. и русского яз. 1847 г.: мн. ч. *звезды*. Большой академический словарь отмечает форму: мн. – *звёзды*. С устаревшим ударением – *звездам*, *звездами*, о *звездах*, областное – *звёзды*.

Толпа. *Да куда!.. Из-за владыки Ну выскакивать попы... Брань пошла, мятеж и крики!И выбежали вдруг на площадь, где стеклися Несметные толпы и точно ждали нас...* (А. Майков. Сны, песнь 1, с. 768).

К ним собиралися толпы Великодушной молодежи, Чуть не целуя их стопы. (А. Майков. Арлекин, с. 652)

Он бил ее, зубами скрежеща... За ними дам толпы в наряде бальном, в венках из роз, в гирляндах из плюща... (А. Майков. Вихрь, с. 657)

У А. Майкова нами отмечено всего 6 примеров существительного *толпа* только с наконечным ударением во множественном числе (*толпы* – 5 примеров в им. падеже мн. ч., 1 – в тв. падеже мн. числа). Подобное ударение находим также у других поэтов XIX в. Например, у Н. Некрасова: «*К Сенатской площади бегут бегут несметные толпы*» (т. 3, Княгиня Трубецкая, с. 31); *Толпы народа берегом бегут* (т. 1, Последние элегии, с. 84).

У современников А. Майкова находим существительное *толпа* только с наконечным ударением в именительном и винительном падежах мн. числа.

В словарях за XIX в. не указывается форма множественного числа. Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке, автор К. С. Горбачевич, (далее только Словарь трудностей) и Словарь Ожегова: *толпа*, мн. ч. *толпы*. В Словаре трудностей ударение *толпы*, *толпам* обозначено как устарелое.

Судьба. *Но пусть свершаются над ними их судьбы! Есть русской крепости незримые столбы...* (А. Майков. Карамзин, с. 414).

Об человечестве здесь каждый помышлял, Но человечестве во образе француза...

Кто в догадании судьб его искал, Кто в темной мистике священного союза. (А. Майков. Карамзин, с. 414)

Интересным является ударение судьб (родительный пад. мн. ч.) Это старое флективное ударение удерживается дольше всего. У А. Майкова нами отмечен только один пример существительного судьба с таким ударением, в котором произошло изменение в родительном пад. мн. ч. Это существительное в именительном падеже мн. ч. имеет ударение на окончании и сохраняет его на том же месте также в родительном падеже (по Железняку так называемое «условное ударение на окончании»)⁴. Пример такого ударения есть и у Н. Некрасова: «*Великих зрелищ, мировых судьб Поставлены мы зрителями ныне*» (т. 1, с. 107).

В Словаре церковно-слав. и русского яз. 1847 г.: мн. ч. судьбы, судьб. Словарь трудностей: ед. исло: судьба, судьбы; мн. число судьбы, судб. Устарелое судьбы, судб, судьбам, судьбами, о судьбах. В современном русском языке при вопросе используется форма судьбами: *какими судьбами?* в Словаре Ожегова указывается аналогичное ударение: мн. число судьбы, судб.

Скала. *Нет! Ты падешь к одним скалам немым, к растениям, дышащим губительной травой...* (А. Майков. Жизнь, с. 80).

Подобное ударение у Н. Некрасова: «*Седые валы, Как вихри летают на буйном просторе и сияются сдвинуть крутые скалы.*» (Непонятная песня, с. 260)

У А. Майкова находим также ударение на основе: *Зеленый остров погружался, Тонули скалы...* (А. Майков. Призвание, 83).

В словарях за XIX в. не указывается форма множественного числа. В словаре Ожегова во мн. ч. скалы, скалам. В Словаре трудностей: скалы, род. падеж скалы, винит. падеж скалу, устар. скалу, мн. число скалы, устр. скалы, скалам, скалами.

В поэтическом языке А. Майкова мы наблюдаем процессы, происходившие в XIX веке в системе ударения имен существительных женского и мужского рода на -а, (-я).

⁴ А. Железняк. «Условное ударение» в русском словоизменении, Вопросы языкознания, 1964, № 1.

Рассмотренные существительные в поэзии А. Майкова не соответствуют временным нормам, но использование им существительных с основным ударением во множественном числе (*звёзды*, *скалы* вместо *звезды*, *скалы*) говорит о дальнейшем распространении этого ударения в литературном языке XIX века. Но все же окончное ударение во множественном числе (*водам*, *волнах*, *судьбы* и др.) все еще глубоко было закоренено в поэтическом языке 40–80 гг. XIX века. Например, существительное *толпа* как у А. Майкова, так и у его современников находим только с окончным ударением. Несмотря на то, что в словарях XIX века эта форма множественного числа не указывается, можно сделать вывод, что это существительное с окончным ударением в исследуемый период еще являлось нормативным. Сюда можно отнести и существительные с окончным ударением: *стопы*, *страны*, *ступенях*, *широтах*, *стенах* и др., формы множественного числа которых мы не нашли в словарях XIX века.

А. Майков использовал существительные, соответствующие колеблющейся норме его эпохи. Что касается стиля, то для А. Майкова характерны как архаичные (*скалы*, *звездами*), но все еще отмеченные словарями как нормативные, так и новые ударения (*скалы*), постепенно входившие в поэтический язык XIX века.

Сопоставляя ударения существительных у А. Майкова и его современников, поэтов XIX века, необходимо отметить, что они в основном совпадают. Из этого можно сделать вывод, что исследование поэтического языка является верным источником для изучения русского ударения.

Использованная литература

- Булаховский, Л. А.: *Русский литературный язык первой половины XIX в.*, Москва, 1954.
- Горбачевич, К. С.: *Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке*. СПб.: «Норинт», 2000.
- Даль, В. И.: *Толковый словарь живого великорусского языка*. Санкт-Петербург, 1879–1882.
- Железняк, А. А.: «Условное ударение» в русском словоизменении. In: *Вопросы языкознания*, 1964, № 1.
- Майков, А. Н.: *Избранные произведения*. Изд. Советский писатель. Ленинградское издание, 1977.
- Музыченко, А. С.: *Ударение в склонении имен существительных...*, In: *Вопросы русского языка*, вып. 3, с. 140.
- Некрасов, Н. А.: *Полное собрание сочинений и писем*. ОГНЗ., Москва, 1949.

Фет, А. А.: *Полное собрание сочинений*. Изд. Советский писатель. Ленинградское издание, 1959.

Ожегов, С. И.: *Толковый словарь живого великорусского языка*. Русский язык, Москва, 1984.

Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположений. ч. 1-4, СПб, 1891.

Словарь церковно-славянского и русского языка, т. 1-4, СПб, 1847.

Key words:

Poetic language, stress, norm, feminine substantives, plural, comparison, dictionary, grammar.

Summary

Author proves stress changes of feminine substantives with ending -а, -я during XIX-th and XX-th century. She is conducting a study stress traits of poetry of A. N. Maykov in comparison with stress of current literary language.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ И СЕМАНТИКА КЛЮЧЕВЫХ ТЕРМИНОВ ЯЗЫКА СФЕРЫ ТОРГОВЛИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ - «КОММЕРЦИЯ», «БИЗНЕС» В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Люба Мровецова, Чешская Республика, Карвина

Новый функциональный язык сферы торговли и предпринимательской деятельности успешно формируется в обоих языках, именно на страницах нового рода «экономическо-коммерческой» печати (ЭКП), приносящей новости из области экономики, коммерции и бизнеса в широком смысле этих понятий, рассчитанной на новопоявившийся социальный слой предпринимателей. В современной ЭКП обоих языков употребляется специфическая лексика, возникновение которой связано с переходом на рыночную экономику, с появлением ряда новых реальностей, связанных с новым образом жизни, новых ценностей, ориентирующихся на бизнес, коммерциализм и потребление. Само собой разумеется, что ключевыми и больше всего употребляемыми понятиями в новой коммерческой терминологии являются термины-интернационализмы «*бизнес*», «*коммерция*» и их дериваты.

Целью нашей статьи является презентация семантических сдвигов обоих терминов и их дериватов в связи с хронологией их внедрения в оба языка. Мы выходим из диахронного описания для установления языка-рецептора заимствований, времени входа терминов в русскую и чешскую экономические терминологии, а также для показа развития их семантики. Составной частью статьи являются таблицы, которые показывают актуальные дериваты обоих терминов и словосочетания в сопоставляемых языках.

Понятие «*коммерция*»/*komerce* как в русском, так и в чешском языках появилось гораздо раньше, чем слово «*бизнес*»/*byznys*. В габсбургской монархии по инициативе «меркантилиста» Й. Й. Бехера был уже в 1666 г. в Вене основан институт «*Коммерц коллегия*», основным заданием которого было надзор за хорошими условиями для развития внешней торговли.

В русский язык было слово «*коммерция*» заимствовано при Петре I в первой половине XVIII века.

Первая словарная фиксация слова «*бизнес*»/*business* в обоих языках относится к 30-м годам XX века.

Следовательно, отдельные термины были заимствованы в обоих языках не одновременно, а представляют собой факты разной хронологии. Хронологическое различие входа обоих терминов в оба языка и различный характер политикоэкономических и социокультурных условий отразились на их семантике.

Термин «*коммерция*»/*comerce* был заимствован из горнонемецкого «*kommerzien*» от латинского «*commercium*» и употреблялся в разных вариантах его семантического ядра. Латинское слово «*commercium*» имело уже в Древнем Риме несколько значений: 1. торговля, 2. торговые связи, 3. способность человека принимать участие в обмене товаром, 4. владеть чем-то, 5. было также идентично со словом «общение».

Остановим внимание на социокультурном контексте слова «*коммерция*» в русском обществе. В первой половине XVIII века оно употреблялось чаще всего в связи с торговлей по морю как синоним слов «*мореплавание*», «*морская торговля*» (торговля через порты). Интересен факт, что в государственных документах первой половины XVIII века слово «*коммерция*» употребляется в связи с деятельностью конкретных государственных учреждений, которые управляли работой купцов, коммерсантов. Общество того времени связывало понятие «*коммерция*» с определенным «чином», который имел монополию на торговлю и сопутствующие дела (И. Т. Посовиков). В 1712 г. основал Петр I в Москве центральное учреждение для организации внешней торговли и защиты торговли вообще под названием «*Коллегия о коммерции*». В документе «*Декларация о коммерции на Балтийском море*» (1719 г.) появляется слово «коммерция» в следующем контексте: «дабы купецким кораблям всех их подданных (России, Швеции), которые на Северном и Балтийском море... *коммерцию* свою отправляют... свободно и без препятствия ходить позволено было» (Платонов, 1995). В 1715 г. была «*Коллегия о коммерции*» под новым официальным названием «*Коммерц-коллегия*» вместе с другими государственными учреждениями переведена Петром I в Санкт-Петербург. Устав «*Коммерц-коллегии*» определял деятельность учреждения так: «Коммерц-коллегии дело и смотрение в двух важных вещах и главных определениях состоит, сиречь в морском хождении и купечестве...» (Платонов, 1995). Кроме

того институт был координатором всей работы русских торговых агентов в больших мировых торговых центрах, обязанностью которых было посылать информацию важную для деятельности русских купцов и русской торговли. В 1726 г. возник другой институт «*Комиссия о коммерции*», который занимался вопросами унификации неясной таможенной системы в России. В 1731 г. структура коллегии изменилась. «*Коммерц-коллегия*» поглотила «*Мануфактур-коллегию*» и расширила свое поле деятельности за счет области ремесленного производства. В некоторых законах времен правления Петра I, напр., в так называемом *Генеральном регламенте* у понятия «*девяти коллегий*» между прочим приводится: «необходимость доброго смотра коммерции» художеств и мануфактур. Из выше приведенного вытекает, что понятие «*коммерция*» при Петре I, несмотря на многозначность атрибутов, было полисеманлично. Только после 1743 г. занимались в «*Коммерц-коллегии*» исключительно делами торговли (Тарловская, 1994).

Термин «*коммерция*», таким образом, относился к категории высшего стиля, и был антиподом простых, более конкретных понятий «*купечество*», «*торги*».

Первым дериватом слова «*коммерция*» был термин «*коммерсант*». В 20-ые годы XVIII века им обозначались только иностранные купцы, во второй половине XVIII в. также русские купцы, торгующие как за рубежом, так на российских рынках. Термин служил синонимом русского слова «*купец*».

Западноевропейские языки с развитой и демократической культурой слово «*commercium*» заимствовали по-другому. Его первоначальное значение (торговля) в нем осталось, одновременно возникали новые словосочетания, в которых произошел семантический перенос, в итальянском языке – «*commercio culturale*» обозначает *культурные связи, культурное общение (переписка)*, во французском языке «*commerce des pensées*» значит *обмен мыслями, информацией*, в испанском языке «*comerciable*» – это *ходковый товар*, но одновременно *обходительный человек*, в английском языке «*commerce*» – *общение в целом*, напр., *дружеское, половое* (Тарловская, 1994).

Из толкований в приведенных нами языках семантического ядра слова «*коммерция*» ясно, что для него с одной стороны типична тенденция к очищению его содержания с целью максимального приближения к его первоначальному значению с профессиональной доминантой, т. е. «*тор-*

говля», с другой стороны тенденция к диверсификации значения. Эти лингвистические процессы показывают, какими тенденциями прошло слово в рамках развития европейской культуры и какова специфика русской социальнокультурной среды.

Толкование термина «*коммерция*» появляется чаще в русских, чем в чешских лексикографических пособиях. Причиной этому может быть его более значительное место в истории и его более высокая частотность употребления в исторических документах. *Коммерция/komerce*, синонимами которых являются домашние эквиваленты *торговля/obchod*, создает только одну, однако очень важную составную часть предпринимательства.

коммерция	komerce	<i>коммерсант</i> <i>коммерциализация</i>	<i>komercialista</i> (v souč. češtině se nepoužívá) <i>komercialisace</i> <i>komercialismus</i> <i>komercialisování</i>
торговля	obchod	<i>торговец</i>	<i>trhovec</i> (v souč. češtině <i>ojediněle</i>)

Понятие *бизнес/byznys* было заимствовано в обоих языках из английского в середине 30-ых гг. XX века. Долгое время, т. е. в течение существования директивной экономики в бывших СССР и ЧССР, оно обозначало лишь реальность американской жизни, именно интенсивный интерес к предпринимательской деятельности и посредством ее к прибыли и имело только отрицательную оценочную характеристику, «пренебрежительный», «неодобрительный» оттенок. Только в конце 80-гг. XX века в связи с переходом к открытой рыночной экономике слово употребляется в обоих языках преимущественно с его первоначальной денотацией, эмоционально нейтрально.

В системе русской и чешской коммерческих терминологий при помощи термина «*бизнес*» образованы составные узкоспециальные термины. В них другие компоненты являются уточнителями доминанты в этих описательных наименованиях. Термин «*бизнес*» послужил базой для образования однокоренных и составных производных – существительных, как показывает таблица. Словообразовательное гнездо с заглавным словом «*бизнес*» в русском языке шире, чем в чешском, что может быть свидетельством его более быстрой ассимиляции в русской языковой среде.

бизнес	byznys, business	<i>бизнесмен бизнесменка бизнесменша бизнесвумен бизнес-вумен бизнес-леди бизнесменство бизнес-класс бизнес-клуб бизнес-круиз бизнес-партнер бизнес-план бизнес-право бизнес-программа бизнес-сферы бизнес-сообщество бизнес-центр маркетинг-бизнес</i>	<i>byznysmen, businessman byznysplán byznyscentrum</i>
предпринимательство	podnikání	<i>предприниматель</i>	<i>podnikatel</i>

Термины *коммерция, коммерсант и бизнес, бизнесмен*, на чешском языке *komerce, komercialista, byznys/business, byznysmen, businessman*, которые в настоящее время считаются интернационализмами, по своему содержанию близки, что является довольно частой причиной их неправильного употребления в контексте. В живом употреблении отсутствует четкое разграничение в семантике этих терминов и они часто функционируют как синонимы. Разницу их семантики показывают толкования их значений, зафиксированные в русских и чешских энциклопедических и лексикографических источниках, т. е. сфера *бизнеса/byznysu* включает в себя различные деятельности с целью приобретения прибыли – торг, услуги, производство и др.

Использованная литература

- Платонов, О. *1000 лет русского предпринимательства. Из истории купеческих родов.* М. 1995.
- Семенова, А. В. и колл. авт.: *История предпринимательства в России*, М. 2000.
- Тарловская, В. Р., Шанский, Д. Н.: *К вопросу о понятии «коммерция» в России XVIII века*, М. 1994.
- Деловые люди (2000–2004), Эксперт (2000–2004), Деловой Петербург (2000–2004).

Key words:

Current business language, key terms, commerce, business, actual derivatives, diachronic description, compare

Summary

In the article presents the semantic of two key terms for Business language, i. e. commerce and business, and their derivatives. The starting point is diachronic description, the time when the given terms were accepted in Russian and Czech, is compared. Actual derivatives in the current Business language of the compared languages the both terms are demonstrated in the table.

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ: ПАРАЛЛЕЛИ – ВАРИАНТЫ – СИНОНИМЫ

Ангелика Надь, Венгрия, Сегед

Грамматическая синонимия – явление чрезвычайно сложное и многогранное. В ней переплетаются лексические, морфологические и синтаксические аспекты. Надо уделять должное внимание этой многогранности и при классификации грамматических синонимов. В моей статье ставится задача представить соотношение вариантов, синонимов и грамматических параллелей с точки зрения классификации. Действительно ли речь идёт о классификации только грамматических синонимов, или же следует употреблять более широкое понятие?

1 Из истории грамматических синонимов

С точки зрения лексикологии и стилистики проблема синонимов русского языка возникла в XVIII–XIX веках. Во второй половине XIX века интерес к синонимии и лексикологическим проблемам несколько снизился и возобновился лишь в XX веке.

Проблема грамматической синонимии в русском языкознании была поставлена А. М. Пешковским в 1927 году. Важнейшие вопросы по грамматическим синонимам появились в 50-х годах и явились предметом острых дискуссий.

В русской лингвистической литературе 50-х годов в определении синонима сходство значения не учитывается, подчёркивается только сходство грамматического значения синонимичных конструкций (А. Н. Гвоздев, И. И. Ковтунова, Е. П. Шендельс). Спустя 10 лет были изучены грамматические синонимы с практической стороны, исследователями особое внимание обращалось на лексическую и грамматическую структуру синонимичных конструкций и их сходство грамматического и денотативного значения (В. П. Сухотин, М. Ф. Палевская, В. И. Кононенко, Г. А. Золотова).

С 60-х годов большинство учёных, занимающихся сопоставительной синонимией (Е. П. Шендельс, В. Н. Ярцева, М. Ф. Палевская, В. И. Кононенко, В. М. Брыцин), определили критерии грамматических синонимов с учётом их формальных и содержательных свойств. Они считают основными критериями синонимии: общее содержание, общее грамматическое значение и разноструктурность.

В грамматике синонимия проявляется иначе, чем в лексике. В основе грамматической синонимии¹ так же, как и лексической, лежат общность, близость или тождество основного содержания и грамматического значения синонимичных конструкций. В то же время для них характерны разноструктурность, тождество грамматической позиции, возможность трансформации.

Среди важнейших проблем грамматических синонимов – определение термина «грамматическая синонимия», классификация синонимов, разграничение морфологических и синтаксических синонимов, выяснение отличия грамматической синонимии от сходных языковых явлений, основание предмета и методики исследования. Решение этих проблем создает предпосылки для практического исследования явления синонимии в грамматике.

В понимании свойств и функций грамматических синонимов и способов их выделения нет единства. Наиболее спорным и трудным в этом плане представляется определение принципов, лежащих в основе существования грамматических синонимов.

В связи с определением синонимии мнения учёных совпадают. Грамматическими синонимами считаются синтаксические конструкции (словосочетания и предложения) данного языка данной эпохи, которые обозначают одну и ту же действительность и различаются или лексической, или грамматической структурой, или по двум признакам одновременно.

2 Классификация грамматических синонимов

Грамматическая синонимия неоднородна. Грамматические синонимы обычно рассматриваются как грамматические параллели, то есть это

¹ В литературе под термином «синтаксическая синонимия», «синтаксическая синонимика» понимается синонимия как языковое явление вообще.

такие средства, которые служат для выражения близкого содержания (И. И. Ковтунова, В. П. Сухотин, М. Ф. Палевская, В. И. Кононенко).

Явление грамматического параллелизма хорошо известно в стилистике, где оно рассматривается обычно как одно из выразительных средств языка. Однако надо отметить, что его основной ролью является именно формальное выражение связей между предложениями, построенными по параллельной синтаксической схеме.

Термин «параллелизм» шире, чем «синонимы». Любой синоним – это разновидность параллелизма, но не все параллелизмы могут быть синонимами. В чистых параллелизмах превалирует смысловое различие, в синонимах преобладает сходство и различие. Что касается варианта, то здесь при смысловом тождестве непременно должно быть структурное различие.

Параллелизм рассматривается в двух аспектах: в широком и узком. Параллелизм в широком смысле – это синтактико-стилистическое явление, охватывающее и параллелизм в узком смысле. Параллелизм в узком смысле – это составная часть параллелизма широкого значения, отличающаяся от синонимов и вариантов. Для параллелизмов характерно сходство лексического состава и содержания с соответствующими различиями в смысловых оттенках и стилистической окраске. По грамматической структуре языка грамматические параллели разделяются на морфологические и синтаксические.

К морфологическим параллелям относятся морфологические варианты (напр., *В шкафу – в шкафе*), морфологические синонимы (напр., *самый умный – умнейший*), а к синтаксическим параллелям – синтаксические варианты (напр., *я не читала книгу – я не читала книг*), синтаксические синонимы (напр., *московский поезд – поезд в Москву*) и собственно синтаксические параллели (напр., *идти из города – идти от города*).

В морфологии синонимия проявляется иначе, чем в синтаксисе. Если в области морфологии грамматическое значение выражается формами одного и того же слова, то в синтаксисе положение иное. Ведь всякое синтаксическое значение предполагает наличие каких-то отношений. И любое отношение состоит, по меньшей мере, из двух самостоятельных компонентов².

² Двухкомпонентность нельзя рассматривать только как двухсловность. К двухкомпонентным конструкциям относятся и словосочетания, и предложения.

В понятии синтаксического параллелизма много спорных вопросов, не выработана сущность понятия. Но мнения совпадают в том, что между синтаксическими параллелями и синтаксическими синонимами существует непосредственное отношение. По общеупотребительному определению, синтаксический параллелизм – это два или больше предложений с одинаковой структурой. Эти предложения различаются только одним словом. Вопреки одинаковой грамматической структуре они не считаются синонимами, так как семантически они не совпадают: напр.,: *Где родилась Аня? – Где выросла Аня?*

Если синонимия является богатством любого языка, то вариантность считается избыточным явлением. Синонимичность изучается в строго синхронном плане, вариантность же исследуется в плане диахронии. Варьирование слова или какой-либо формы слова – это прямое следствие исторической эволюции языка.

Разнообразные синтаксические средства, служащие для выражения одного и того же или близкого содержания, создают вариативность синтаксиса в широком смысле. Это явление развивающееся, живое, вызванное непрерывным совершенствованием языка, взаимодействием новых и старых элементов.

При исследовании синтаксической синонимии мы учитываем не только значение сопоставляемых компонентов, как при лексической синонимии, когда смысловая основа ряда является базой для сопоставления синонимов и выявления синонимических различий, но и структуру, и особенно отношение, выраженное тем или иным компонентом ряда. При синонимическом сопоставлении целых конструкций необходимо учитывать значение каждого члена компонента, потому что от значения одного члена зависит отношение, выраженное той или иной конструкцией, являющейся членом определенного синонимического ряда.

Решение проблем синонимии на уровнях морфологии и синтаксиса обеспечивает возможность исследования грамматических синонимов в других языках.

3 Выводы

Исходя из вышеизложенного, когда мы говорим о классификации грамматических синонимов, вместо термина «грамматические синонимы» мне представляется, что правильнее было бы употреблять термин

«грамматическая параллель». Употребление термина «грамматический синоним» я считаю неудачным, во-первых, потому, что термин «грамматическая параллель» – понятие более широкое, чем понятие «синоним», во-вторых, термин «грамматическая параллель» включает в себя варианты, синонимы, собственно синтаксические параллели и синтаксические тождества. Эти категории не находятся во взаимном подчинении, иными словами, представляют не подгруппу синонимов, а они равнозначны по отношению друг к другу.

Классификацию грамматических параллелей показывает следующая таблица:

грамматические параллели					
морфологические параллели		синтаксические параллели			
морфологические варианты	морфологические синонимы	синтаксические варианты	синтаксические синонимы	синтаксические тождества	собственно синтаксические параллели
<i>в шкафу – в шкафе</i>	<i>самый умный – умнейший</i>	<i>я не читала книгу – я не читала книг</i>	<i>московский поезд – поезд в Москву</i>	<i>стою у стола – стою около стола – стою возле стола</i>	<i>идти из города – идти от города</i>

Использованная литература

- Апресян, Ю. Д.: *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Москва, 1995. 472 с.
- Брыдзин, В. М.: *Сопоставительное исследование синтаксических синонимов в русском и украинском языках*. Киев, 1980.
- Горбачевич, К. С.: *Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка)*. Наука, Ленинград, 1978.
- Граудина, Л. К.: *Грамматические варианты. Опыт частотного словаря*. Наука, Москва, 1971.
- Гвоздев, А. Н.: *Очерки по стилистике русского языка*. 2-ое изд., Москва, 1955.
- Ярцева, В. Н.: *О грамматических синонимах*. In: Романо-германская филология. М., 1957.
- Кононенко, В. И.: *Синонимика синтаксических конструкций в современном русском языке*. Киев, 1970.

- Ковтунова, И. И.: *О синтаксической синонимике*. In: «Вопросы культуры речи». Москва, 1955. № 1. с. 115–142.
- Палевская, М. Ф.: *Синонимы в русском языке*. Просвещение, Москва, 1964.
- Пешковский, А. М.: *Принципы и приёмы стилистического анализа художественной прозы*. In: «Ars Poetica», Москва, 1927.
- Шапиро, А. Б.: *Некоторые вопросы теории синонимов. (На материале русского языка)*. Докл. и сообщ. Института языкознания АН СССР, № 8, с. 69–87.
- Шендельс, Е. П.: *Понятие грамматической синонимии*. Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1959. № 1.
- Сухотин, В. П.: *Синтаксическая синонимика в современном русском языке*. Москва, 1960.
- Валгина, Н. С.: *Активные процессы в современном русском языке*. «Логос», Москва, 2001.
- Золотова, Г. А.: *Синтаксическая синонимия и культура речи*. In: Актуальные проблемы культуры речи, Москва, 1971, с. 178–217.
- Большой энциклопедический словарь. Языкознание.* (ред. В. Н. Ярцева), изд. «Большая Российская энциклопедия», Москва, 2000.
- Nagy Angelika: *Adalékok a szinonimitás problematikájához elméleti szempontból*. In: Nyelvészet és interdiszciplinaritás (szerk. Navracsics Judit és Tóth Szergej), Szeged – Veszprém, 2004, pp. 161–169.

Key words:

study of synonyms, synonym, variant, parallel structure, parallelism, grammatical synonyms, classification semantics, morphology, syntax

Summary

This paper claims that the system of grammatical synonyms is not homogenous. Linguists agree that synonyms are parallel grammatical structures with similar meanings. The term ‘parallel structure’ is to be understood more widely than the term ‘synonym’: parallel grammatical structures comprise variants, synonyms, real syntactic parallels, and syntactically identical elements as well. The paper argues the correctness of using the term ‘groupings of synonyms’ for the classification of synonyms.

ДИНАМИЧНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ТЕКСТА: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ)

Дануше Оганесян, Чешская Республика, Прага

Исследуя динамичность текста, на передний план можно выдвигать разные ее аспекты. Чаще всего связывают ее с художественным текстом, рассматривая, например, динамичность композиции произведения, динамичность повествования, динамичность какого-либо образа, динамичность диалога и тд. Динамичность при таком подходе связана с поэтикой, индивидуальным авторским стилем, с авторской актуализацией текста и в итоге может быть выражена разными средствами языка.

Нами же сделана попытка рассмотреть динамичность как свойство текстов, принадлежащих к интериндивидуальному информативному стилю книжно-письменного типа литературного языка. Применительно к функционально-стилевой сфере сюда входят тексты, относящиеся к научному стилю, официально-деловому и, отчасти, газетно-публицистическому (включая область жанров с преобладающей ориентацией на автоматизацию, на стандарт). Исследуя динамику такого рода текстов, в первую очередь следует обратить внимание на их глагольность, поскольку она представляет собой универсальное языковое средство выражения динамики, присутствующее и поддающееся исследованию во всех функциональных разновидностях речи, во всех жанрах.

В отличие от художественной речи, которой в целом свойствен динамизм, что проявляется, в частности, в высоком среднем показателе ее глагольности, информативные тексты отличаются, напротив, низкой динамикой. Если в русском языке, согласно статистическим данным (Кожина, с. 139), в художественной речи на один глагол приходится 1,5 существительных, то в научных текстах этот показатель достигает в среднем 3,75 существительных, а в официально-деловых текстах – даже 7 существительных. В чешском же языке общая картина совпадает, однако существенная разница имеется в коэффициентах последних двух функциональных стилей. Так, в чешских научных текстах на один глагол

приходится в среднем 2,6 (тогда как в русском – 3,75) существительных, а в официально-деловых текстах – 4 (причем в русском языке – 7) существительных (Těšitelová, s. 178). Из приведенных статистических данных вытекает, что чешские информативные тексты отличаются, в среднем, большей глагольностью, и, следовательно, также большей динамичностью.

Что же касается динамики отдельных глагольных форм, она ярче всего ощущается в спрягаемых формах действительного залога (семантически значимых) глаголов. Однако, в информативных текстах, относящихся к книжно-письменному типу русского языка, чешским спрягаемым формам глагола соответствуют нередко неспрягаемые формы – причастия, деепричастия, инфинитивы – или же отглагольные существительные. Вызвано это, в частности, большей степенью конденсации, присущей в целом книжно-письменному типу русского языка. Ему же свойственно, вместе с тем, и широкое использование страдательных конструкций, способствующих, наряду с конденсацией, также снижению динамики текста.

Исходя из опыта преподавания письменного перевода, из сопоставления чешских и русских текстов, как параллельных, так и оригинала с переводом, нам хотелось бы, однако, обратить внимание на еще один заслуживающий внимания источник динамики, связанный с глагольностью: на присутствие в тексте глагольной метафоры. Конечно, в исследуемых нами текстах речь идет не о художественной, а о языковой метафоре, которую, поскольку она обусловлена узусом строения текста, удобнее всего называть узуальной. Несмотря на то что в информативных текстах глагольная метафора, обретая обобщающее значение, быстро теряет образную силу, она тем не менее, благодаря четко выраженной и, как правило, олицетворяющей, субъектно-предикатной структуре, придает тексту особый динамизм. Ср.: *подлинник вынуждает к созданию неологизмов, абзац стремится слиться с межфразовым единством, содержание ищет форму, точный перевод делает упор на моменты особенного.*

Узус строения информативного текста отличается в отдельных языках особым своеобразием, что проявляется и в сфере узуальной образности. Поэтому при сравнении глагольной метафоры в чешском и русском языках можно наблюдать целую шкалу случаев, от полного ее совпадения, через не тождественное, но аналогичное ее подобие, вплоть до ее отсутствия в одном из языков. В научной речи, например, часто встречаются

случаи полного совпадения глагольной метафоры, о чем свидетельствуют многочисленные примеры: *lingvistika si vypracovala nové metody* / лингвистика выработала новые методы, *analýza vychází z představy* / анализ исходит из представления, *názory se opírají o údaje* / взгляды опираются на данные, *bohatý rým se ujal v české poezii* / богатая рифма привилась в чешской поэзии.

Нередки, однако, и случаи, когда метафора в одном из языков отсутствует. Существительное, как правило отвлеченное, как бы сопротивляется войти в олицетворяющую субъектно-предикатную структуру, не желая подчиняться несвойственной ему роли субъекта (агенса). В таких случаях метафора в переводе либо модифицируется, соответственно узусу переводящего языка, либо заменяется неметафорической структурой. Вследствие замены неметафорической структурой предложение может получить активную, но чаще оно получает пассивную направленность. Активная направленность всегда связана с заменой олицетворяемого отвлеченного субъекта лицом-деятелем. Ср.: *Takové je stanovisko, které sdílí moderní teorie překladu...* / Эту точку разделяют современные теоретики перевода... *Prozódie germánská...nejen různě hodnotí rým bohatý...* / Германские стиховеды... не только по-разному оценивают богатую рифму... (примеры см. Levý, s. 27, 298 – Левый, с. 37, 301).

Пассивная же направленность связана с использованием пассивных конструкций с глаголом в форме страдательного залога с постфиксом -ся или, реже, в форме страдательного причастия. Ср.: *Trpný rod čeština v beletrii v podstatě nepoužívá.* / В чешском языке страдательный залог в художественной литературе практически не используется. *Ruská, francouzská a česká poezie hodnotí opěrné souhlásky kladně.* / В русской, французской и чешской поэзии оцениваются опорные согласные положительно. *Sektor služeb v Evropské unii zaměstnává téměř 140 milionů lidí.* / В секторе услуг в Евросоюзе занято почти 140 миллионов человек.

Главная особенность страдательного залога заключается при этом в его способности обозначать действие в отвлечении от субъекта, в статике. В пассивных конструкциях нередко на категориальное значение глагола накладывается дополнительное значение качества, способствующее нейтрализации процессуальности и динамики. Примечательно, что глагольной метафоре в переводе на русский соответствуют и другие конструкции, способные обозначать действие в отвлечении от субъекта, например, неопределенно-личные предложения (*Některé literatury rozeznávají tzv. rýmy bohaté a rýmy postačující.* / В некоторых литературах

различают рифмы богатые и рифмы достаточные. *Zřetelně se to projevuje u iluzionistického divadla, které úzkostlivě věrně obléká herce a ztvárňuje kulisy. / Нагляднее всего это воплощено в иллюзионистском театре, где заботливо одевают актера в исторический костюм, ставят декорации.*) или безличные предложения с главным членом – модальным словом в сочетании с инфинитивом (*Němčina neasonuje tak lehce jako španělština. / На немецком языке не так легко ассонировать, как на испанском.* – Примеры см. Levý, s. 292, 40, 304 – Левый, с. 296, 47, 307).

В целом можно сказать, что в чешских текстах, по сравнению с русскими, узуальная глагольная метафора играет более важную роль, являясь, вместе с тем, более богатым источником повышения их динамичности. Субъектно-предикатная структура, основанная на олицетворении, встречается в чешском языке даже в законодательных текстах. Для сравнения приводим примеры, взятые из Гражданского и Торгового кодексов ЧР и Гражданского кодекса РФ: *promlčecí doba běží ode dne... / течение исковой давности начинается со дня (с момента)...*, *smlouva vyžaduje písemnou formu / договор должен быть заключен в письменной форме, soud může rozhodnout o likvidaci společnosti / юридическое лицо может быть ликвидировано по решению суда.* Примечательно, что чешское неодушевленное существительное в именительном субъекта активно направленного действия представлено в русском законодательном тексте в «неагентивных» формах (в данном случае, соответственно, в родительном, в именительном объекта пассивно направленного действия и в дательном падежах). Неагентивная форма субъекта характерна, в целом, для пассивных конструкций, которыми законодательные тексты изобилуют в обоих языках, но в русских законодательных текстах они достигают, тем не менее, перевеса, ср.: *nestanoví-li zákon jinak/ если иное не установлено законом* и др.

Итак, в информативных текстах книжно-письменного типа можно отметить между русским и чешским языками, кроме разницы в степени глагольности и связанной с ней разницы в степени предпочтения узуальной глагольной метафоры, также разницу в тяготении к определенной форме выражения мысли, ее формулировки. Для чешских текстов характерно большее предпочтение агентивной формы с именительным субъекта активно направленного действия, для русских же текстов – меньшее ее предпочтение. Все приведенные свойства, характерные для широкого набора текстов, входят в современную стилевую норму каждого из языков. Будучи культурно значимыми, они представляют собой, в сущности,

часть культурного достояния языков и должны неизбежно приниматься во внимание в процессе перевода.

Использованная литература

- Валгина, Н. С.: *Теория текста*. «Логос», Москва 2003.
- Голуб, И. Б.: *Стилистика русского языка*. АЙРИС-пресс, Москва 1997.
- Кожина, М. Н.: *О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими*. ПГУ, Пермь 1972.
- Лаптева, О. А.: *Теория современного русского литературного языка*. «Высшая школа», Москва 2003.
- Левый, Й.: *Искусство перевода*. Прогресс, Москва 1974.
- Сборник кодексов Российской Федерации*. Москва 1997.
- Скляревская, Г. Н.: *Метафора в системе языка*. «Наука», Санкт-Петербург 1993.
- Ве́ска, J. V. *Česká stylistika*. ACADEMIA, Praha 1992.
- Levý, J. *Umění překladau*. Ivo Železný, Praha 1998.
- Občanský zákoník*. Sagit, Praha 1997.
- Obchodní zákoník*. Sagit, Praha 1999.
- Těšitelová, M. a kol.: *Kvantitativní charakteristiky současné češtiny*. ACADEMIA, Praha 1985.

Key words:

Russian compared to Czech, informative-discourse dynamics, salience of verbs, salience of verbal metaphors, stylistic preferences, cultural markedness in discourse, translation

Summary

Russian and Czech informative texts were analyzed from the aspect of their dynamics. Statistical data (Kožína – Těšitelová) confirm both a higher salience of verbs and (non-idiosyncratic) verbal metaphor in Czech as compared to Russian. Verbal metaphor makes the discourse more dynamic and lively. The difference in dynamics further reflects in stylistic preferences: while Czech tends to prefer the agentive form, whereby the agent (real or personified) is expressed in the subjectival nominative, Russian, on the other hand, tends to prefer other agentive syntactic positions (and cases) or may leave the agent unexpressed. These syntactic differences are culturally bound and relevant in translation between Czech and Russian.

ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АГИОГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Барбара Перчиньска, Польша, Люблин

Среди дошедших до нас памятников древнерусской письменности значительное место занимают житийные произведения. Они представляют собой интересный материал и для истории русского литературного языка, и для истории русского языка.

Н. И. Толстой, изображая систему жанров древнеславянской и прилегающей к ней древнерусской литературы в виде иерархически организованной пирамиды, среди четырех доминирующих слоев помещает агиографические тексты. *«Эти первые четыре жанра, – замечает лингвист, – представляют собой сакральную вершину пирамиды, в которой язык и текст строго нормированы и предельно консервативны»*. [Толстой, 2002, с. 86]

В. В. Колесов считает житийный жанр *«наиболее свободным по творческим потенциям средневековым жанром, развившимся впоследствии в 'русский роман'»* [Колесов, 2000, с. 129]. Следует при этом обратить внимание на то, что именно агиографические произведения выполняли функцию «массовой литературы» [Ср.: Аверинцев, Андреев, Гаспаров, Гринцер, Михайлов, 1994, с. 18].

Для историка языка, изучающего грамматический строй письменного текста, язык житий, который определяется как характеризующийся высокой степенью нормативности, может казаться слишком консервативным, в небольшой лишь степени впитывающим элементы разговорной речи. Не разделяя этой точки зрения, я могу именно в таком подходе искать ответ на вопрос, почему язык житийной литературы древне- и старорусской так редко является предметом полного описания, что касается и анализа жанра, и грамматических особенностей. Конечно, не все жития следует признать равноценными для изучения истории русского языка, но многие из них требуют тщательного исследования. Особое место принадлежит оригинальным русским произведениям, описывающим жизнь и чудеса

русских святых. В Успенском сборнике XII–XIII вв. кроме русских редакций старославянских переводов с греческого языка находятся три оригинальных русских жития: Сказание о Борисе и Глебе (приводятся упрощенные заглавия) (на страницах 86–186); Сказание чудес Романа и Давида (186–26а); Житие Феодосия Печерского (26а–67в). Следует подчеркнуть, что автор статьи разделяет взгляды тех ученых, которые считают Сказание о Борисе и Глебе (далее БГ) и Сказание чудес Романа и Давида (далее РД) самостоятельными текстами, по-видимому, написанными двумя авторами [Ср.: Ильин, 1957, с. 209, Бугославский, 1928, Рорре, 1969, Поппэ, 1973]. Оба текста принадлежат к недатированным; принимается, что БГ создано в конце XI века; РД – в первой половине XII в. – после 1115 года. Житие Феодосия Печерского (далее ФП) написано Нестором в 1084 году. Вполне вероятным кажется, что помещенные в Успенском сборнике тексты списаны с оригинальных произведений. Именно три названных жития являются древнейшими памятниками русской агиографии. Хотя в каждом пособии по истории русского литературного языка подчеркивается значение названных житий, а в трудах по исторической грамматике русского языка приводятся многие формы из них, то они не дождалась полного лингвистического описания. Намерение автора статьи указать, каким интересным материалом является язык житий. Анализ опирается на полное исследование текстов; используется лингвистическое издание Успенского сборника XII–XIII вв. под ред. Коткова, вышедшее в 1971 году. Предметом анализа являются следующие языковые факты: 1. полногласные – неполногласные реализации прасл. групп типа *tort, *tolt, *tert, *telt; 2. судьба инициального прасл. сочетания *je-; 3. реализации прасл. группы *tj; 4. наличие «третьего ять» в окончаниях существительных. Названные языковые явления позволят, по-нашему, указать на особенности исследования данного материала и доказать, насколько он интересен. Особенностью исследуемых текстов является то, что они переписаны двумя писцами: первому принадлежит БГ, РД и половина ФП (до 12 строчки листа 46г); второму – вторая часть ФП. Поэтому текст ФП делится на две части: ФП_I и ФП_{II}. При передаче примеров принимаются следующие принципы: буква йотированное а заменяется буквой я, йотированное е – буквой е.

1. Как и во всех других памятниках церковно-книжного стиля эпохи Киевской Руси в исследованных текстах выступают два вида реализаций прасл. групп типа *tort, *tolt, *tert, *telt, среди которых церковносла-

вянские – неполногласные преобладают количественно над древнерусскими – полногласными. Удельный вес однако полногласных сочетаний различен в конкретных текстах. Итак, в БГ они составляют 15,9 % всех реализаций: 11 морфем в 53 употреблениях, напр.: *городъ* 17б.24, *вышегородъ* 17б.22–23, *колодама* 15б.10, *володимиръ* 8в.18, *берестию* 15г.14, *простерети* 9в.3–4 (рядом со 148 употреблениями 35 морфем с неполногласием); в РД: 27,89 %: 53 употребления 11 морфем; напр.: *заборолом* 25г.32, *дорогобоужи* 21г.1, *головѣ* 24б.15, *въсеволодъ* 22г.23–24, *деревяноу* 19в.24, *передъ* 24г.17, *волочахоу* 25в.24 (рядом со 137 реализациями 25 морфем с неполногласием); в ФП_I: 5,47%: 18 употреблений 8 морфем, напр.: *сорочицю* 30в.32, *воротомъ* 45б.3, *измолода* 26в.26–27, *оболость* 42а.16, *перяяслави* 35в.6–7, *оболочашети* 37г.8 (рядом с 311 употреблениями 38 морфем с неполногласием); в ФП_{II} – 0,89 %, т. е. 3 употребления: *опроворотиль* 53г.28, *въсеволода* 51в.16, *золота* 47г.12–13 (неполногласных: 332 употребления 34 морфем). Для сравнения: в Изборнике Святослава 1076 года (далее Изб 1076) полногласные реализации составляют 5,3 %, т. е. их удельный вес почти полностью совпадает с ФП_I. В БГ и РД он сравнительно выше, что, по-видимому, связано с особенностями содержания обоих памятников и наличием в них летописно-хроникальных элементов. [Ср.: Perczyńska, 2005].

2. Восточнославянские реализации с начальным *o-* на месте прасл. **je-* отмечены лишь в РД и ФП_I. В обоих текстах их значительно меньше, чем церковнославянских – с начальным *je-*. Итак, в РД рядом с 4-мя употреблениями с *o-*: *единъ* 20в.1, *одъва* 25г.7(+1), *одва* 25г.25 насчитываем 19 реализаций с *je-*, напр.: *единою* 19а.9, *елико* 18б.16, *еще* 23в.22; в ФП_I же – с начальным *o-* 2 реализации: *одиной* 46в.29, *одъва* 32г.3; с начальным *je-*: 55, напр.: *едва* 34а.20, *единомъ* 29г.22–23. В БГ и ФП_{II} выступили только церковнославянские формы, напр.: *единъ* 10в. 19, *оуединеноу* 13в.6 (23 употребления в БГ), *единого* 59а.18, *единооуми* 65в. 5–6 (65 употреблений в ФП_{II}). Реализации с начальным *o-* (< **je-*) не допускаются нормой церковнославянского языка русского извода и в древнерусских памятниках встречаются сравнительно редко, напр.: в Изб 1076 с начальным *o-* записано 7 употреблений, с начальным *je-* 96. [Rott-Żebrowski, 1987, с. 64].

3. На месте прасл. сочетания **tj* находим в агиографических памятниках (далее АП) два типа реализаций: древнерусскую в виде *ч* и церковнославянскую в виде *щ*.

Сочетание **tj* могло находиться и в корневых, и в аффиксальных морфемах: в обоих типах морфем в каждом АП древнерусские реализации составляют небольшую по сравнению с церковнославянскими группы. Итак, русскую реализацию *ч* обнаруживаем в БГ 7 раз в 3 корнях, напр.: *хочю* 10б.29, *вясчслова* 11а.10, *чюжь* 13а.10 (церковнославянскую же 27 раз в 11 корнях, напр.: *обрящете* 10в.30–31, *отъмещеть* 11в.24); в РД: 1 раз: *позолочена* 24в.28 (церковнославянскую – 14 раз в 7 корнях, напр.: *свъщю* 19г.15, *хощете* 23г.10); в ФП_{II}: 1 раз: *хочеть* 58г.4 (церковнославянскую – 40 раз в 9 корнях, напр.: *запрѣщая* 55в.23, *пищю* 50в.6–7). В ФП_I русских реализаций вообще нет, все корни характеризуются наличием *щ*, напр.: *насыщаше* 40а.32, *объщникъ* 46а.21–22 (57 употреблений 8 корней).

Морфы суффикса причастий действительного залога настоящего времени, восходящие к прасл.: **-otj-*, **-etj-* реализуются в большинстве случаев в виде *-ущ-*, *-ащ-*, напр.: в БГ (64 раза): *могуще* 12в.29–30, *въсходящю* 15г.16–17; в РД (95 раз): *показашю* 19г.4, *дръжашю* 20г.24–25; в ФП_I (226 раз): *соущь* 30а.6–7, *творящю* 33а.20–21; в ФП_{II} (199 раз): *пасоущю* 57г.18, *слышашю* 67б.20. Русские реализации суффиксов находятся лишь в РД (2 раза): *причьтоуче* 18г.3–4, *поступячи* 20г.13–14 и ФП_I (1 раз): *въдавающе* 40а.22.

Сравнивая приведенные данные с данными, отмеченными в Изб 1076, укажем, что в нем 41 древнерусской реализации корня с *ч* (<**tj*) соответствует 148 реализаций со *щ*. Суффикс причастий 433 раза записан с буквой *щ* и только один раз с буквой *ч*.

4. Одним из отличительных признаков склонения имен в древнерусском языке по сравнению со старославянским является наличие так называемого «третьего ять», соответствующего старославянскому *-ę*. Укажем на конкуренцию русских и церковнославянских окончаний у функционирующих в АП имен существительных, что касается следующих форм:

- а) родительного падежа ед. числа имен существительных с древней основой на **а*, **ја* (мягкого различия), в котором русское окончание представлено в БГ: 4 употреблениями от 3 существительных: *паче блгостынь* 15а.30, *отъ болгарын* 8г.3–4, *жалость землѣ моя* 13а.11(+1) (с церковнославянским окончанием *-‘а*: 6 употреблений 5 существительных); в РД: 5 употреблений 2 существительных: *испълни ся цркы вонѣ* 20г.1, *отъ землѣ* 19б.29 (+3) (с окончанием *-‘а*: 5 существительных в 8 употреблениях); в ФП_I: 6 употреблений 5 существительных: *отъ келиѣ* 39а.19–20 (+1), *ни единоя нѣдѣлѣ* 37г.30, *стыя влцѣ наша бцѣ*

266.15 и 16, *ис тьмъницѣ* 40в.30–31 (с окончанием -'а: 30 употреблений 19 существительных), в ФП_{II}: 6 употреблений двух существительных: *от братиѣ* 52а.12 (+4), *съ четверы пригъръциѣ* 54г.14 (с окончанием -'а: 30 употреблений 12 существительных).

- б) именительного и винительного падежей множ. числа существительных с древней основой на *а, *ја (мягкий вариант). С окончанием -ѣ обнаружено: в БГ: 2 употребления от 2 существительных в именительном: *приспѣша крѣвопициѣ* 13г.4, *оубоциѣ възвративше ся* 15а.6 (1 употребление с церковнославянским окончанием); и 3 от 1 существительного в винительном падеже: *видѣша свѣциѣ* 156.21(+2) (с флексией -'а: 2 употребления от 2 существительных); в РД – одна словоформа именительного: *гнетоуще вельможѣ* 25в.21 и одна винительного: *свѣциѣ горяциѣ оустрои* 24в.29 (и по одной словоформе с окончанием -'а); в ФП_I русское окончание засвидетельствовано лишь в винительном падеже: *постави келиѣ многы* 376.12(+1) (с окончанием -'а – 1 словоформа); в ФП_{II} же – одно употребление винительного: *свѣциѣ имяхоутъ* 56г.5 (с окончанием -'а – 3 употребления 3 существительных).
- в) винительного падежа мн. числа существительных мужского рода с древней основой на *о, *јо (мягкого варианта). Русское окончание отмечено лишь в БГ (3 словоформы от двух имен): *предавѣ воѣ* 9а.7(+1), *призва моужѣ* 10в.2 (с окончанием -'а – 4 употребления 3 существительных) и ФП_{II} (1 раз): *принесоша ему хлѣбъциѣ* 51в.32 (церковнославянские формы отсутствуют). В остальных двух текстах выступили лишь формы с окончанием -'а: в РД: 2 употребления 2 существительных; в ФП_I: четыре употребления одного существительного.

Следует обратить внимание на то, что хотя в целом церковнославянские формы преобладают количественно над древнерусскими, то особенно в родительном падеже ед. числа существительных с древней основой на *а удельный вес форм с русской флексией значителен: они составляют около 40 % в БГ; 38,5 % в РД и 15 % в обеих частях ФП.

В статье проанализированы особенности языка древнерусских агиграфических памятников по отношению к очень узкому кругу признаков, главным образом, фонетического характера. Кажется однако, что приведенные данные достаточны для того, чтобы указать на необходимость проведения полного фонетического и морфологического исследования данных текстов. Такое описание будет полезным не только для истори-

ков русского языка, но и для историков русского литературного языка, позволяя им пополнить характеристику житийного жанра.

Использованная литература

- Аверинцев, С. С., Андреев, М. Л., Гаспаров, М. Л., Гринцер, П. А., Михайлов, А. В.: *Категории поэтики в смене литературных эпох*. In: Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М. 1994, с. 3–38.
- Бугославський, С. Я.: *Україно-руські пам'ятки XI-XVIII вв. про князів Бориса та Гліба (Развідка та тексти)*. Київ 1928.
- Ильин, Н. Н.: *Летописная статья 6523 года и ее источник*. М. 1957.
- Колесов, В. В.: Рецензия: М. В. Иванова. *Древнерусские жития конца XIV-XV веков как источник истории русского литературного языка*. М. 1998. 230 с. In: Вопросы языкознания 2000, N 3, с. 128–132.
- Perczyńska, В.: *Реализация оппозиции «русское-византийское» на уровне языка в древнейших русских агиографических памятниках*. In: Interkulturalität. Slawistische Fallstudien. Herausgegeben von Ch. Engel und R. Lewicki. Innsbruck 2005, s. 89–100.
- Попре, А.: *Opowieść o męczeństwie i cudach Borysa i Gleba. Okoliczności i czas powstania utworu*. In: Slavia Orientalis, R. 18, 1969 N 3, s. 267–292, N 4, s. 359–382.
- Поппэ, А.: *О времени зарождения культа Бориса и Глеба*. In: Russia mediaevalis, München 1973, t. 1, s. 6–29.
- Rott-Żebrowski, T.: *Pismo i fonetyka «Izbornika Światosława» z 1076 roku na tle pisma i fonetyki zabytków ruskich XI wieku i kanonu starosłowiańskiego*. Lublin 1974.
- Толстой, Н. И.: *Церковнославянской и русской: их соотношение и симбиоз*. In: Вопросы языкознания 2002, N 1, с. 81–90.
- Успенский сборник XII-XIII вв.* под ред. С. И. Коткова. М. 1971.

Summary

The meaning of the research on the hagiographic monuments
for the history of the Russian language

In this article there are presented the continuants of the Proto-Slavic groups **tort*, **tolt*, **tert*, **telr*; the initial **je*; the consonantal cluster **tj* Russian and Church Slavic in the opposition to each other and also presence of “the third ě” in the declension in three oldest Russian hagiographic monuments: “The Story of Boris and Gleb”, “The Story about the Miracles Done by Roman and David” and “The Life of Theodosij Petchersky”, copies of them have been published in “Uspenski Sbornik of the twelfth and thirteenth centuries”.

The results of the analysis are expected to confirm the usefulness of the research for the history of the Russian language and are also supposed to indicate the language features of the particular literature sort.

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ В РУССКОЙ И ЧЕШСКОЙ ГАЗЕТЕ

Йиндржишка Пилатова, Чешская Республика, Оломоуц

Стилистика на современном этапе развития языкознания заметно и активно расширяет объект своего изучения, переходя от языка к речи и более комплексным единицам дискурса. Стилистическому анализу подвергаются не только лексико-грамматические средства, но и ассоциации, связанные говорящим с данным приемом. Изучается общий когнитивный подход автора к восприятию темы и ее формальному воплощению данным языком. И. Ратникова (2001, с. 351), например, приводит две особенности русскоязычной публицистики – имплицитность и афористичность общения. А. Вежбицкая (цит. по И. Г. Ольшанский 2000, с. 42) выдвигает следующие характерологические черты русского языка (и этнического менталитета): эмоциональность, иррациональность или антирационализм, неагентивность, любовь к моральным суждениям. Задачей настоящего доклада является попытка изучить восприятие определенного события в русском и чешском газетно-публицистическом стиле (ГПС)¹ (60-летие Победы в Великой Отечественной войне, 2005г.) с точки зрения типа и частоты применения маркированных стилистических средств. Цель – общее сопоставление стилистических тенденций русского и чешского ГПС и подтверждение или полемика с вышеприведенной характеристикой русского газетного дискурса. В состав стилистического материала анализируемых нами текстов входят: **1** – изобразительно-выразительные средства, **2** – оценочные средства выражения, **3** – средства композиции и связь с контекстом, **4** – выполняемые в тексте функции.

1. Создавая устойчивое сочетание, эпитеты фиксируют отличительные черты данного явления, существенные для восприятия объекта

¹ Газеты Известия, Независимая газета, Комсомольская правда, Правда, Советская Россия, Завтра; Lidové noviny, MF Dnes, Olomoucký DEN, Haló noviny – период 01/05 – 10/05 2005г.

национальным менталитетом (ср. сходство – *грандиозные праздничные мероприятия – velkolepé/mohutné oslavy*). Специфичными для русского материала являются сочетания: *великий праздник, великая Победа, светлый праздник*, не имеющие аналогов в чешском материале. Похоже, употребляемые исключительно в русском тексте эпитеты свидетельствуют о наличии противоположных оценок в современном русском политическом дискурсе, ср. пр.:

праздник – наш праздник; наш внутренний праздник; два праздника
Победа – поседевшая; замалчиваемая и оболганная; давно упущенная
гости – высокие; высокопоставленные; политические карлики; евро-американская тусовка; скопище «мировых лидеров»

Таким образом, в русском материале в отличие от чешского проявляется более тесная, традиционная ассоциативная связь ключевых слов «праздник/ Победа» и более тонкий и сложный оценочный подход к смежным явлениям (ср. образные средства выше).

Метафоризация в рамках русского и чешского материала выявляет в интерпретации действительности некоторые сходства и яркие различия. В обоих языках события отражаются через призму образа:

- а) войны, борьбы, ср. пр.: *Битва за историю; ввести осадное положение в городе; подзарядиться фронтовыми воспоминаниями*
– *vést válku proti ženám* (ср. изнасилование); *Rudé náměstí se změnil v pevnost; policisté «obklíčí» centrum*
- б) игры, спорта: *жонглирование цифрами; сыграть вничью с историей; подхватить эстафету ошибок*
– *země byla vlivným hráčem na světové šachovnici; tragická oběť mocenských her*

В русском языке видное место в рамках образной номинации занимает:

- в) образ семьи, ср. пр.: *мы – дети Великой страны; Россия как вечно обиженная младшая сестра, которая когда-то была хозяйкой в евро-азиатском доме*
- г) образ колонизации (захват России Западом), ср. пр.:
– *Москвичи – аборигены, лишь по окраинам и взятым под контроль нескольким центральным резервациям будет разрешено веселиться русскому народу*
– *Власти Россиянии отвели им (патриотам) роль индейцев из резервации*

Несмотря на основное сходство между обоими языками (активизация образов войны или игры) русский ГПС отличается более широким диапазоном мотивации и высшей частотой применения метафоры в тексте. Если согласиться с тем, что метафоры «углубляют и расширяют восприятие, воображение адресата и, следовательно, усиливают и ускоряют эмпатический и когнитивный эффект сообщения» (Ратникова, 2001, с. 351), то русский газетный текст можно, по нашему мнению, считать более творческим произведением, предлагающим новые образные интерпретации событий и активно воздействующим на ассоциации читателей.

2. В русском и чешском газетном тексте замечены примеры эксплицитной и имплицитной оценки происходящего, окрашенные чаще всего в отрицательные тона, ср. пр.:

- эксплицитная оценка:

а) собственно-оценочные лексические средства:

- думать о «**фрицах**»; власть Кремля - власть **временщиков и гауляйтеров**

- *válka skončila porážkou **arcilotrů**; vznikla **nedokonalá OSN***

б) оценочное образное приложение (оценка лица):

- *главный **душител** коммунизма, американский президент Джордж Буш*

- *Путин - **отставной получекист, полупатриот, полугосударственник***

- ***жертва** косметической ошибки Ющенко*

- ***náš malý evropský Bush**, český prezident Václav Klaus*

- имплицитная оценка:

- ироническое употребление выражения

- *собравшиеся в Москву «**хозяева мира**»; «**друг Джордж Буш**»*

- ***návrat «mytického vůdce» Josifa Stalina; národy ve východní Evropě, jež «bratrsky» řídil komunistický Sovětský svaz***

В сопоставительном плане оценочный подход автора, по нашим наблюдениям, активнее в русском газетном дискурсе. Здесь зафиксировано не только большее количество примеров, но и большая интенсивность оценки (доходящая до гипертрофированных ядовитых выражений оппозиционной прессы – ср. Завтра, Советская Россия, Правда). В русской газете в отличие от чешской особенно важно контекстуальное применение оценки (имплицитность), ср. пр. иронии:

- *Парад на Красной площади. Президентские трибуны.*
Парад на Красной площади. Простые трибуны. (в подзаголовке)
- *Спасибо Путину: своими кордонами, пропусками и КПП он напомнил нам, что для всех патриотов сегодня на дворе тяжелый 41-й год.*

3. Следующие яркие различия между русским и чешским газетным текстом обнаруживаются на более абстрактном уровне, т. е. в методе формального расположения и акцентирования материала в рамках текста. Чешский текст прибегает чаще всего к простой, прямолинейной подаче материала, лишенной риторических приемов актуализации. Русский газетный текст, наоборот, уделяет форме большее внимание, применяя многочисленные риторические конструкции и стилистические фигуры (ср. сегментация, параллелизм, градация, интертекстуальность итд.), придающие форме определенную эмфатическую интонацию, ср. пр.:

- парцелляция: *в центре Москвы отпраздновали 60-летие Победы. За кордонами.*
- однородные члены предложения: *Неумолимо уходят, ускользают, растворяются в вечности люди, причастные к Великой войне!*
- кольцевая композиция: заголовок: *Страх перед историей*
концовка: *Ведь все очень просто: не надо бояться собственной истории.*
- заключение: *На этом праздник и закончился. Расходились в основном довольные.*
Понравилось... А Победа? Какая Победа?
(т. е. риторический вопрос в конце – провокация и сарказм)

Форма выражения и композиция в русском газетном тексте, таким образом, по нашему мнению, вступают в более активное взаимодействие с содержанием статьи, усиливая не только экспрессивный, но и когнитивный эффект коммуникации, в то время как в чешском материале форма, будучи нейтральной, играет в восприятии смысла второстепенную роль.

Отличительной чертой русского газетного текста в плане композиции является и интертекстуальность. Поскольку данные цитации и квазичитации (Земская 1996) оживляют ассоциации читателей и вводят в процесс коммуникации подтекст, они ярко обогащают семантическую структуру текста и усиливают его связи с культурным и эмпирическим

контекстом. Русский газетный текст, таким образом, становится не только многоуровневым, но и семантически незавершенным, имплицитно предлагающим разные толкования материала, ср. пр. заголовков с аллюзией:

- поэзия: *Когда считать мы стали раны...* (ср. М. Ю. Лермонтов: Бородино – *«Тогда считать мы стали раны, товарищей считать»*)
- крылатые выражения: *Не каждая птица долетит до Кремля* (ср. Н. В. Гоголь: *«Не каждая птица долетит до середины Днепра»*)

В рамках чешского газетного материала аналогичная тенденция не замечена.

4. Помимо традиционных для ГПС функций информации и воздействия русский газетный текст, по нашим наблюдениям, с одной стороны, стремится вовлечь в процесс коммуникации и воображаемого читателя (ср. функции фатическая, конативная), с другой стороны, тот же текст обнаруживает тенденцию уделять особое внимание качеству языка (ср. функции поэтическая, метаязыковая). Таким образом, русский газетный текст симулирует диалог с читателем, употребляя формы интимизации изложения (Бельчиков, 1974; ср. пр.: *наша страна; нас обругали; Мы оправдываемся; если у вас билеты на 9 мая, вам придется идти пешком*), обращение или призыв к читателю (ср. пр.: *С Днем Победы Вас, дорогие друзья! Не проезжайте мимо. Остановитесь. Положите цветы. Помолчите немного. Вспомните и поклонитесь.; Вернем Победу народу-победителю!*), и одновременно ценит собственно языковые свойства средств выражения (ср. пр. – рифма и ритм в заголовке: *Теснят и глушат ради Буша.*; игра с кодом: *Achtung! Achtung! Всем жителям Moskau настоятельно рекомендуется покинуть на праздники город! Execute! Исполнять*; комментарий в форме кавычек: *«друг Джордж»*). В чешском материале аналогичные примеры единичны. Русский газетный текст, следовательно, в отличие от чешского является полифункциональным. Он свободно включает в себя другие компоненты дискурса (адресат, код, контекст ситуации) и становится более «коммуникативным» (по отношению к адресату, к коду).

В заключение можно обобщить, что на основании комплексного анализа газетных текстов, посвященных определенному общественно-политическому событию, русский публицистический дискурс является более активным в плане когнитивном и языковом. Например, русский

газетный текст активно включает в себя оценку и полемику, прибегает не к прямым, а косвенным, образным номинациям происходящего, активно разнообразит синтаксическое и композиционное построение, вступает в активный диалог с культурной памятью народа и ярко демонстрирует тонкое языковое чутье и активный контакт с читателем. Приводимые в начале характеристики русского ГПС (ср. имплицитность, афористичность, эмоциональность) нашим материалом полностью подтверждаются. Итак, русский газетный текст является многогранным, многоликим, в то время как аналогичный чешский материал кажется скорее одноплановым, преимущественно информативным. Причина данного расхождения кроется, по нашему мнению, в традиционных национально-культурных отличиях и в современной моде русской прессы на «живую речь» и взволнованное риторическое оформление материала (ср. Басовская 2004).

Использованная литература

- Басовская, Е. Н.: *Риторические вопросы в современной публицистике*. In: PP 1/ 2004, с. 57–63.
- Бельчиков, Ю. А.: *Интимизация изложения*. In: PP 1974, № 6, с. 31–43.
- Земская, Е. А.: *Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет*. In: Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Москва 1996, с. 157–168.
- Ольшанский, И. Г.: *Лингвокультурология в XX веке*. In: Лингвистические исследования в конце XX века. Сб. обзоров. Москва 2000, с. 26–55.
- Ратникова, И.: *Социокультурная информация и семантика антропонимических метафор в русском публицистическом дискурсе*. In: Актуальные вопросы изучения русской литературы и культуры, русского языка и методики его преподавания в европейском контексте, Krakow 2001, с. 346–352.
- Hoffmannová, J.: *Stylistika a... Současná situace stylistiky*. Praha 1997.

Key words:

Russian and Czech newspaper style – perception of a particular event – means of expression – epithets and metaphors – evaluation – composition and context – functions

Summary

The present paper is focused on studying the perception and stylistic treatment of a particular event (9th May 2005 celebration) in Russian and Czech newspapers, esp. the type and frequency of marked means of expression exploited (epithets and metaphors, evaluation, composition and context, functions). With reference to numerous examples, the author accentuates the difference in quality, intensity and frequency of the exploitation (e.g. level of intimidation, cultural allusions, motivation of metaphors). The author comes to the conclusion that Russian newspaper discourse is more active both in cognitive and language aspects (e.g. implicit, aphoristic, affective), i.e. it employs more elaborate means of stylistic expression (e.g. indirect evaluation, rhetoric figures of speech, contact with the reader).

КАТЕГОРИИ ЗНАЧЕНИЯ И ВЫРАЖЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ

Вероника Разумовская, Россия, Красноярск

История переводоведения, как и история любой другой науки, включает три обязательных этапа: возникновение, становление и развитие. Развитие переводоведения немислимо без обращения к переводческим проблемам с точки зрения лингвистики, которая может рассматриваться как смежная гуманитарная наука, так и как наука, предопределившая основные направления и принципы развития переводоведения.

Изучение теоретических и прикладных аспектов с точки зрения лингвистики позволило исследователям применять методы лингвистического анализа к изучению языковых и речевых явлений, вовлеченных в процесс перевода.

Однако с первых шагов развития «лингвистического» переводоведения, основные идеи которого были наиболее полно сформулированы в работах А. В. Федорова, В. Н. Комиссарова, В. Г. Гака, Р. К. Миньяра-Белоручева, Я. И. Рецкера, М. Я. Цвилинга, А. Д. Швейцера, О. Каде, Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне, Дж. Кэтфорда, Ж. Мунема, Ю. Найда, отношения между лингвистикой и переводоведением были далеки от идиллических.

Возможность рассмотрения явлений перевода с позиций лингвистики не означает полного перенесения основных лингвистических явлений, категорий и понятий в переводческую плоскость и наоборот. В ряде случаев между категориями перевода и категориями лингвистики существуют отношения не полного или частичного совпадения, а отношения пересечения, что находит выражение в регулярной асимметрии исходного (оригинального) текста и переводного текста (текста-продукта). Очевидным, однако, остается тот факт, что категории лингвистики и категории переводоведения восходят к универсальным философским категориям, к которым, несомненно, относятся категории *содержание* и *форма*. Содержательным аспектом традиционного занимается семантика, изучающая

значение языковых выражений. В трактовке понятия *значение* кроются основные различия многочисленных семантических теорий, что является темой отдельных исследований.

Для теории перевода первоочередную значимость имеет теория стратификации семантики, в рамках которой рассматриваются и обсуждаются вопросы языкового и смыслового уровней семантики, предполагающие разграничения понятий *значение* и *смысл*.¹ Размышления о различиях между данными понятиями впервые встречаются в работе Г. Фреге, рассматривающего проблемы тождества и считающего, что два выражения, имеющие одно обозначающее, обладают одним и тем же значением, но разным смыслом.² Оппозиция Г. Фреге *значение* – *смысл* в работах другого представителя логической семантики Р. Карнапа имеет вид *экстенционал* – *интенционал*.³ Под *экстенционалом* понимается содержание языкового выражения, которое выводится на основе чисто внешнего контекста, *интенционал* трактуется как содержание языкового выражения, устанавливаемое исключительно на основе внутрilingвистического контекста.⁴ Таким образом, интенциональное значение – это значение слова как единицы языка, а экстенциональное значение – это значение, приобретаемое словом в данном, конкретном контексте его речевого употребления.

Приведенные выше точки зрения на понятия *значение* и *смысл* не претендуют на полноту трактовки столь сложных семантических и логических вопросов, но позволяют очертить круг проблем лингвистической семантики, которые играют важную роль для теоретического осмысления и практического решения проблем лингвистической теории перевода.

Вслед за А. В. Бондарко мы считаем, что *значение* – это содержание единиц и категорий конкретного языка, включенных в его систему и отражающих особенности данной системы. Понятие *смысл* также определяется через понятие содержание, но данное содержание не связано с единицей или категорией конкретного языка.⁵

Перевод с одного языка на другой (межъязыковой перевод (interlingual translation) или собственно перевод (translation proper) в терминологии Р. Якобсона⁶) в аспекте категорий *смысл* и *значение* предполагает установление межъязыковой эквивалентности прежде всего с позиций категории *смысл*. Р. Якобсон считает, что на уровне межъязыкового перевода полной эквивалентности между единицами кода не существует, но сообщения, в которых данные единицы языкового кода используются,

могут служить адекватными интерпретациями иностранных кодовых единиц и сообщений.⁷

Понятие и термин *смысл* являются ключевыми в работах И. А. Мельчука, рассматривающего соответствия между смыслами и текстами как многоступенчатый процесс «перевода» заданного смысла⁸ даже в пределах одной кодовой системы. В случаях выхода за рамки одной кодовой системы И. А. Мельчук также предлагает семантический подход к поиску инвариантности содержания исходного текста и текста переводного и считает межъязыковой перевод межъязыковым перефразированием смысла.⁹

Сходную точку зрения о необходимости сохранения смысла при межъязыковом переводе высказывает и Г. Егер, использующий вместо термина *смысл* термин *коммуникативная значимость текста* по причине неопределенности и многозначности термина *смысл*.¹⁰ В теории Г. Егера категория смысла определяется не только через термин *коммуникативная значимость текста*, но и посредством термина *сигнификативное значение*. В семантическом значении Г. Егер выделяет денотативное значение и сигнификативное значение, связывая первое понятие с содержанием понятия, а второе с его объемом. Разграничивая две гипонимических разновидности в понятии-гиперониме *семантическое значение*, Г. Егер считает, что первоочередной интерес для трансляционной лингвистики представляет сигнификативное значение (т. е. смысл), но денотативное значение текста также должно приниматься во внимание.¹¹

Однако, было бы несправедливым считать, что поиски инвариантного смысла в процессе перевода начались лишь с обсуждения категорий *значение* и *смысл* в рамках логической семантики. Еще в начале V века н. э. Св. Иероним, работая над переводом Библии, который позже получил название Вульгата, старался наиболее точно передать смысл оригинала,¹² что явилось отправной точкой развития одного из двух основных способов перевода – смыслового способа (*sense-for-sense translation*). Очевидным, однако, является тот факт, что понятие *смысл* со времен Св. Иеронима и в течение длительного последующего периода претерпело значительные изменения значения и приобрело современное семантическое наполнение термина лишь в наши дни.

В цитируемой выше работе А. В. Бондарко приводится еще одно из возможных толкований разграничения понятий *значение* и *смысл*, предполагающее описание данных понятий в терминах *средство* и *цель*. Язы-

ковые значения служат средством для выражения смысла в том или ином конкретном высказывании.¹³ А. В. Бондарко подчеркивает, что двучленная последовательность *значение – смысл* действительна только для тестов с общеинформативной направленностью. Для художественных текстов последовательность расширяется за счет включения в свой состав интерпретационного компонента: *значение – смысл – интерпретация*.

Отмечая тесную взаимосвязь категорий *значения* и *смысла*, А. В. Бондарко предлагает в самих языковых значениях выделить два аспекта – *смысловую основу* и *интерпретационный компонент* (способ представления смысловой основы в значениях, выражаемых средствами данного высказывания и целостного текста).¹⁴

Интерпретационный компонент трактуется А. В. Бондарко как элемент или аспект выраженного языковыми средствами семантического содержания, который составляет специфику именно данной единицы, данного высказывания, в отличие от того же (или сходного) смысла, выражаемого иными средствами в синонимических высказываниях, или смысла, передаваемого средствами других языков.¹⁵

Способ языковой интерпретации выражаемого смыслового содержания закреплён за определенной формой, входящей вместе с семантическим содержанием в области лингвистического анализа.

На основе приведенных выше мнений лингвистов по проблеме существующих отношений между такими общелингвистическими категориями как *содержание (значение и смысл)* и *форма (выражение)* можно сформулировать рабочую версию проблемы, поиски решения которой, по нашему мнению, возможны только через призму лингвистики, что обеспечивает сохранение и трансформацию в переводной текст значимых единиц исходного текста; какими способами и приемами передается смысл исходного текста при переводе, и как осуществляются поиски передачи формы исходного текста при переводе.

Данная формулировка проблемы ни в коей мере не претендует на новизну и оригинальность. Наиболее важным здесь является акцентирование направления поисков на трех базовых лингвистических категориях, взятых в их неразрывной взаимообусловленности и зависимости.

Попытки рассмотреть сформулированную выше проблему на материале художественной литературы неминуемо приводят исследователей к крайней степени проявления данной проблемы: как переводить такие художественные тексты, о которых Дж. Серль писал следующее: «Практи-

тически любое заметное произведение художественной литературы содержит 'сообщение' или 'сообщения', которые передаются в тексте, но не имеют в данном тексте формального выражения (...are conveyed by the text but are not in the text)».¹⁶

По справедливому мнению Дж. Серля, механизмы, обеспечивающие реализацию намерения автора по передаче смыслового содержания, на настоящее время еще не описаны в специальной теории, интенциональность языковых значений еще не изучена в полном объеме. Как следствие этого, многие проблемы содержательного, формального и интенционального планов не нашли окончательного решения в теории и практике перевода, что может стать возможным лишь в результате совместных усилий специалистов в области лингвистики и перевода.

Использованная литература

1. Бондарко А. В.: *Уровни семантики*. In: Университетское переводоведение. Вып. 3. Материалы III Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 26–28 октября 2001. СПб., с. 73–83.
2. Фреге Г.: *О смысле и значении*. In: Логика и логическая семантика. «Аспект Пресс», М. 2000, с. 230–246.
3. Карнап Р.: *Значение и необходимость*. «Издательство иностранной литературы», М. 1959.
4. Бочкарев А. Е.: *Семантический словарь*. «Деком», Нижний Новгород, 2003, с. 49, с. 178.
5. Бондарко А. В.: *Op. cit.*, с. 73.
6. Jakobson R.: *On Linguistic Aspects of Translation*. In: On Translation. Harvard University Press, Cambridge 1959, pp. 232–239.
7. Ibid.
8. Мельчук И. А.: *Опыт теории лингвистических моделей «смысл-текст»*. М. 1999.
9. Мельчук А. И.: *Русский язык в модели «Смысл-Текст»*. Школа «Языки русской культуры», Москва – Вена. 1995, с. 17.
10. Егер Г.: *Коммуникативная и функциональная эквивалентность*. In: Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М. 1978, с. 138.
11. Егер Г.: *Op. cit.*, с. 143.
12. Горбовский Н. К.: *Теория перевода*. Издательство МГУ, М. 2004, с. 47–58.
13. Бондарко А. В.: *Op. cit.*, с. 75.
14. Бондарко А. В.: *Op. cit.*, с. 79
15. Бондарко А. В.: *Op. cit.*, с. 79
16. Searle J.: *Expression and Meaning*. Studies in the Theory of Speech Acts. Cambridge University Press. 1979, p. 74.

Key words:

meaning, sense, expression, form, stratification of semantics, interlingual translation, sense-for-sense translation, fiction

Summary

This paper deals with the problem of relationship of meaning and sense, the functioning of these sematic categories in the theory of interlingual translation.

The transmission of meaning and sense between two language codes is put in the forefront. The attention is drawn to the situation when the “message” is conveyed by the text but is not formally expressed in the text.

НАЗВАНИЯ ЛИЦ ПО РОДУ ЗАНЯТИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Милена Рыковска, Чешская Республика, Пльзень

Вопросы ономазиологии привлекают к себе постоянное внимание лингвистов. Объектом нашего внимания является микросистема названий лиц по роду занятий в русском языке, ее формирование, пополнение, взаимоотношение между ее компонентами. Материалом исследования послужили данные памятников русской письменности с XIV по XVIII век и современные средства массовой информации. В рамках выбранной темы нами намечаются три круга вопросов: формирование выбранной микросистемы, мотивированность-немотивированность названий лиц по роду занятий в русском языке, взаимоотношение между компонентами этой микросистемы в культурологическом аспекте. Изучение названий лиц по роду занятий в культурологическом аспекте, на наш взгляд, представляет большой интерес и вносит определенную новизну в указанную тему.

1. Формирование выбранной микросистемы

Выбранная микросистема прямо отражает развитие производительных сил и производственных отношений, так как она охватывает все сферы человеческой деятельности, такие как, напр., сельское хозяйство (*бортник, земледельец, жнец, конюх, конник, копач, огородник, орач, пастовник, садовник, плужник и др.*); торговля (*гость, купец, продавец, винопродавец*); транспорт (доставка, перемещение товара – *водовоз, возник, выгужальщик, дрововоз, извозчик, перевозчик, подвозник, провозник*); охота (*бобровник, гонец, неводчик, охотник, поледчик, псарь, рыбак, рыбовод, соколник*); медицина (*волшебник, знахарь, лекар, врач*); питание (*квасник, колашник, мельник*); служба (*воротник, дворник, камерир, ключник, слуга, служебник, сторож, чашиник и драгун, караульщик, матроз, рейтар, рекрут, стрелец, салдат и баскак, бурмистр, волоститель, наместник, мытчик, пошлынник, пристав, советник, секретарь, сенатор, староста, судья, тиун и др.*), причем многие из этих названий связаны с занимаемым человеком служебным положением, и на это

значение часто наслаивается значение, мотивированное социальным положением); ремесло (*гончар, дровосек, каменщик, кузнец, мастер, плотник, повар, подмастерье, портной мастер, пушкар, складник, скорняк, хамовник*); преступная деятельность (*бунтовщик, вор, должник, злодей, изменник, разоритель, убийца и др.*) и другие области. Если в XIV–XVI вв. эта микросистема является относительно стабильной и пополняется постепенно, то ее бурное развитие наблюдается, начиная с XVII–XVIII вв. и в XX веке.

2. Мотивированность – немотивированность наименований

Если сопоставить названия лиц по роду занятий в древнерусском языке и современном русском языке, то в древнерусском языке, по данным письменных памятников, наблюдается большая мотивированность этих названий. Наименования мотивированы прежде всего глаголами (*ловец, выгружалщик, возник, вкладчик*) и именами существительными (*хлебник, колбасник, изюмник, ягодник, собольник, свечник, мыльник*). Однако, с самого начала в русском языке встречаются также заимствованные слова (*тиун, баскак*). В настоящее время увеличивается число заимствованных слов и утрачиваемая мотивированность компенсируется ростом аналитизма, сложных наименований (*менеджер по работе с клиентами, менеджер по внутреннему / внешнему туризму, менеджер по продаже услуг отеля, менеджер по продаже авиабилетов*). При этом многие заимствования являются новыми только на первый взгляд, они встречались уже в XIX веке, а в настоящее время лишь происходит переосмысление их значения. В связи с этим целесообразным представляется изучение формирования этой микросистемы в XIX веке и изменения в значении отдельных названий в XX веке.

3. Взаимоотношения между компонентами микросистемы в культурологическом аспекте

Названия лиц по роду занятий имеют разную культурологическую значимость, которая может заключаться в том, что некоторые наименования выносятся в названия памятников письменности, т. е. в этом смысле существует разница между *князем* и *бортником, дворником, конюхом*. Кроме того, у некоторых названий есть свои прототипы, типичные представители (в русском языке, напр., *космонавт – Гагарин, ударник – Стаханов, князь – Владимир*) – в этом смысле можно применить так называемую теорию семантических прототипов Э. Рош и идею персониферы Г. Г. Хазагерова и изучить названия

лиц по роду занятий в этом плане. [Персоносфера в понимании Г. Г. Хазагерова – «сфера персоналий, образов, сфера литературных, исторических, фольклорных, религиозных персонажей». Мы согласны с мнением Г. Г. Хазагерова, что к этому понятию можно применить термин «поле», который давно используется в лингвистике: «В своей метафорической функции «игроки» национальной персоносферы образуют поле, вернее, поля, например, поле ораторов, поле царей, поле жен, поле начальников и т. д». – см. приведенный интернет-адрес]. Наименование также может выступать как типичный представитель класса определенной профессии. Напр., *начальник* – это не просто гипероним, выражающий сатирическое отношение, но и типичное название для руководителей.

Таким образом, среди названий лиц по роду занятий можно выделить культурологически маркированные названия и проследить, как эта маркированность исторически меняется. Такое изучение выбранной микро-системы, на наш взгляд, представляет большой интерес.

Использованная литература

- Азарх, Ю. С.: *Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка*. Москва 1984.
- Даневич, А. В.: *Некоторые особенности словообразования в языке русских повестей второй половины XVII века*. Киев 1958.
- Котельникова, Г. Д.: *Наименования лиц по действию в русском и белорусском языках*. In: Вопросы словообразования и номинативной деривации в славянских языках. Гродно, 1990. с. 42–50.
- Мальцева, И. М.: *Из истории развития лексического состава русского языка XVIII века (имена существительные на -ист)*. In: Развитие словарного состава русского языка XVIII века. Ленинград 1990. с. 6–37.
- Рогова, В. Н.: *Словообразовательная система русского языка в XVI веке*. Красноярск 1972.
- Смирнова, Г. В.: *Наименования лиц и их ономаσιологические характеристики*. Автореферат. Москва 1986.
- Туркин, В. Н.: *Семантика социальных терминов восточнославянских языков XI–XVI вв.* Автореферат. Москва, 1972.
- Хазагеров, Г. Г.: *Персоносфера русской культуры*. In: «Новый мир», 2002, 1. /http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/1/hazag-pr.html/
- Яцкевич, Л. Г.: *Ономаσιологические классы имен существительных в коммуникативном аспекте*. In: Вопросы словообразования и номинативной деривации в славянских языках. Гродно, 1990. с. 215–219.

Черных, П. Я.: *Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период*. Москва 1956.

Vysloužilová, E.: *Новые названия профессий в русском языке. Транслатологический подход*. In: *Reflexie aktuálního výskumu ruského jazyka*. Nitra 1999. s. 56–62.

Журнал «Обучение и карьера», периодическая печать

Памятники письменности:

Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси I конца XIV - начала XVI веков. Москва, АН СССР, 1952.

Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси II конца XIV - начала XVI веков. Москва, АН СССР, 1958.

Грамотки XVII-XVIII веков. Москва, «Наука», 1969.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Москва, АН СССР, 1949.

Грамоты XIV-XV вв. Московского архива министерства юстиции. Москва, 1883.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. Москва, АН СССР, 1950.

Московская деловая и бытовая письменность XVII века. Москва, «Наука», 1968.

Московский летописный свод конца XV в. Москва-Ленинград, АН СССР, 1949.

Назиратель. (под ред. Коткова С. И.). Москва, «Наука», 1973.

Новгородская первая летопись старшего зввода. Москва, АН СССР, 1958.

Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. Москва, «Наука», 1984.

Памятники московской деловой письменности XVIII века. Москва, «Наука», 1981.

Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. Москва, «Наука», 1965.

Памятники русской письменности XV-XVI веков. Рязанский край. Москва, «Наука», 1978.

Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI - начало XVII веков. Москва, «Наука», 1990.

Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. Москва, «Наука», 1977.

Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги. Москва, «Наука», 1982.

Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи. Москва, «Наука», 1993.

Key words:

Titles of persons, profession, motivation form, loanwords from foreign languages, new term “personosfera”

Summary

Titles of persons according to their professions in old and contemporary Russian

The Russian documents from the 14th to 18th centuries and contemporary mass media are an object of the analysis from the point of view of motivation of form titles of persons according to their professions.

In old Russian, majority of these titles are motivated by Russian verbs or subjects. However, loanwords from foreign languages occur too. The number of loanwords increased in the 17th and 18th centuries as the society developed.

These days, the amount of loanwords is large. Motivation in these titles is often superseded by compound words such as *менеджер по рекламе, менеджер по приему гостей, агент по оптовым продажам*, etc. The author of this paper used the new term “personosfera”.

НЕКОТОРЫЕ ПАРАМЕТРЫ НОМИНАЦИИ ЛИЧНОСТИ ПО РЕЧЕВЫМ ПРИЗНАКАМ В РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СУБКОДАХ

Любовь Соболева, Республика Беларусь, Минск

I. Номинация личности по речевым признакам в туровских говорах белорусского языка. Из словаря туровских говоров белорусского языка путем сплошной выборки получено 66 лексем, называющих человека по речевым признакам, что составляет приблизительно 1/10 часть всех номинаций личности и имеет ранг 4 среди 20 выделенных признаков номинации личности после признаков: внешность (25 % номинаций), возраст (21,4 %), движение (12 %).

Речепроизводство и речевосприятие. Признак «речепроизводство» (содержится в 55 лексемах) доминирует над признаком «речевосприятие», который содержится в 5 лексемах: *глушак, глушман, глушка, жоўна, шыкірда*.

Дуальность языкового знака. Важными для бытового сознания оказываются признаки, отражающие дуальность языкового знака: информативность речи (25 лексем) и акустические свойства речи (21 лексема). В основу номинации по этим признакам всегда кладутся отрицательные свойства речи: недостоверность информации, ложь (в первую очередь слова с общим значением «сплетник»); незначительность информации; чрезмерная продолжительность речи; конфликтность, отсутствие речевой эмпатии (*заяда, сука, чмута, шэптуха*); нечленораздельность речи (*жоўна, шыкірда*); монотонность речи (*жоўна, ланда*); дефекты произношения, связанные с моторикой речи или влияющие на акустику речи (*заіканда, трыкало, хамкало, хрыпель, шэпелюн*); чрезмерно громкая или тихая речь (*голосуха, горлан, горлопан, лепенда, рэвун*); отсутствие речевой активности или готовности к речи (*маўчун, рахманіна, рахманеча, соўман, соўмак, шэпетуха*); неспособность к восприятию речи (*глушак, глушман*). Сема «информативность» включает в себя более частные семы: «недостоверность информации», «незначительность информации». Без учета неповторяющихся корней эти семы имеют 23 лексем, 9 из которых называют сплетника, 9 – болтуна, 5 – обманщика.

Информация, пространство, время. Качество речевой информации часто передается через представления о пространстве и времени. Ложная информация реже связывается просто с движением (*пераносчык*), чаще – с непрямолинейным движением (*сплетнік, сплетніца, плейтуха, плеткарка*). Незначительность информации соотносится с недискретным (пустым) пространством (*пустаслоў, гакало, балбатун, халабуца, пустабрэх*). В бытовом сознании существует обратная корреляция продолжительности речи и её информативности, информативности и темпа речи (*балахва, гакало, гатало, галайка, торотайка, сокотуха, лепенда*): чем продолжительнее и быстрее речь, тем незначительнее речевая информация. Иногда чрезмерная повторяемость, например, перформатива *абяцаць* (предполагающего, что информация воспринимается как истинная уже в момент речи, хотя ее истинность устанавливается после момента речи), выхолащивает основную коммуникативную цель: вызвать уверенность адресата в истинности высказывания (*Обечко. Той, хто шмат абяцае.*)

Достоверность информации и интенсивность звучания. Повышенная интенсивность звучания предполагает незначительную информацию (*гакало, балбатун, крыкун, галайка, крыклівая балбатуха.*) Пониженная интенсивность звучания предполагает либо недостоверность информации, либо осуществление магической функции речи (*шэптун, шаптун, шаптуха, шэпетуха, шэптуля, шэптуха*).

Количественные характеристики семного состава лексем, называющих личность по речевому признаку. В 19 из 55 исследуемых лексем присутствует сразу несколько «речевых» сем: в слове *жоўна* – 4 семы, в словах: *гакало, гатало, галайка, лепенда* – по 3 семы, в 14 лексемах: *балахва, заяда, ланда, сокотуха, торотайка, хваліндзей, хваленцей, хвалісцей, хвалько, чмута, шчэбетун, шэптуля, шэптуха, шэптун* – по 2 семы. Существуют «речевые» семы, которые никогда не употребляются в составе лексемы без других «речевых» сем: ни одно слово не имеет изолированную сему «незначительность речевой информации», 9 из 10 слов – сему «временные характеристики речи».

II. Номинация личности по речевым признакам в молодежном сленге русского языка. В «Большом словаре молодежного сленга» С. И. Левиковой, содержащем более 10 тысяч лексем, зафиксировано 116 лексем, называющих человека по речевым признакам. В этих номинациях чаще всего отражается: 1. недостоверность речевой информации (34 лексемы имеют значение «лгун», например: *байкер, гонщик, грузин, дэзушник, жуцара,*

лекарь, маравихер, тележник, телефонист, темняк, трубоч; 7 – «льстец»: гнут, подлип, подлипало, подсевало, подсевайло, популизатор, пушок; 5 – «хвастун»: контовый, понтерщик, понтовик, понтогон, понтовый) 2. незначительность речевой информации (16 лексем имеют значение «болтун», например: бодяга, звонарь, звонок, звякало, кучерявый, лапша, тявка, тявкало, фуфлогон, фуфломет, якубович, 3 – «зануда»: гонщик, грузило, грузчик); 3. недоступность информации для объекта речи (11 номинаций доносчика или ябеды: барабан, барабаник, дятел, духарь, кап-кап, козел, копало, копальщик, плотник, стрелочник, фуганок); 4. способность говорящего к осуществлению эстетической функции речи, то есть способность к метафоризации как проявление интеллектуальных возможностей субъекта речи (15 номинаций шутника или остряка: горбушечник, горбушечница, горбушник, корочник, байкер, гонщик, кадр, понтярик накольщик, прикольщик, подкольщик, кадрист, кактус, пекарь, прехере, 5 – глупца: дятел, мороз, ручник, тормоз, тормознутый, 1 – субъекта неуместной речи: залепушник). Наименее значимыми речевыми признаками, положенными в основу номинации личности являются: способность к эмпатии (2 номинация брызги: бухтило, бухтила, 1 – несговорчивого человека: бычье); конфликтность речи (2 номинации скандалиста: барагоз, фрик); гармоническая организованность речи (4 номинации певца: аспирин, подбасок, сингер, сингерша); акустические свойства речи (1 номинация крикуна: хайло, 1 – тихони: дрыщ, 1 – молчаливого человека: морозко); свойство речи каузировать действия адресата в интересах адресанта (4 номинации попрошайки: аскагель, аскач, аскер, стрелок); репродуктивность речи (1 номинация имитатора: веденый, 1 – агитатора, лектора: гипнотезер).

Для молодежной речевой субкультуры оказываются важными признаки, отражающие недостоверность (более 1/3 всех номинаций) или незначительность (1/6) речевой информации, эстетические признаки речи как отражение интеллектуальных свойств адресанта и эмоционального воздействия на адресата (1/5). Если рассматривать последний признак как проявление речевой эмпатии, то выстраивается оппозиция: наличие – отсутствие эмпатии (остряк, шутник /15 неповторяющихся лексем/ – боюзга, несговорчивый человек, скандалист /5 лексем/), что придает признаку речевой эмпатии довольно высокий ранг (приблизительно 1/6 всех номинаций).

В целом следует отметить маргинальность речевых номинаций личности в молодежном сленге, поскольку они составляют лишь 1 % от всех

номинаций личности, а также традиционность, консервативность способов создания метафор. Так, основой метафоризации чаще всего (как и в туровских говорах) являются: 1. самые простые – двигательные представления (*веденый, гонщик, прогонщик, понтогон, фуфлогон, туфтогон, тюлькогон, фуфломет, кидала, фигурист, динама, динамист, динамистка, динамщик, динамщица, тормоз, тормознутый*); 2. фило- и онтогенетически первичные проксимальные ощущения (*кактус, мороз, морозко, подкольщик, популизатор, прикольщик, пушок, лепила, лепило, подлип, подлипало, залепушник*); 3. наиболее близкие к речи – акустические, звуковые явления и связанные с ними источники звука (*барабан, барабанищик, дятел, звонарь, звонок, звякало, кап-кап, каркучий, подбасок, позвонок, позвоночник, трубач, тявкало, телефонист*).

III. Номинация личности по речевым признакам в воровском жаргоне русского языка. В «Словаре тюремно-лагерно-блатного жаргона», составленном Д. С. Лихачевым, содержится 11 тысяч лексем, 1191 из которых называют человека, и только 52 лексемы из них (4,4 %) номинируют личность по речевым признакам. Наибольшим количеством лексем названы: доносчики (17 лексем: *дятел, вложник, танк, шавка, арабон, репортер, репортер из курилки, стажер, змей, капо, бледная спирохета, санитар, слон, форан, шинарь, шельма, лимур*), болтуны (14 лексем: *трёкало, трескало, спалин, ветрогон, базарило, ботало, губошлеп, клизма, кликуха, кличуха, баба, барабошка, рыгун, чечетка* + 2 лексемы со значением «крикун»: *глот, шавка*), лгуны (9 лексем: *тискало, тискай, рыгун, хоббист, босогон, дема, подсадчик, плетень, спонтер* + 1, называющая шутника: *балабон*). В остальных номинациях отражается либо степень владения данным социальным субкодом: знаток воровского жаргона, сквернослов (4 лексемы: *музыкант, форшмак, фаршмак, скобарь*), либо речь, в том числе и профессиональная, преследующая определенные коммуникативные цели: каузацию действий адресатов (5 лексем: *генерал, мозгодуй, гипнотезер, брехолог, брехун*). В данном социальном субкоде наибольшим количеством лексем названы признаки речи, отражающие характер передаваемой информации: закрытость (недоступность), незначительность, недостоверность речевой информации.

IV. Номинация личности по речевым признакам в древнерусском языке (предварительные материалы). По данным «Словаря русского языка XI–XVII веков», полученным путем сплошной выборки лишь из первых одиннадцати томов, все лексемы, называющие человека по речевому при-

знаку, можно условно объединить в несколько групп. Только в одном случае называется адресат речи (*ЛЮБОПОСЛУШАТЕЛЬ* /+сема «интеллект»/) и в одном – объект-адресат, на которого направлена магическая речь (*НАРОКЪ* /в знач. 12/). Остальные лексемы представляют собой номинацию субъекта речи: I. субъекта магической речи; II. мифологического субъекта речи; III. субъекта речи, содержанием которой выявляется в отношении к объекту речи (здесь выделяется несколько подгрупп по следующим признакам: 1. недостоверная информация об объекте речи, которая может передаваться и без ведома объекта, 2. отрицательная этическая оценка объекта речи, которая может передаваться и в присутствии объекта речи, в) положительная оценка объекта речи, тождественного адресату, сделанная субъектом речи в корыстных целях; IV. субъекта речи в его отношении к адресату речи (это номинации субъекта: 1. конфликтной речи, 2. речи, стимулирующей речь адресата, 3. речи, стимулирующей действия адресата /иногда в интересах субъекта речи/, 4. речи, запрещающей действия адресата, 5. речи, каузирующей движение адресата, 6. речи, вызывающей положительные или отрицательные эмоции адресата, 7. речи, являющейся реакцией на обстоятельства, связанные с адресатом, 8. речи, делающей информацию доступной для адресата, 9. речи, передающей важную, по мнению субъекта речи, информацию нравственного характера множеству адресатов речи, 10. речи, обладающей юридической ценностью и связанной с отторжением чего-либо от субъекта речи в пользу адресата); V. субъекта речи, выражающей эмоциональное состояние самого субъекта; VI. субъекта речи, представляющей собой нарушение морально-этических ограничений, запретов; VII. общая номинация субъекта речи, передающего информацию; VIII. субъекта речи, передающей истинную информацию; IX. субъекта речи, истинность или ложность которой определяется после момента речи; X. субъекта речи, содержание которой предсказывает будущие события; XI. субъекта речи, содержащей незначительную информацию; XII. субъекта речи в зависимости от степени владения речью (в том числе и номинация субъекта молчания), а также субъекта гармонически организованной речи; XIII. субъекта в зависимости от формы речи (устной или письменной); XIV. субъекта материализации речи; XV. субъекта интенсивной речи; XVI. субъекта речи, основная функция которой – номинативная; XVII. субъекта иноязычной речи.

Использованная литература

Тураўскі слоўнік. Тт. 1–5. Мінск, 1982–1987.

С. И. Левикова. *Большой словарь молодежного сленга*. М., 2003.

Д. С. Лихачев. *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона*. М., 1992.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Тт. 1–11. М., 1975–1986.

Key words:

Semantic structure, personality nomination, speech feature, speech act, speech producer, speech recipient, dialect speech, youth slang, information

Summary

The article identifies the peculiarities of personality nomination based on speech features in various social and territorial subcodes in Russian, Belarusian and Old Russian.

НЕСВОБОДНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ЯДЕРНЫМ СЕМАНТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ «ЗНАЧЕНИЕ, ЗНАЧИМОСТЬ» И ИХ РОЛЬ В ТЕКСТООРГАНИЗАЦИИ

И. А. Соколова, Тайвань, Тайпей

1. Связанные глагольно-именные словосочетания, опорным компонентом которых являются существительные, объединенные семой «значение, значимость», проявляют высокую активность в различных «подъязыках» научного стиля речи, в частности, в текстах социальных наук, а также в газетно-публицистическом стиле речи. Названные единицы можно рассматривать как одно из языковых средств, обеспечивающих целостность, связность различных смысловых сегментов дискурса. Учитывая особенности структурирования текста и его смыслового развертывания в анализируемых типах текстов, следует отметить, что эти словосочетания более всего характерны для вступительной, вводной части целостного, связного текста.

Цельнооформленность, связность и законченность текста любого жанра, а научного в особенности, определяются взаимодействием нескольких факторов, проявляющихся на разных уровнях текстовой организации. В их числе: 1) авторский замысел, или концепт, который сформировался у автора в самом общем виде и реализуется им поэтапно в зависимости от решаемых задач; 2) композиционная структура текста достаточно крупного объема; 3) типологические жанровые особенности; 4) тематическое развертывание текста, определяемое коммуникативными задачами; 5) языковые средства, соответствующие плану тематического развертывания. Учет названных факторов определил характер минимальной единицы членения и порождения текста, которая стала основой для описания его особенностей.

Принимая во внимание достаточно известные единицы сегментации текста, такие как *сложное синтаксическое целое* (Поспелов, 1948), *прозаическая строфа* (Солганик, 1973), *композиционно-речевые формы* (Брандес, 1971), *функционально-смысловые типы речи* (Нечаева, 1974), *последователь-*

ные (*тема-рематические*) цепочки (Данеš, 1974), формы контекстно-вариативного членения (Гальперин, 1981) и др., и не отвергая их, остановимся на характеристике текстоединиц, которые, по нашим наблюдениям, несут на себе отпечаток особенностей связного целостного текста и способны выступать единицей его членения. По результатам наблюдений за текстами гуманитарных (филологических, социальных) наук нами выявлены единицы текста, получившие условное название – *структурно-тематические компоненты* (Соколова, 1988; Соколова, 1996). Они близки к явлению, обозначаемому в современной коллоквиалистике термином *речевые жанры* (Бахтин, 1979; Шмелева, 1994; Дементьев, 1997 и др.) или «микрополя», выделенные в устной научной речи (Современная русская устная научная речь, 1994).

2. Как показывает композиционно (структурно)- тематический и языковой анализ составляющих научного текста в гуманитарных науках, подтверждаемый в определенной мере и данными по газетно-публицистическому стилю речи, для этих разновидностей научного текста свойствен определенный набор типовых текстоединиц – *структурно-тематических компонентов* текста.

Под структурно-тематическим компонентом (далее – СТК) мы понимаем относительно законченный фрагмент целостного текста, соответствующий определенному этапу реализации его общего замысла и тематического развертывания. Занимая более или менее фиксированную позицию в композиционно-смысловой *структуре* связного текста, СТК отражает один из типичных для конкретного жанра аспектов содержательного (*тематического*) развертывания и воплощен типологическими языковыми средствами. Из общего числа СТК (всего их 19) в докладе приводится перечень тех, в которых наиболее частотна рассматриваемая конструкция.

Независимые словосочетания с ядерным компонентом «значение», «значимость» в целом избирательны по отношению к номенклатуре СТК, как в научном, так и в газетно-публицистическом стилях речи. Чаще всего они реализуются *во вводной части* текста в следующих СТК: 1) «Постановка проблемы», 2) «История изучения проблемы/вопроса в литературе»; *в основной части* текста в СТК: 3) «Представление концептуально значимых для автора понятий», 4) «История возникновения понятий, категорий»; для газетно-публицистического текста типичен СТК «История наблюдений за явлениями, событиями, фактами», 5) «Класси-

фикация категорий, понятий, явлений» и др.; Для *заключительной части* текста типичен в этом отношении СТК «Оценка значимости исследования в теоретическом (практическом) аспектах». Из перечня СТК видно, что словосочетания с общей семантикой «значение», «значимость» востребованы там, где необходимы сопоставление и выделение рассматриваемых категорий, понятий, явлений и их оценка как особо значимых в ряду других.

3. Необходимо учитывать, что СТК могут включать в свой состав несколько микрокомпонентов, при этом важно проследить, в каких именно функционируют анализируемые нами словосочетания. В качестве примера в докладе рассматривается специфика смыслового развертывания СТК «Постановка проблемы» в научном и газетно-публицистическом дискурсах, где словосочетания с семантикой «значимость» наиболее частотны. Данный СТК распадается на несколько микрокомпонентов: 1) *формулировка темы* публикации (часто это переформулировка темы, заданной заголовком публикации), где под «темой» мы понимаем проблему (вопрос) или один из аспектов проблемы, ставшие основными объектами внимания автора; 2) *оценка значимости (актуальности) темы*. Этот микрокомпонент обычно содержит: а) собственно оценку; б) указание на место проблемы в более широкой сфере научных интересов автора. Его назначение – констатация и обоснование значимости проблематики, т. е. *представление* в качестве социально (научно) *значимой* для определенного круга исследований или читателей, а также *введение адресата в концептуальный мир* пишущего. По отношению к данному СТК все последующие – это этапы смыслового развертывания, расщепления основной темы – проблемы.

С точки зрения способов языкового выражения в разных СТК, средства выражения оценки в научном и в газетно-публицистическом стилях речи имеют в целом достаточно универсальный характер, но в последнем случае отличаются большим разнообразием лексических и лексико-синтаксических средств. В рамках оценочно-характеризующих глагольно-именных словосочетаний с базовым семантическим центром «значение», «значимость» выделяются следующие имена существительные: *интерес, внимание, влияние, значение, значимость, роль, влияние, звучание, приоритет, место* и др.

Так, при имени *интерес* функционируют глаголы или глагольно-именные сочетания с различными значениями: а) экзистенциальным,

фазисным или становления (*быть, являться, стать*) объектом интереса; *иметься; возникнуть, зародиться, возродиться, пробудиться* и др.); б) квалифицирующим (*представлять*); в) обнаружения (*проявляться, находить свое выражение в...*); г) каузативным (*вызывать, обуславливать, связать*); д) изменения состояния/признака (*расти - вырасти, возрасти, идти на спад, падать, повышаться* и т. п.). Часто, но не регулярно при существительных употребляются атрибуты, выраженные: а) прилагательными *большой, значительный, огромный, особый, пристальный, острый* в словосочетаниях с глаголами экзистенциальной и каузативной семантики и др.); б) причастиями, образованными от названных приименных глаголов изменения состояния/признака: *растущий, неослабевающий, повышенный*.

В докладе приводятся примеры функционирования данного типа связанных словосочетаний в газетно-публицистическом и научном стилях речи во вводной (вступительной) и в заключительной частях текстов. Примеры подтверждают, с одной стороны, диффузность выражаемой ими оценки, проявляющейся в различных СТК и наполняющих их микрокомпонентах, с другой – закрепленность рассматриваемых словосочетаний за определенными СТК целостного текста и их позиционирование: а) в зачине, т. е. в абсолютном начале публикации, сразу после названия, когда они открывают, вводят целостный текст; б) в начале абзаца, при открытии абзаца; в) в конце абзаца, при его завершении; г) в начале СТК; д) в итоговой части СТК. В последних двух случаях они служат границей между двумя соседними СТК в научной или иной прозе. Кроме того, словосочетания могут формировать начало выводов к СТК или даже к целостному тексту. Оценочный статус рассматриваемым сочетаниям обеспечивают имена существительные, часто в сочетании с атрибутами, усиливающими оценочно-характеризующий компонент семантики имен существительных. Между существительным и глаголом, обычно неполнозначным, возникают отношения восполнения. Благодаря ограниченному кругу имен прилагательных, функционирующих при различных существительных, семантика имен во многом сближается, приводя к формированию семантического оценочного поля «значимость», «значение».

Использованная литература

- Бахтин, М. М.: *Эстетика словесного творчества*. М. 1979.
- Гальперин, И. Р.: *Сменность контекстно-вариативных форм членения текста*. In: Дементьев, В. В.: *Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике*. In: Вопросы языкознания. 1997. С. 109–121.
- Нечаева, О. А.: *Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение)*. Улан-Уде, 1974. – 262с.
- Поспелов, Н. С.: *Сложное синтаксическое целое: основные особенности его структуры*. In: Доклады и сообщения Ин-та рус. яз. АН СССР. М., Л., 1948.
- Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. М., 1982. С. 18–29.
- Современная русская устная научная речь. Т.2. П/р О. А. Лаптевой. М., 1994. С. 3–48.
- Соколова, И. А.: *Особенности построения текста, раскрывающего историю изучения вопроса в специальной литературе*. In: Вестник Ленинградского университета. Серия 2. 1988. Вып. 1 (№ 2). С. 109–112.
- Соколова, И. А.: *Конструкция один из...: таксономический потенциал и функционально-синтаксические свойства в предложении*. In: Тайвань, Тайбей, Вестник Университета китайской культуры. 2004, № 7.
- Солганик, Г. Я.: *Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое): Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности русский язык и журналистика*. М.: 1973. – 214 с.
- Шмелева, Т. В.: *Речевой жанр: Опыт общелингвистического осмысления*. In: Collegium, Киев. 1994. № 1–2. С. 57–65.
- Daneš, F.: *Semantyczna i tematiczna struktura zdania i tekstu*. In: *Tekst język – problemy semantyczne*. – Wrocław, 1974.

Key words:

Structure and semantic component of the text (STC); word-combinations with a basic component semantic “significance, importance”

Summary

Word-combinations with a basic semantic component “significance, importance”, and their role in the segmentation of the text

The article deals with word-combinations with a basic component expressed by a noun, which has a semantic “significance, importance”. The author considers the functioning of these linguistic meanings in humanitarian and social sciences, revealing its high potential possibilities for composing of a complete

text (discourse). It might be represented in the beginning of the section of monograph, chapter and article. As well as it could be shown as a beginning or in the end of the “structure and semantic component” (STC) of the entire text. STC is a result of interaction and cooperation between composition and semantic structure of a scientific text, being a sign of changing of one STC by the other one.

РЕЧЕВОЙ ЖАНР КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ

Татьяна Тарасенко, Россия, Красноярск

Десять лет назад Т. В. Шмелева в своей работе написала: *«Сегодня, когда многие традиции отечественной филологии начала века получают вторую жизнь, а тогдашние темы снова входят в моду (например, социальные диалекты, язык города), вопрос о речевом жанре вполне естественно перемещается в центр внимания»* (Шмелева, 1995). В этой программной и других работах было дано определение речевого жанра, представлена модель его описания и поставлены задачи жанроведения: выявить номенклатуру первичных речевых жанров (далее – РЖ); подготовить монографические описания отдельных РЖ, включающие сведения об истории того или иного РЖ в русской общественно-языковой практике; создать энциклопедию РЖ с их типологией (глав «Обыденная риторика») – подготовить описания речевой практики с помощью понятия речевого жанра, а также речевого акта и речевого поведения; использовать данные о первичных РЖ в изучении систем вторичных жанров, в частности, художественной литературы (Шмелева, 1990; 1992).

В данной статье представлено описание группы этикетных речевых жанров (далее – ЭРЖ): благодарности, извинения, поздравления и соболезнования, их специфике функционирования за последние десять лет.

Изменения в социальной жизни российского общества, его открытость приводят к появлению новых социальных, финансовых и т. д. институтов и отношений. Меняется быт, идет активное заимствование не только новых слов, отражающих новые реалии изменившейся жизни. Происходит заимствования и в культурной жизни общества, вернее сказать, часто не заимствование, а прямой перенос в российскую действительность новых культурных объектов и сценариев: телевизионных шоу и программ, журналов, праздников и т. п. Следствием такого культурного «переноса» становится 1) появление новых речевых жанровых форм, в том числе и этикетных, и закрепление их в языке; 2) расширение сферы функционирования ЭРЖ: не только в бытовой, но и в деловой, политической, церковной и светской; 3) изменение функционирования ЭРЖ.

1. В связи с вручением всевозможных премий (литературных, телевизионных, театральных, кинематографических и т. п.) в средствах массовой коммуникации закрепляется такой жанр – ответная благодарность. Данный жанр не просто вновь реанимируется, а за образец жанра берется американская модель, например, при вручении кинематографической премии «Оскар». В советское время ответная благодарственная речь как ЭРЖ функционировал в политической сфере общения (например, в том числе и в виде лозунгов типа *Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!*). Во время перестройки данный жанр был на периферии жанровой системы. В девяностые годы XX-го столетия происходит освоение его вновь, но уже по другой модели, что иногда вызывает неприятие (неосвоение) западного образца. Ср. следующие примеры: (1) *Лауреатам было заранее предложено написать речи. Справился с этим тяжелым заданием лишь Гандлевский (кстати, совсем недавно он был обласкан и малым Букером). Савельев после долгой паузы устало выдавил одно слово: «Спасибо». А Бакин вообще не пришел, поручив зачитать текст в три строчки своей супруге (газ.)* и (2) *Господа тривиально шутили, дивы бессловесно раздирали конверты, публика визжала, награжденные благодарили жюри, маму, президента и пускали слезу* (М. Арбатова). В первом случае описывается вручение премии по новому сценарию: лауреат после вручения премии должен произнести ответную благодарственную речь, которая должна быть написана заранее, произнесена или прочитана на церемонии вручения самим лауреатом. В ответной благодарности должны быть упомянуты те лица, имена которых лауреат хочет отметить особо (причем набор лиц может быть стандартным или оригинальным; как показывает церемония вручения «Оскара», американские звезды обычно благодарят Бога, родителей, супругов, съемочную группу). ЭРЖ «ответная благодарственная речь» может включать в себя и невербальные элементы: слезы, поклоны, прижимание рук к груди, воздушный поцелуй, которые обычно функционируют в коммуникации как эквиваленты ЭРЖ благодарности (Тарасенко, 1999).

Другим примером появления новых этикетных речевых жанровых форм и закрепление их в языке – это поздравления с Днем святого Валентина и Хэллоуином. Следует отметить, что День святого Валентина (14 февраля) закрепился и получил широкое распространение в молодежной среде благодаря СМИ. Например: *День Святого Валентина хорош и тем, что его нет в официальном календаре. А для подарка достаточно ка-*

кой-нибудь мелочи, которая непременно должна иметь «знак» Дня влюбленных – сердце. Это может быть самодельная открытка, а в ней несколько нежных слов, коробочка конфет или ароматного чая в форме сердца, вкусный пирог, а впрочем – любая вещь, преподнесенная вместе с «валентинкой» (журн.). При этом в СМИ, как правило, не сообщается тот факт, что празднование Дня святого Валентина в западных странах носит скорее ироничный и шуточный характер; а для американцев «валентинка» это не только поздравление, но и уведомление об увольнении с работы (Томахин, 1992). Главный атрибут Дня всех влюбленных – это «валентинка», поздравительная открытка в форме сердца или с его изображением. В Англии и США «валентинки» – это открытки с уже напечатанными поздравлениями-четверостишиями, которые не требуют дополнительного текста, анонимные. Эта же традиция закрепляется в России, можно купить открытку с текстом, в который нужно только при желании написать подходящее имя, например: *Хочу быть с тобой в День Св. Валентина... и всегда! или Неважно, мы счастливы или грустны...или ужасно раздражены...Неважно, богаты мы...или бедны...А важно лишь то, что мы влюблены!* Особенность подобных поздравлений, что в них не присутствует сама формула поздравления *Поздравляю с Днем Влюбленных (Днем Святого Валентина)*, которая была бы обязательной в русской традиции. Эта же тенденция наблюдается в поздравительных открытках последних лет, их можно не подписывать от руки, так как текст в них уже присутствует, например, поздравления с Новым годом: *Папочка, ты напоминаешь мне Деда Мороза – своим веселым смехом, добрым сердцем...и даже фигурой. С Новым Годом!* или поздравление с Днем рождения: *Мама, спасибо, что ты всегда рядом... когда мне так нужна твоя поддержка! С Днем Рождения!* Как мы видим, в текстах таких открыток уже указан адресат: *Мама, папочка, мой дорогой, сестренка* и т. д., что делает их универсальными, т. е. автору поздравления нет необходимости называть адресата, адресат уже указан на открытке, нет необходимости и подписываться и автору поздравления. Итак, произошло не только прямое копирование праздника Дня святого Валентина, но и поздравительных открыток, поздравительных текстов. Хэллоуин – это карнавальное (игровое) действие, которое не имеет поздравительных клише в английском языке, в русской традиции праздник закрепляется также без специальных поздравительных форм.

2. Первичная и основная и сфера функционирования ЭРЖ – бытовая (или обыденная, повседневная): первичные РЖ реализуются в процес-

се непринужденного общения; вторичные реализуются в сфере научно-го, делового, политического общения, а также в художественной речи. В настоящее время наблюдается активное использование ЭРЖ в других сферах общения. Причина этого – изменение роли данных сфер общения в жизни рядового носителя языка. ЭРЖ в деловой сфере общения приобретают новую функцию: они становятся одним из элементов рекламной продукции и имиджа, поэтому широко представлены в городской коммуникации. При использовании ЭРЖ рекламода-тель преследует особую цель – доставить удовольствие себе и адресату, привлечь внимание потенциального клиента; и таким средством становится щитовая реклама: *Поздравляем. 2001. С Новым тысячелетием. Красалка* (Красноярский ликеро-водочный завод); *С днем Победы! Петр I* (реклама сигарет); *С Новым годом! Coca-cola*; Банк «Российский кредит» *поздравляет с 370-летием Красноярска!* или другие формы: магазинные чеки *Спасибочки за покупку* (на чеке в супермаркете «Красный яр» г. Красноярска); открытки *Фирма Паркер желает Вам успеха в Новом году! Parker*; объявления в маршрутном такси *Спасибо, что Вы выбрали наше такси*. Кроме этого ЭРЖ активно используются для создания благоприятного имиджа организации, независимо от формы собственности или муниципального статуса. Например: *29 ноября 23года Железнодорожному району С днем рождения, любимый район!* (щитовая реклама г. Красноярска); *Спасибо, что Вы не курите* (объявление в кафе); *Уважаемые посетители! Приносим извинения за неудобства в связи с ремонтом бассейна. Будет только лучше, а не хуже!* (объявление в фойе бассейна).

В связи с вхождением вновь в коммуникацию рядового носителя сферы церковного общения, в том числе и через СМИ, в храмах появляются тексты-инструкции «Как вести себя в храме», где регулируется поведение (в том числе и этикетное) человека, непосвященного в религиозное таинство. Из этой инструкции можно узнать, как следует обращаться к священнослужителю или как правильно извиниться: *Если Вы случайно кого-то задели или побеспокоили, Вам нужно извиниться. Следует извиниться и в том случае, если причиной беспокойства является не Вы.*

3. ЭРЖ из жанров интимного общения (по линии: автор – адресат) становятся жанрами городской (массовой) коммуникации. Так в Красноярске зафиксирована щитовая реклама с частными поздравлениями: *С Днем рождения, Аленка*; *С Днем рождения, котенок*; *С Днем рождения, Оксана Юрьевна.*

Другой пример изменения функционирования ЭРЖ связан с изменением содержательной части ЭРЖ, так наблюдается частичная десемантизация этикетного речевого жанра извинения. С нашей точки зрения, десемантизация ЭРЖ связана с влиянием на русский язык романо-германских (особенно-английского) языков. В русской культуре «извинение» всегда связывалось с понятием вины, если коммуникант не чувствовал за собой вины, он отказывался приносить извинения или заменял его жанром «сообщение».

Итак, изменения в социальной и культурной жизни современного российского общества привели к изменению функционирования ЭРЖ: они стали использоваться не только в личной сфере коммуникантов, но и стали достоянием общественности; ЭРЖ стали активнее использоваться в таких сферах общения, как деловая, политическая, светская и церковная; появились новые формулы и клише ЭРЖ как следствие культурного «переноса» в российскую действительность в основном западных праздников и телешоу. Современное общество терпимо относится к новым коммуникативным и языковым формам, это подтвердили и исследования функционирования русского языка в Восточной Сибири (Михайлов, 2001). Наблюдения над функционированием ЭРЖ в современной российской действительности показывают, что по отношению к родному языку каждый носитель языка в большинстве случаев проявляет себя как знаток и законодатель, который довольно терпимо относится к появлению новых форм в языке и без труда их осваивает.

Использованная литература

- Михайлов, А. В. Михайлова, Т. В. Тарасенко, Т. В. *О состоянии русского языка в Красноярском крае (к некоторым итогам новейшего исследования)*. In: Пайдейя (Ежеквартальный вестник образования). Красноярск 2002, № 1, с. 7–15.
- Тарасенко, Т. В. *Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование*: Диссер. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 1999. С. 93–95.
- Шмелева, Т. В. *Речевой жанр (Возможности описания и использования в преподавании языка)*. In: Russistik. Русистика. Berlin 1990, № 2, с. 20–32.
- Шмелева, Т. В. *Русская речь как лингвистический объект*. In: Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1992. С. 5–15.
- Шмелева, Т. В. *Речевой жанр: опыт общепилологического осмысления*. In: Collegium. Киев, 1995, № 1–2, с. 57–65.

Key words:

Speech genre, philology

Summary

The article analyzes the situation with the etiquette genres in modern speech practice. The changes in the functioning of the speech genre during the last ten years are shown. These changes are as following: 1) the appearance of the new speech genres in general and the new etiquette genres in particular and their language fixation; 2) the broadening of the functional sphere; 3) the changes of the etiquette speech genres in the content aspect.

СИСТЕМА КООРДИНАТ В СОЗНАНИИ И ЯЗЫКЕ РУССКИХ И УКРАИНЦЕВ

Светлана Терехова, Украина, Киев

Современная жизнь полна многообразия и отличий. В мире глобализации и интеграции все более актуальна необходимость взаимопонимания и сотрудничества между носителями разных языков и культур в целом. Единая система концептуального членения окружающего мира по-разному интерпретируется в языках, поэтому есть необходимость в выявлении специфики концептуализации пространства, времени и т. д. носителями разных языков, особенностей их языковых репрезентаций.

Своеобразными параметрами систематизации концептов окружающего мира является система пространственных, временных и личных координат. Её триипостасная структура отображает реальные формы существования материи – наиболее значимые параметры жизни человека. В системе «я – здесь – сейчас» человек проводит всю свою жизнь. Это не логико-математическая сущность, хотя в ней многое подчинено, так называемой, языковой логикой. И это не система физико-математических осей и параметров. Система координат в языке представлена относительными указательными единицами – репрезентациями разных видов референции, систематизированных в виде функционально-семантических полей пространственного, временного и личного указания. Многогранность и неоднозначность языковых интерпретаций анализируемого концепта определяют полипарадигмальный подход [1] оптимальным для его исследования. Он позволяет расширить сферу традиционного анализа языковых единиц в их соотношении с денотатами и сигнификатами, определить специфику языковой ментальности.

Концептуализация системы координат обусловлена рядом социально-языковых факторов: возрастной категорией, профессиональной и социально-классовой принадлежностью, местожительством, этнопсихологическими стереотипами, коммуникативно-прагматической установкой. Лингвистические категории (грамматическое время, темпоральность, локативность, персональность, аспектуальность, модальность и т. д.)

и экстралингвистические (объективное время и пространство, художественное время и пространство, авторское время, виртуальное время и пространство, биологическое время, физическое время и пространство и проч.) служат средствами репрезентации системы координат настолько, насколько они содержат в себе относительное, абстрактное указание и способны идентифицировать пространственные, топоместические, временные, личные; акциональные и интеракциональные отношения [3]. Те же факторы предопределяют выбор языковых и речевых средств репрезентации анализируемых концептов.

Система координат как фрагмент пространственно-временной концептуальной системы формируется под влиянием отображения этническим сознанием опыта идентификации окружающего мира в процессе исторического развития общества и познания. Ментальный фактор, наряду с национальным и индивидуальным сознанием, реальным, внешним, окружающим миром определяют национальную языковую картину мира.

Исследование показало, что для целенаправленной характеристики концепта «система координат» русские и украинцы используют чаще всего физико-математическую систему двух и/или трех измерений (80 % русских респондентов и 85 % украинцев описали ее именно так) с традиционной точкой отсчета – нулем (около 60 % в каждой группе респондентов). Почти все респонденты указали направления измерений – оси x , y и z . 40 % респондентов поместили в свои изображения системы координат другие сущности – точки, линии, фигуры и проч. 6 % украинцев и 10 % русских отказались изображать анализируемый концепт графически, считая это не возможным. Таким образом, система координат как концепт для носителей анализируемых языков – это прежде всего схема проекций/измерений, коррелирующая с традиционной пространственной схематизацией точных наук. Эта модель отличается от репрезентации «повседневной» системы координат (т. е. основных параметров жизнедеятельности) человека. В обеих группах респондентов вместо традиционных пространственных плоскостей были указаны «плоскости» пространства и времени, а изначальной точкой отсчета избран сам говорящий, реже – другой человек. В анкетах 3 % русских респондентов и 5 % украинцев представлены неординарные репрезентации анализируемого концепта: христианские триипостасные изображения (укр.), решетки (рус.), глаз (укр.), круг (укр.), закрашенная зона неопределенной фор-

мы (рус.), прямая линия, соединяющая противоположно направленные прошлое и будущее (рус.), два сердца (укр.), знак бесконечности (укр.), «индифферентная» зона (укр.), восточный знак гармонии янь-инь (рус.) и др. Эти и другие факторы позволяют охарактеризовать представления русских респондентов как несколько более типичные, стандартные, иногда упрощенные по сравнению с ответами украинцев, разнообразными, нетрадиционными в видении анализируемого концепта. Данная тенденция прослеживается и в результатах свободного ассоциативного эксперимента.

В тоже время, в обеих группах респондентов четко прослеживается отождествление системы координат с пространственно-временными измерениями. Большинство респондентов ассоциируют точку отсчета с дейктическим центром *я - здесь - сейчас* [3, 4]. «Профессиональное» видение системы координат отличается от репрезентаций обычных, среднестатистических респондентов (русских и украинцев).

Среди языковых единиц, используемых респондентами для вербальной репрезентации характеристик системы координат, наиболее частотны лексемы и фраземы функционально-семантического поля указания (преимущественно дейктического) [ср.: 5: 50–54], локативности, аспектуальности и темпоральности [6, ср.: 7].

Сопоставление анкетных данных со словарным материалом показало, что:

1. В сознании носителей анализируемых языков четко дифференцированы концепт и понятия «система координат». Понятия все более тяготеют к узкоспециальным, профессиональным репрезентациям и дефинициям. Концептуальная репрезентация проецирует языковые репрезентации.
2. В повседневной жизни (и языке) актуальна система пространственных, временных и личных координат с точкой отсчета «*я - здесь - сейчас*». Ее языковые модификации (*ты - там - тогда, он - здесь - сейчас, они - там - сейчас* и др.) являются базовыми в концептуальной и языковой картинах мира [8]. Дейксис выступает основополагающим в формировании языковых репрезентаций «системы координат».
3. В репрезентациях русских и украинских респондентов прослеживается неоднозначность анализируемого концепта. Более стереотипны, стандартны репрезентации русских, более неоднородны и своеобраз-

- ны – у украинцев, что восходит, в некоторой степени, к традиционным национальным качествам открытости, простоты, широты и т. д.
4. В анализируемых языках система координат представлена тремя глобальными репрезентациями, которыми являются функционально-семантические поля пространственного, временного и личного указания. Их сегментно-ярусная структура во многом подобна. Более всего отличия имеют место на уровне структурных единиц (преимущественно наречий) и их функций.

Таким образом, концептуальные, ассоциативные и языковые репрезентации «системы координат» являются «...основой, всегда присутствующей в нашем сознании как связь человека с миром, по которой происходит познание, ... анализ и вербализация, обязательные и актуальные для человека здесь и сейчас» [9: xxiv].

Библиография

- Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. (опыт парадигмального анализа) // *Язык и наука конца XX в.* – М., 1995. – С. 144–238.
- Терехова С. І. Генеза поняття дейксису та його видів (субкатегорій) // *Проблеми семантики слова, речення, тексту.* – Вип. 11. – К.: КНЛУ, 2004. – С. 126–132.
- Fillmore Ch. I. Lectures on Deixis. Lecture Notes Nr. 65. – Stanford, California: CSYI Publications Center for the Study of Language and Information, 1997. – 145 p.
- Тараненко О. О. Відображення суспільного сприйняття світу в семантиці мови // *Мова і культура.* – К.: Наукова думка, 1986. – С. 91–137.
- Хмелевская М. А. Функционально-семантическое поле дейксиса в современном английском языке // *Вестник С.-Петербургского университета.* – 1993. – Серия язык, литература, история. – № 4. – С. 50–54.
- Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики. – С.-Пб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2001. – 260 с.
- Andersson S.-G. Zur Interaktion von Temporalität, Modalität, Aspektualität und Aktionsart bei den nichtfuturischen Tempora im Deutschen, Englischen und Schwedischen // *Tempus - Aspekt - Modus: Die lexikalischen und grammatischen Formen in den germanischen Sprachen* / Hrg. Von W. Abraham, Th. Janssen. – Tübingen, 1989.
- Терехова С. І. Базова репрезентація системи особових, часових і просторових понять в українській, російській та англійській мовах // *Проблеми зіставної семантики 2005.* – К.: КНЛУ, 2005. – С. 67–72.
- Brisard F. Introduction: the epistemic basis of deixis and reference // *Cognitive research grounding. The epistemic footing of deixis and reference.* – Berlin.- New York: Mouton de Gruyter, 2002. – P. xi–xxxiv.

Key words:

Deixis, the field of indication, conceptual world picture, language world picture

Resume

This article is devoted to the problem of representation of the concept “the system of coordinates” in comprehension of the Russian and Ukrainian people. The above research is based on contrastive, associative and cognitive analyses of language units of the Ukrainian, Russian and English languages.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ НАУЧНОЙ РЕЧИ В ОБЛАСТИ СИНТАКСИСА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (В РУССКО-ЧЕШСКОМ СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ)

Гелена Флидрова, Чешская Республика, Оломоуц

Проблематике сопоставительного русско-чешского или чешско-русского описания синтаксиса в чешской лингвистической русистике посвящен целый ряд монографий, сборников и статей русистов-синтаксистов. Начало сопоставительного исследования у нас относится еще к годам после второй мировой войны.

Целью сопоставительного метода лингвистического описания является углубленное познание языковой системы и применение теоретических знаний на практике, т. е., в нашем случае, в процессе обучения русскому языку и транслатологии студентов-русистов.

Изучение синтаксических явлений, количество которых при сопоставлении является практически неограниченным, представляет широкие возможности для познания системных отношений в исследуемых языках.

К основным предметам исследования наших русистов относится и всестороннее изучение научного стиля русского языка в сопоставлении с чешским. Это связано также с новой ориентацией в обучении русскому языку у нас, а именно с подготовкой русистов-бакалавров, для которых необходимо освоение лингвистической специфики русской научной речи в устной и письменной форме.

Черты стиля научной речи находят свое выражение на всех уровнях языка. Наиболее характерной для этого стиля является синтаксическая организация текста, хотя внимание лингвистов часто концентрируется главным образом на лексических особенностях научной речи, т. е. прежде всего на вопросах терминологии.

Общеизвестно, что к основным особенностям синтаксиса русской научной речи относится, например, преобладание именных конструкций над глагольными, частое употребление безличных и неопределенно-личных предложений, частое употребление полупредложений, т. е. причастных и деепричастных оборотов, являющихся синтаксическими

синонимами придаточных предложений, далее, употребление так наз. псевдопридаточных предложений и мн. др.¹

Именной характер научного стиля выражается прежде всего в том, что в научном стиле преобладают имена существительные и прилагательные, между тем как глаголы на втором плане. Тем обусловлено и то, что, сравнивая употребление конструкций с именным и глагольным сказуемым, лингвисты приходят к выводу, что в научной речи значительно больше конструкций с именным сказуемым, чем с глагольным.

Н. М. Лариохина (1979) объясняет высокую относительную частотность именного сказуемого тем, что в нем реализуется описание предмета, явления, процесса, определение понятия, т. е. таких компонентов содержания, которые присутствуют почти в любом научном тексте. В присвязочной части именного сказуемого встречаются существительные, прилагательные, краткие формы страдательного причастия и количественно-именные сочетания.

Примеры:

Артефакт - всякий продукт деятельности человека.

Металлические материалы очень многочисленны и разнообразны.

Органы чувств у членистоногих развиты обычно очень хорошо.

Резонансная частота конструкции - 10 герц.

Абсолютное большинство конструкций с именным сказуемым употребляется в форме настоящего времени; это, по мнению О. Д. Митрофановой (1973), соответствует тому, что в них широко представлены значения постоянного свойства предмета и общей констатации факта.

Средством выражения предикативных категорий в именном сказуемом является связка *быть* и семантически неполные связочные и полусвязочные глаголы, как, напр., *являться, представляться, состоять, стать, становиться, казаться, оказаться, считаться* и нек. другие.²

¹ Проблематикой синтаксиса научного стиля занимаются в русской лингвистике, напр., Н. М. Лариохина, Е. Н. Ширяев, синтаксис чешского научного стиля исследует, напр., М. Елинек.

² Более подробно см. Р. Зимек (1963).

Связка *быть* в настоящем времени чаще всего имеет нулевую форму, выражая таким образом грамматические категории настоящего времени и изъявительного наклонения.

Чешским эквивалентом русской нулевой связки являются формы связки *býti* (*je, jsou*, в отрицательной форме *není, nejsou*).

Ср., напр.:

Хлор – газ. *Chlór je plyn.*

Вода не газ. *Voda není plyn.*

Для русского языка типичны также распространенные в научной речи конструкции с нулевой связкой после слова *это*.

Напр.:

Хлор – это газ.

Равномерное движение – это движение с постоянным ускорением.

Слово *это* в русской грамматической традиции считается частицей, придающей высказыванию характер объяснения (ср., напр., Н. М. Лариохна, 1979). В чешской и словацкой лингвистике слово *это* считают, вслед за Р. Зимеком (1963), занимавшимся проблематикой именного сказуемого наиболее подробно, дейктическим подлежащим, параллельным подлежащему, выраженному в начале предложения.

Чешским эквивалентом таких конструкций являются конструкции с выраженной связкой *býti* (*je, jsou*): *Chlór je plyn*. Не исключается, однако, и эквивалент с местоимением *to* (*Chlór – to je plyn*), но он не типичен для строго научного стиля.

Менее часто в русской научной речи встречается именное сказуемое с выраженной связкой в настоящем времени при помощи слов *есть* и *суть*.³

Связка *есть/не есть* является застывшей, неизменяемой формой настоящего времени и в научной речи ее можно употребить в отношении не только к 3 л. ед. числа, но и к 3 л. мн. числа.

³ В русской грамматической традиции слово *есть* называют частицей-связкой. Ср., напр., Н. М. Лариохна (1979).

Напр.:

Водород есть газ без цвета и запаха.

Хлор не есть жидкость.

Причастия есть регулярные отглагольные прилагательные.

Связка *суть* является формой настоящего времени связки *быть* для 3 л. мн. числа; ее можно свободно заменять связкой *есть*. Она считается устарелой, но, по нашему материалу, в современных научных текстах опять появляется.

Напр.:

Социальные факты суть вещи, существующие лишь в сознании индивидуумов.

Чешским эквивалентом связки *есть* для 3 л. ед. числа являются формы связки *býti* – *je* или *jest*. Форма *jest* считается, однако, устаревшей и все более редко встречается и в чешской научной речи.

Чешским эквивалентом связки *есть* для 3 л. мн. числа и связки *суть* является форма связки *býti* – *jsou*.

Русские связочные и полусвязочные глаголы переводятся на чешский язык чаще всего опять при помощи связки *býti*, так как в чешском языке не существует абсолютно столько точных эквивалентов этих глаголов.

Примеры:

Водород является самым легким газом. – Vodík je nejlehčí plyn. Ртуть представляет собой жидкий металл. – Rtuť je tekutý kov. Вода считается самым распространенным на Земле веществом. – Voda je (pokládá se za ...) nejrozšířenější látka na Zemi.

Следовательно, русскому именному сказуемому с нулевой или выраженной связкой *быть* и со связочными и некоторыми полусвязочными глаголами в чешской научной речи соответствует именное сказуемое преимущественно со связкой *býti*. Этот факт следует учитывать при переводе чешского связочного *býti* на русский язык. Нельзя переводить механически, так как не каждому связочному *býti* соответствует и в русском языке связка *быть*. Необходимо искать подходящие русские эквива-

ленты, правильно выбирать из набора разнообразных русских связочных и полусвязочных глаголов.

Связку *быть* следует отличать от экзистенциального (бытийного) глагола *быть*, образующего глагольное сказуемое. Синонимами к экзистенциальному *быть* выступают глаголы *иметься* и *существовать*, к связочному *быть* – *являться*.

Для выражения настоящего времени экзистенциальный глагол *быть* употребляется как в нулевой форме, так и в форме *есть* (то же самое касается и связки *быть*).

Примеры:

В этом случае перед нами результат влияний и заимствований.

Есть известное единство и в членении этой огромной тысячелетней эпохи.

Есть удивительно красивые бабочки.

Чешским эквивалентом нулевого и выраженного экзистенциального *быть* является форма настоящего времени чешского экзистенциального глагола *býti* (*je, jsou, není, nejsou*). Однако, в отличие от русского языка, где возможно сочетание формы *есть* (т. е. формы 3 л. ед. числа) и с подлежащим в множественном числе (ср. вышеприведенный пример *Есть удивительно красивые бабочки*, где речь идет о так наз. несогласованном глагольном сказуемом), в чешском языке употребляется только согласованная форма глагола *býti* (*Jsou/existují neobyčejně krásní motýli*).

В математических текстах встречается, по сведениям Е. Н. Ширяева (2001), синоним к экзистенциальному *быть* – глагол *иметься*.

Напр.:

Между частотой и длиной волны имеется определенная связь.

Имеется два ряда цифр.

В чешском языке здесь встречается прежде всего экзистенциальный глагол *býti* или глагол *existovat*.

Напр.:

Mezi frekvencí a vlnovou délkou je/existuje určitá souvislost.

Для учебников и популярно-научных текстов типичен переходный глагол *míti*.

Напр.:

Máme dvě řady číslic.

Русский научный стиль отличается большой сложностью синтаксического построения. Одной из причин является накопление распространяющих членов в простом предложении вместо употребления синонимических придаточных предложений в сложном предложении. Это предъявляет повышенные требования к читателям и в случае устной формы научного изложения прежде всего к слушателям.

В качестве примера можно привести широко распространенные и в научном стиле активные конструкции с существительными, выстроенными в цепь родительных падежей в роли несогласованных определений.

Напр.:

принцип построения графика функции распределения молекул идеального газа - здесь шесть родительных падежей нанизаны на одно существительное

В других стилях такие конструкции неуместны. Их высокая частотность в стиле науки обусловлена, по словам Н. А. Басилой (1984), и тем, что они представляют собой одну из самых «удобных» для номинации того или иного научного понятия конструкций, формирование и употребление которых связано с потребностями расширения номинативных средств языка.

Чешскими эквивалентами русских цепей родительных падежей в простом предложении являются преимущественно сложные конструкции с соответствующими придаточными предложениями.

Ср., напр.:

объяснение характера отношения определения к определяемому - objasnění toho, jaký charakter má vztah přívlastku k rozvíjenému členu

Из широкой проблематики синтаксиса простого предложения в научной речи мы здесь коснулись только некоторых проблем, интересных, по нашему мнению, с сопоставительной точки зрения. Многие результаты сопоставительного исследования могут быть полезны для дидактической практики при обучении студентов-русистов русскому языку и транслатологии.

Использованная литература

- Арутюнова, Н. Д., Ширяев, Е. Н.: *Русское предложение. Бытийный тип*. Русский язык, Москва 1983.
- Басилая, Н. А.: *О генитивных конструкциях в научном стиле речи*. In: Синтаксические структуры. Изд. Красноярского университета, Красноярск 1984, с. 106–112.
- Jelinek, M.: *Odborný styl*. SaS XIV, 1955, s. 25–37.
- Лариохина, Н. М.: *Вопросы синтаксиса научного стиля речи*. Русский язык, Москва 1979.
- Митрофанова, О. Д.: *Язык научно-технической литературы*. МУ 1973.
- Сборник упражнений по синтаксису научной речи* (под ред. Н. М. Лариохиной). Изд. Московского университета, Москва 1965.
- Ширяев, Е. Н.: *Семантико-синтаксическая структура бытийных предложений и особенности ее реализации в разных функциональных разновидностях языка*. In: Традиционное и новое в русской грамматике. Изд. «Индрик», Москва 2001, с. 227–235.
- Zimek, R.: *Problematika spony v ruštině v porovnání s češtinou*. AUPO, Philologica 9, SPN, Praha 1963.
- Žaža, S.: *K postavení přívlastku*. In: Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české I. Praha 1956, s. 162–179.
- Жажа, С.: *К проблематике сопоставительного описания синтаксиса*. In: Вопросы изучения русского языка в сопоставлении с другими языками. Изд. Московского университета, Москва 1986, с. 52–60.
- Žaža, S.: *Ruština a čeština v porovnávacím pohledu*. MU, Brno 1999.

Key words:

style of science, contrastive approach, syntax of simple sentence, verbonominal predicate, copula, copular and semi-copular verbs, verbal predicate, chain of genitive cases, non-congruent postmodifying attribute

Summary

On Some Peculiarities of Style of Science in Syntax of Simple Sentence

Within the framework of investigating the syntax of simple sentence in Russian and Czech style of science, the author is concerned with the issue of verbonominal predicate. Apart from the use of the copular verb *byt'*, the outstanding feature of Russian verbonominal predicate is the occurrence of various copular and semi-copular verbs corresponding in most cases solely to the copula *býti* in Czech. Partial attention is devoted to Russian verbal predicate containing the lexical verb *byt'* and non-congruent postmodifying attribute expressed by means of a chain of genitive cases which is particularly widespread in Russian style of science. Contrastive approach to the investigation is regarded to be important for both teaching and translation practice of Russian studies students.

АББРЕВИАТУРЫ В ПРИМОРСКОЙ ХРЕМАТОНИМИИ КОНЦА XX ВЕКА

Божена Франковска-Козак, Польша, Щецинский университет

В конце XX века, наиболее продуктивной группой собственных имён в Польше являлись хремотонимы¹. Теоретические основы хремотонимии разработали лингвисты словацкие, напр., Milan Majtan², и чешские, напр., R. Šrámek³.

Происхождение представленных в настоящей статье названий онимических объектов связано с приватизацией польского хозяйства. Рост количества экономических субъектов является причиной возникновения их названий – логонимов⁴.

Материал для анализа составляют логонимы, которые возникали в период трансформации польского хозяйства в конце XX века в северо-западной Польше.

Целью работы является представление образованных в настоящее время названий экономических субъектов.

Языковой материал составляют названия фирм, предприятий, оптовых складов и других учреждений западного и среднего Приморья, действующих в гг. 1999–2000, которые имеют форму аббревиатуры.

Названия, которые являются предметом настоящей статьи, возникали в результате разнообразных онимических процессов. Большинство собранных названий составляет группу новообразований, к которым относятся аббревиатуры, сложные слова и другие. Более узкую группу образуют переносные наименования, среди которых выступают лексемы с разной семантической ценностью. В обеих группах находятся названия,

¹ E. Breza, Nazwy obiektów i instytucji związanych z nowoczesną cywilizacją (chremonimy), [w:] Polskie nazwy własne. Encyklopedia, pod red. Ewy Rzetelskiej-Feleszko, Warszawa-Kraków 1998, s. 343–344.

² M. Majtan, Klasifikácia chrématonyma z hlediska teorie a praxe. Red. R. Šrámek a L. Kuba. Brno 1989, s. 13.

³ R. Šrámek, Chrématonymický objekt, [w:] Chrématonyma z hlediska teorie a praxe. Red. R. Šrámek a L. Kuba. Brno 1989, s. 13–20.

⁴ M. Imrichová, Logonymá v systéme slovenčiny, Prešov 2002, s. 10.

которые имеют чужое звучание, с несвойственной польскому языку графикой и стилизованные на иностранные слова, принадлежащие к разным словообразовательным категориям.

Эти наименования имеют форму лексемы, словесного сокращения, аббревиатуры (буквенной, звуковой, смешанные типы), сложного слова (к которым относятся языковые гибриды), фразы, предложного сочетания (выражения, синтаксической группы) и др.

Многочисленную группу составляют аббревиатуры. В исследуемом материале были выделены четыре группы аббревиатур, по классификации J. Puzyniny⁵, которая подразделяет аббревиатуры с точки зрения предмета дезинтеграции, т. е. элементов, которые остаются в сокращении после процесса дезинтеграции.

Выделенные автором группы аббревиатур с точки зрения предмета дезинтеграции, (иначе: элементов, которые остаются в сокращении после процесса дезинтеграции), представляются следующим образом:

1. **Буквенные аббревиатуры** – образованы из названий первых букв слов, входящих в составное наименование – в анализируемом материале находится лишь один пример такого типа: *HMB (Hurtownia Materiałów Budowlanych, «оптовый склад строительных материалов»)*. Остальные наименования, образованные из названий первых букв элементов, входящих в составное наименование, можно определить как наименования – символы. Это в большинстве случаев наименования с английским & (анг. and – и). Читаются они обычно без перевода английского & (и), как напр.: *W and B*. В состав этой группы входят следующие примеры: *A&M (Sklep z Obuwaniem Sportowym «магазин со спортивной обувью»)*, *G&P (Hurtownia Kosmetyków «оптовый склад косметики»)* и др.
2. **Звуковые аббревиатуры** – сочетания начальных звуков слов, входящих в составное наименование, напр.: *GOIT (Gorzowski Ośrodek Informacji Turystycznej «гожовский центр туристической информации»)*.
3. **Групповые аббревиатуры** – возникают в результате сочетания двух или трёх слогов, которые являются основой наименования. Часто начальные элементы, входящие в состав аббревиатуры – больше слога. В исследуемом материале групповые аббревиатуры составляют самую многочисленную группу, напр.: *NITANI (коммерческое предприятие, со-*

⁵ J. Puzynina, *Skróty językowe – charakterystyczna struktura XX w.* [W:] *Z problemów współczesnych języków i literatur słowiańskich*, Warszawa 1976, s. 81.

ставные компоненты – это фамилии: (Ni)ска, (Ta)rarum, (Ni)eborak); *ELDO* (*оптовый склад напитков*, компоненты наименования – это имена: (El)żbieta, (Do)rota) и др.

4. **Аббревиатуры смешанного типа** – буквенно-групповые, буквенно-звуковые и др., напр.: *MASZ* (*оптовый склад продовольственных товаров*, компоненты наименования – это фамилия и имя (Ma)łgorzata (Sz)łałachowska); *MARWIK* (*торговое предприятие*, компоненты наименования – это имена и фамилии: (Ma)rek, (W)ojciech, (I)wazsko, (K)asiński); *PUHEX* (*оптовый склад обуви*, компоненты наименования – это определения, касающиеся направления деятельности фирмы (p)rodukcja «производство», (u)sługi «услуги», (h)andel «торговля», (ex)port «экспорт») и др.

Ad. 1 Буквенные аббревиатуры – образованы из названий первых букв слов, входящих в составное наименование⁶.

1.1 Названия мотивированы первыми буквами имён: *MAK* (*магазин с одеждой*, название образовано из первых букв имён членов семьи владельца фирмы: Marek, Anna, Karolina – буквы были соединены таким образом, чтобы образовать аппелятив «мак»); *ATA* (*оптовый склад продовольственных товаров* – из первых букв имён: Andrzej, Tomasz, Andrzej) и др.

1.2 Названия мотивированы именем и фамилией: *ERJOT* (*оптовый склад магнитофонных плёнок*, от инициалов владельца фирмы); *BM* (*магазин с одеждой*, образовано из первых букв имени и фамилии владельца фирмы) и др.

1.3 Буквенные аббревиатуры с союзом – названия символы. В состав этих названий входит английский соединительный знак & (анг. and в знач. и) или союз «и».

1.3а Основой являются первые буквы имён владельцев или совладельцев, роль союза играет & или и: *A&M* (*магазин с одеждой и обувью*, название от имён (A)lina, (M)arek); *G&P* (*оптовый склад косметики*, название от имён (G)rażyna, (P)iotr) и др.

⁶ В. Frankowska-Kozak, Nominativnyje tendencii v hrematonimii (izbrannyje primieri). [W:] Teaching/Learning paradigm of foreign languages, International Conference Materials, November 15, 2002, chief-editor – Assoc. Prof. Dr. Juozas Korsakas, Šiauliai University 2002, s. 201-202.

1.3b Основой являются первые буквы фамилий совладельцев: *E&D* (химический магазин, фамилии (E)ngel, (D)robny); *M&W* (многоотраслевое предприятие, (M)adaliński, (W)oźnica) и др.

1.4 Другие буквенные аббревиатуры – нетипичные, напр.: *EWADO* (магазин со стеклом, название было образовано путём случайного подбора букв, «Оно не имеет определённого значения, не имеет связи с продаваемым товаром, было образовано в связи с хорошим звучанием»); *3×M* (киоск, буква 3 обозначает здесь число имён: Magda, Mariusz, Małgorzata).

Буквенных аббревиатур – немного. Хотя они короткие и сжатые, но не имеют информативной и экспрессивной ценности. Их значение можно понять или опираясь на внеязыковой коррелят названия (коррелятом является полное название, которое можно определить как исходное), или на информацию от основателей фирмы.

Ad. 2 Звуковые аббревиатуры – их компонентами являются звуки, соответствующие буквам сокращения. Чтение аббревиатур такого типа состоит в том, чтобы придать буквам и их соединениям фонетическое оформление согласно языковой системе: *ALGA* (многоотраслевое предприятие, A-Adam, L-Leszek, G-Grażyna, A-Andrzej, звуки a, l, g, a); *ARO* (рекламное агентство, звук a – от agencja «агентство», r – от reklama «реклама», звук o «чтобы звучало оригинально»); *AS* (спортивное агентство, звук a – от agencja «агентство», s – от sportowa «спортивное») и др.

Оценивая языковую правильность аббревиатур, нужно учитывать между прочим их звучание и чувство эстетики говорящих, у которых некоторые аббревиатуры могут вызывать неожиданные ассоциации со звуковой формой других слов, функционирующих уже в языке в ироническом, шутовском или отрицательном значениях.

Во многих случаях, создатели аббревиатур, образуя названия фирм, учитывали звучание этих названий, напр.: *ARO* (рекламное агентство – здесь был добавлен звук o, который не входит в состав мотивирующей основы). В итоге появилось много так называемых стилизованных сокращений.

Звуковые аббревиатуры лишены информативной ценности, но соответствующее соединение звуков может принести эффектный результат. Нельзя этого сказать о звуковых аббревиатурах типа: *MAAV*, *AACA*. Магазин, продающий канцтовары, рекламировался как: *Pewność* «уверенность», *Efektywność* «эффективность», *Niezawodność* «надёжность».

В результате соединения первых звуков этих слов возникла лексема - *PEN* (что по-английски обозначает ручку - название получило информативную ценность). Мотивирующей основой названия *AS* является *Agencja Sportowa* «спортивное агентство». Но «*as*» это тоже человек лучший в какой-то области, мастер, знаменитость, «*as wywiadu*», «*as sportu*». Таким образом название является одновременно рекламой агентства.

Ad. 3 Групповые аббревиатуры- это вместе с дезинтегральными сложениями - самые частотные хремотонимы. Их популярность оправдывается тем, что в них соединяются 2 основные черты хорошего названия: сжатость и информативность (они несут информацию о деятельности фирмы или о её владельцах).

Ad. 4 Аббревиатуры смешанного типа - в этой категории можно выделить подтипы: буквенно-звуковые, буквенно-групповые и буквенно-звуково-групповые. Они представлены единичными примерами. Самую многочисленную группу среди аббревиатур смешанного типа составляют звуково-групповые, значит такие, в состав которых входит как минимум один слог, который соединяется со звуком и образует название, обладающее информативной ценностью.

Многочисленную группу составляют названия, мотивированные именами, фамилиями владельцев, других членов фамилии или известные фиктивные лица. Здесь выделяются следующие группы:

- названия от полных женских имён;
- названия от сокращенных или ласкательных женских имён;
- названия от полных мужских имён;
- названия от сокращённых или ласкательных имён;
- названия, образованные от части имени, фамилии владельца.

Немногочисленную группу составляют названия, которые мотивируются именами и выражаются в виде символов.

Key words:

As a result of transformation of Polish economy at the end of 20th century, the most frequent group of names of economic objects are abbreviations. Chrematonymy, logonyms, abbreviations, names.

Summary

Abbreviations in Pomerania chrematonymy at the end of the 20th century

The aim of the paper is to present the names of business enterprises created nowadays, the origin of which is connected with the privatization of the Polish economy at the turn of the eighties and nineties.

The research material comprises 1000 names (firms, companies, wholesale firms, customer services and other examples of enterprises functioning in the years 1990–2000 on the area of Pomern.

The development of numerous enterprises is conditioned by the participation of the private sector.

The collected names of different categories of enterprises (i. e. chrematonyms) vary greatly in respect to their word-formation structure and the motivation, as a result of which they were created.

ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКОЙ СТИЛИСТИКИ: ОТ ФУНКЦИИ К ИНТЕНЦИИ

Георгий Хазагеров, Россия, Москва

Разработанный Пражским лингвистическим кружком функциональный подход к языковым явлениям оказался чрезвычайно плодотворным для языкознания и созвучным общей научной парадигме второй половины двадцатого века с ее представлениями о системе, функции, адаптации, среде и т. п. Однако само функционирование языка в начале двадцать первого века протекает в новых условиях, и это побуждает нас обратиться к истокам функционального подхода – к понятию функции и функционирования.

Актуальность такого обращения особенно заметна в отношении современного русского литературного языка. С одной стороны, наблюдаются серьезные стилевые сдвиги, диктуемые социальными изменениями и новыми информационными средами. С другой стороны, стилистика не поспевает за этими изменениями, сохраняя номенклатуру функциональных стилей, отражающую то состояние, когда «функциональность» выражала не интересы говорящих, а лишь нужды тоталитарного государства. Возникает некая антиномия современной нормы, в том числе и нормы стилистической. Принцип коммуникативной целесообразности норм, выдвинутый еще пражанами, сегодня как бы раздваивается. То, что целесообразно в пределах одного речевого акта, скажем, в рекламе, может оказаться контрпродуктивным для всей коммуникации в целом. Это вызывает своеобразный невроз у лингвистов, которые колеблются между возвращением к пуризму и узаконением языкового хаоса.

Итак, присмотримся к феномену функциональности. В определении стилистики, данном в недавно вышедшем словаре «Культура речи» функциональность упоминается трижды [Бельчиков, с. 676]. Академик В. В. Виноградов, признанный авторитет в области русской стилистики, в статье «Итоги обсуждения вопросов стилистики», считающейся основополагающей для его стилевой концепции, дает следующее определение стиля: *Стиль – это общественно осознанная и функционально обусловлен-*

ная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенационального, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа [Виноградов, с. 73]. Иными словами, в основе определения стиля лежит здравая мысль о том, что стиль – это отбор и комбинация языковых средств, привязанных к функции. Вопрос, однако, упирается в само понятие функции.

«Лингвистический энциклопедический словарь» дает следующее определение: *Функция языковых средств понимается как свойственная им в языковой системе способность к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию в речи; вместе с тем функция – результат функционирования, то есть реализованное назначение, достигнутая в речи цель* [Бондарко, с. 565]. Если «опрокинуть язык в жизнь», чего требует от нас многократно провозглашаемый антропоцентризм, то первый же вопрос, который при этом возникает, будет вопрос об источнике цели: кто ставит эту цель, кто каузатор функционирования? Шагом к учету этого существенного вопроса была система функций языка, предложенная Романом Якобсоном [Якобсон] и отражающая «интересы» участников информационного процесса, в число которых, однако, входят не только люди, но, скажем, и код. Однако реальные интересы говорящих выходят за пределы речевого акта, взятого за точку отсчета при выделении шести якобсоновских функций. В самом же акте они выступают как некие неодушевленные агенты. Так, код вызывает к жизни метаязыковую функцию. Но реально метаязыковую функцию отправляет не код, а сами говорящие, когда их заботит код, т. е. когда они говорят о самом языке.

Цели, ради которых происходит стилистический отбор речевых средств, могут исходить от двух источников: от индивидуальных интересов говорящего в рамках речевого акта и от групповых интересов в рамках оформившегося дискурса (в пределе от общенациональных интересов по поддержанию языка). Поясню, что я имею в виду под групповыми интересами. Когда В. Матезиус формулировал принципы культуры языка, он говорил о том, что языковед должен озаботиться поддержкой стабильности литературного языка и его функциональных различий [Матезиус, с. 210]. Сегодня говорят уже об экологии языка [Сковородников]. Но только ли языковед решает проблемы культуры языка?

Мы знаем много примеров и из литературы, и из жизни, когда говорящие явно выходят за пределы прагматики данного речевого акта и проявляют заботу о языке в целом или еще скорее – заботу о своем дискурсе. Говорящие поправляют друга, поправляются сами, каламбурно обыгрывают языковые явления, в частности, привлекая внимание к проблемам нормы, и вообще отвлекаются от тем на проблемы обустройства того дискурсивного пространства, в котором находятся. Это особенно заметно, когда дискурс проходит точки бифуркации, что бывает, например, при культурных сломах.

Рассмотрим следующие два случая: в первом функциональность имеет источником индивидуальные цели, во втором – групповые. В первом случае интенции адресанта приспособляются к ожиданиям адресата. Допустим, адресант хочет произвести впечатление солидного человека, он строит речь в таком стиле, который можно назвать «солидным», ориентируясь при этом на свои представления о собеседнике. Во втором случае, когда функциональность имеет своим источником групповой интерес, адресант речи соотносит свою интенцию уже не с образом адресата, а с образом дискурса, с неким коллективным дискурсивным идеалом, который он разделяет. Скажем, у него есть представление о деловом дискурсе, и он следит за тем, чтобы диалог не выходил из «делового» стиля, как он себе его представляет. Он делает это не ради успешности данного коммуникативного акта, а ради удобства всех дискурсантов, и своего, в частности. Назовем стили первой группы интенциональными, а второй – дискурсивными.

Миром индивидуальных интенций в их приспособлении к адресату традиционно занималась риторика. Три риторических стиля, предложенные еще в доцицероновской «Риторике к Гереннию» [Rhetoricum] связывались с тремя функциями: высокий стиль предназначался, чтобы волновать слушателей, средний, чтобы развлекать, а простой, чтобы доказывать. Таким образом, три стиля «Риторике к Гереннию» были функциональными, но не в том смысле, в каком это понятие использует современная функциональная стилистика. Риторическая функциональность обслуживает намерения говорящего: если он хочет волновать толпу, пусть обращается к высокому стилю, хочет усладить – к его услугам средний. Кстати, усвоенная в России благодаря Ломоносову теория «трех стилей» решала иную задачу, но тоже функциональную: она должна была преодолеть двуязычие, порожденное неупорядоченным употреб-

лением церковнославянских и русских элементов. Отсюда фактическое сведение античной стилевой трихотомии к дихотомии высокого и низкого, которые в свою очередь связывались не с интенциями говорящего, а с предметом речи и жанром. Поэтому, если простой стиль был потребен для доказательств, то стоящий на его месте низкий стиль был уместен в «подлых комедиях».

Античные теории трех стилей дают еще один любопытный поворот мысли. Это поворот в сторону того, что сегодня называют построением речевого имиджа. Речь идет о городском (столичном), сельском и провинциальном стилях античности, как о своего рода стилевых масках. Так, литота («простота») считалась сельской чертой, астеизм, напротив, проявлением «столичности».

Перейдем теперь к функциям второго типа – групповым или дискурсивным. Казалось бы, здесь можно обойтись номенклатурой терминов функциональной стилистики, но это не так. Яркий пример неадекватности этой терминологии в сегодняшних условиях – это так называемый деловой стиль. Слияние в СССР хозяйственных и управленческих функций при отсутствии свободной конкуренции (ср.: «партийно-хозяйственный актив»), привело к выделению недифференцированного официально-делового стиля.

«Деловой стиль», за которым не признается персуазивная функция, возможен только в тоталитарном обществе. Очевидно, что деловые переговоры, жанр собеседования при приеме на работу, коммерческая реклама и даже речи, произносимые в ходе судебного состязания, принадлежа к деловой сфере, используют языковые средства, более свойственные «газетно-публицистическому стилю», хотя и не сводящиеся к ним. Целый ряд дискурсивных практик, связанных со сферой бизнеса, права, информатики, занимает двусмысленное положение по отношению к «деловому стилю». Образуются лакуны.

В словаре О. С. Ахмановой, где приводится английский гетероним для обозначения определения *деловой* – *business*; *деловой* противопоставляется *канцелярскому* (гетероним – *dry*) [Ахманова, 127 и 188], что, конечно, не отвечает практике выделения этого стиля в советском языкознании, где главенствующим атрибутом была не «сухость» или отношение к «сфере бизнеса», а «официальность», которая, в свою очередь, отождествлялась с государственностью. Определение «официально-делового стиля» в современном словаре «Культура русской речи» (*используется в сфере дело-*

вых и официальных отношений между людьми и учреждениями, в области законотворчества и законодательства [Крысин, с. 403]) не покрывает лагун и оставляет вопросы.

Реальные типы дискурсов поставяет сама жизнь. И здесь остается следовать за ней. Мне кажется тут важно различать общение в пределах социальной страты (например, наш научный дискурс) и парные асимметричные межстратовые общения: продавец – покупатель, врач – пациент, педагог – ученик, где определенную роль в упорядочении общения играют социальные статусы, чему сегодня уделяется внимание [Карасик].

В качестве предельного случая можно рассмотреть и весь национальный язык. В интересах всего языкового сообщества в целом находится поддержание стилевой дифференциации в общении. Это наиболее близко к функциональной стилистике. Однако именно здесь и возникает тот лингвистический невроз, о котором я говорил вначале.

Лингвист не только не должен, но и не имеет возможностей навязать свою волю носителям языка. Однако его задача внести свою лепту в упорядочение языка. Эта задача продиктована функциями второго типа – коллективными интересами. Но есть еще функции первого типа – индивидуальные интересы, где лингвист может прийти на помощь говорящему, объяснив ему, каким путем он может выразить ту или иную интенцию, создать свой речевой имидж. В этом смысле стилисты-лингвисты могут действовать в той же логике, что и стилисты-парикмахеры, т. е. в логике обслуживания клиента.

Оба подхода могут быть суммированы в проекте, который можно обозначить, как Атлас стилей русского языка. Такой атлас будет содержать новую стилевую номенклатуру и образцы (предпочтение будет отдано прецедентным текстам) данных стилей. Номенклатура терминов первой группы будет пополняться за счет терминов риторики и тех слов русского языка, которые применяются для обозначения индивидуальных стилей, вроде «вязкий стиль». Номенклатура терминов второй группы порождается наименованиями дискурсов.

Использованная литература

- Бельчиков Ю. А. *Стилистика* In: Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник, М., 2003.
- Виноградов В. В. *Итоги обсуждения вопросов стилистики* In: «Вопросы языкознания», 1955, № 1.
- Бондарко А. В. *Функциональная грамматика* In: Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990.
- Якобсон Р. О. *Лингвистика и поэтика* In: Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
- Матезиус В. *Общие принципы культуры языка* In: В. Матезиус. Избранные труды по языкознанию, М., 2003.
- Сковородников А. П. *Вопросы экологии русского языка*. Красноярск, 1993.
- Rhetoricum ad C. Herennium liber primo* In: M. Tullii Cicironis opera. Paris, 1798.
- Ахманова О. С. *Словарь лингвистических терминов*, М. 1966.
- Крысин Л. П. *Официально-деловой стиль* In: Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник, М., 2003.
- Карасик В. И. *Язык социального статуса*, М., 2002.

Key words:

stylistics, functioning, rhetoric, intention

Summary

Modern language situation demands specifying the term ‘functioning’. Functioning is linked either with the individual aim of the speaker or with the collective aim of communicators interested in supporting communication itself. In connection with this there are two styles distinguished: intentional and discursional styles. Here we use the experience of the classical rhetoric. We propose in this article the principles of Atlas of Russian language styles.

К ПРОБЛЕМЕ НЕКОТОРЫХ ВВОДНЫХ СЛОВ В ПОЛЬСКОМ, РУССКОМ И ЧЕШСКОМ РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ

Анджей Харцярек, Польша, Катовице

В настоящей работе мы бы хотели сосредоточить внимание на функциях некоторых вводных слов, которые обычно исследователями определяются как фатические сигналы. Общеизвестно, что фатическая функция вводных слов особенно ярко прослеживается в обыденной коммуникации. Благодаря ей поддерживается общение, а кроме того, стабилизируются социальные отношения между коммуникантами. Поскольку любой язык обладает своей индивидуальной фатической спецификой, иногда весьма затруднено сопоставлять или переводить с языка на язык отдельные фатические элементы, которые сами по себе опираются на другую конвенциональность текстовой формы.

Наш анализ посвящен избранным польским, русским и чешским вводным словам, которые выполняют фатическую функцию, а кроме того, являются иногда элементом стратегии общения – внушения адресату определенного восприятия передаваемой информации. В центре нашего внимания высказывания-вопросы, в конце которых употреблены вводные слова – фатические операторы. Так, исследованию подвергнуты некоторые презумптивные вопросы, в которых говорящий «*předjímá, tj. víceméně předpokládá, platnost toho, co se v nich jako kladný nebo záporný (o) vyjadřuje*» (Grepł – Karlík 1998: 462). Отметим, что в анализируемых высказываниях наблюдается частичное расхождение между грамматической формой конструкции (наличие вопросительной словоформы и/или вопросительная интонация) и ее функциональным назначением (служат для поддержания речевого контакта).

Наш анализ сосредоточен вокруг польского вводного слова *co?* и его польских, русских и чешских эквивалентов. Такой выбор не случаен. Так, *co?* в вышеупомянутой позиции может, во-первых, поддерживать контакт, являясь фатическим оператором, а во-вторых, функционировать как директивный акт, дополнительно побуждающий к ответу (Ożóg

1990: 162). К. Ожуг, вводные слова такого типа (автор пользуется терминами *leksemy metatekstowe* или *operatory fatyczne*) в конце высказывания считает фатическими сигналами, которые провоцируют коммуниканта на ответ (Ożóg 1990: 30). На самом деле ведущая функция этого элемента в конце высказывания – это побуждение адресата к реакции. Однако, анализируя это вводное слово, следует иметь в виду факт, что сфера его употребления ограничена почти исключительно рамками неофициальной ситуации общения, напр.: *Na pohybel wszystkim... to jest ładny toast, co?* (фильм), *Elegancik ze mnie, co?* (Sowa). Следовательно, возможные русские и чешские эквиваленты должны некоторым образом обладать подобными социостилистическими особенностями.

Казалось бы, что в русском языке таким вводным словом будет *что*. Однако оно, как единственный элемент, в исследуемой функции выступает очень редко (см. Ардентов 1973: 49). В отличие от него в аналогичной функции употребляется *что ли* (*ль*) – разговорная форма часто с оттенком фамильярности, напр.: – *Болен, что ли?* (Маканин), *Ты что, дубина, не понимаешь ситуации, что ли?* (Ким). Толкование вводного слова *что ли* (*ль*)? – «употребляется в конце вопросительного предложения после указания на наиболее вероятный ответ» (СССРЯ 1997: 389) четко определяет его функционирование в речи. По мнению Б. П. Ардентова, «в отличие от вопросительной частицы *что?* вопросительная частица *что ли?* занимает в предложении постпозитивное положение, ставясь после слова, в котором заключено главное в вопросе» (Ардентов 1973: 51). Автор отмечает также, что эта вопросительная и побудительная частица не указывает на какое-либо вещественное содержание, только усиливает вопросительный характер высказывания (Ардентов 1973: 50). Поэтому не случайно, что нередко вводные слова *что ли* (*ль*)? и *со?* употребляются в директивных речевых актах, так как их логика сводится собственно к побуждению, напр.: *Давайте споем, что ли!* (Дружников), *Ula, Chodźmy na kolację, co?* (Nurowska).

Рассматривая возможные русские эквиваленты польского *со?*, наиболее сходств можно обнаружить в вводном слове *а?*. Трудно между ними заметить различия, касающиеся социостилистической дифференциации или распределения – они аналогично могут употребляться для выражения побуждения к ответу, напр.: *Что-то давно у вас не было чистки – выгонят и будешь бегать искать работенку, а?* (Маканин), *Неплохо пьешь, отец, а?* (Маканин). Приведенные примеры подтверждают разговорный и иногда

сниженный характер вводного слова *a?*, которым также отличается, как уже было отмечено, польское *co?*.

Несмотря на то что в чешском языке есть возможный аналогичный эквивалент *co?*, он в конце предложения в качестве вводного слова употребляется относительно редко, напр.: *To je nářez, co?* (Viewegh), *To asi nemyslíš vážně, co?* (запись устной речи). Попутно добавим, что его более экспрессивные варианты *což?* и *cože?* в исследуемой нами функции практически не употребляются. Они обычно открывают высказывание, являясь результатом неодобрения, удивления, недоумения и т. п. Факт несомненной семантической симметрии польского и чешского *co?* не дает основания для того, чтобы чешский вариант считать основным эквивалентом польского *co?*. Тем более, что между ними есть существенные различия в социостилистическом плане, частотности и распределении. Польский фатический оператор *co?* употребляется либо почти исключительно в неофициальной ситуации, либо коммуникантами, которые имеют те или иные социальные признаки. В чешском общении в отличие от *co?* значительно чаще употребляется вводное слово *že?*, напр.: *Ona měla tři děti, že?* (запись устной речи), *Vy jste ale měl víc nabídek, že?* (запись устной речи). В сравнении с польским стилистически сниженным *co?* чешское *že?* нейтрально и общепринято. По этим причинам, как нам кажется, эквивалентом *že?* в официальной ситуации общения будут скорее *czy tak?* или *prawda?*, чем *co?*. Следует также обратить внимание на валентность чешского *že?*, которое может сочетаться как с *jo* (*ano*), так и с *ne*, напр.: *Neodpověděl jsem na tvou otázku, že jo?* (запись устной речи), *Mohu to udělat, že ano?* (запись устной речи), *Nezapomněl jsi na svůj slib, že ne?* (запись устной речи). В польском общении возможен неофициальный вариант *co nie?*, напр.: *Załatwisz tę sprawę sam, co nie?* (запись устной речи).

Много общего с вышеприведенными чешскими вводными словами имеют *vid'* в неофициальной и *vid'te* в официальной ситуации общения. Можно даже сказать, что они функционируют в общении аналогично *že jo/ano?* и *že ne?*, т. е. как утверждающие или отрицающие реплики. Эти своеобразные вводные слова употребляются исключительно в конце высказывания в ожидании согласия, напр.: *To asi nemyslíš vážně, vid'?* (запись устной речи), *Pane Nováku, vy máte vysokou školu, vid'te?* (запись устной речи).

Характеристики *vid'* и *vid'te* не позволяют усматривать в них эквивалентов польского *co?*, в отличие от которого они не отмечены стилис-

тической сниженностью. Таким образом, можно предположить, что в польском общении наиболее близки им по значению и функции вводные слова *nieprawdaż?*, *prawda?* или *czy (nie) tak?*, напр.: *Ona już tam nie pracuje, nieprawdaż?* (запись устной речи), *Pięknie tam, prawda?* (фильм).

В русском языке, как представляется, вводными словами, которые употребляются в конце высказывания, побуждают к ответу и одновременно согласию или подтверждению приведенного в нем предположения, являются *не правда ли?*, *правда?*, *не так ли?*, напр.: *Но это же не совсем правда, не так ли?* (запись устной речи), *Серезжа, уж теперь телеграмма наша, наверное, пришла, правда?* (Распутин). Интересно отметить некоторую закономерность, *не правда ли?* обычно ставится в конце высказывания, а *правда ли?* (без отрицания) в его начале. Дополнительно фатический оператор *не правда ли?* благодаря *не* более смягченное и некатегоричное.

Особо следует остановиться на возможностях функционирования в отдельных языках в качестве вводных слов частиц, выражающих утверждение или отрицание, т. е. *tak*, *nie* в польском, *jo/ano*, *ne* в чешском и *да*, *нет* в русском.

В чешском языке о них обычно упоминается как о возможных вариантах, которые могут заменять друг друга (Grepl – Karlík 1998:462; РМС 1995: 678). О. Мюллерова видит в *jo* и *ne* контактные слова (по автору, *kontaktní prostředky*), которые могут функционировать в качестве фатических сигналов (Müllerová 1994: 64–66), напр.: *Ale chápeš, co se tě snažím naučit, jo?* (запись устной речи), *Jak jste viděl, tak před chvílí jsem ten strach docela úspěšně překonala, ne?* (Viewegh).

В русском языке для исследуемых вводных слов находим различия уже в их отдельных толкованиях: *да?* – «употребляется в конце обращенного к собеседнику вопроса и выражает, во-первых, желание услышать ответ, а во-вторых, желание услышать, чтобы этот ответ был положительным» (СССРЯ 1997: 224); *нет?* – «употребляется в конце вопросительного предложения для выражения неуверенности говорящего в том, что собеседник с ним согласится и для выражения желания говорящего получить ответ» (СССРЯ 1997: 88). Кроме того, трудно не констатировать разговорную, стилистически сниженную характеристику *нет*, ср.: *Я что-нибудь не так делаю, да?* (Распутин), *Ты самовар-то увезла – ставила его там, нет?* (Распутин).

Подобные особенности имеют польские *tak?* и *nie?*, причем это последнее аналогично русскому *нет?* имеет стилистически сниженную характеристику, напр.: *I tak nie wiemy, gdzie jesteście, nie?* (Stasiuk), *Mama nie musi kupować. Super, nie?* (Sowa) *To choroba zakaźna, tak?* (Kofta).

Кажется, что по сравнению с польским *nie?* и русским *нет?*, чешское *ne?* не имеет такой сниженной стилистической окрашенности и может употребляться как в неофициальной, так и в официальной ситуации общения.

Следует обратить внимание на возможные в польском общении варианты *co nie?* и *no nie?*, которые в сравнении с *nie?* в еще большей степени отмечены стилистической сниженностью и могут обозначать одновременно просторечность говорящего, напр.: *Trzeba jakoś do tej emeryturki dorobić, co nie?* (запись устной речи), *Zawsze można czegoś zabronić, no nie?* (запись устной речи). Характерно, что в польском редко или вообще не употребляются аналогичные, казалось бы, фатические операторы *no tak?* и *co tak?*.

Проведенный в данной статье анализ польских, русских и чешских вводных слов показывает, что они в исследуемой позиции:

- выполняют фатическую функцию, т. е. поддерживают общение путем привлечения и усиления внимания адресата;
- провоцируют адресата на немедленную реакцию (ответную реплику), т. е. функционируют как директивный речевой акт;
- являются элементом определенной коммуникативной стратегии говорящего – внушения адресату определенного восприятия приводимой информации.

В настоящей статье использованы выборки из художественной литературы, а также материалы, полученные из массмедиа (телевидение, радио, печать).

Использованная литература

- Grepl – Karlík, 1998 – M. Grepl – P. P. Karlík: *Skladba češtiny*, Praha.
Müllerová, 1994: *Mluvený text a jeho syntaktická výstavba*, Praha.
Ożóg, 1990 – K. Ożóg: *Leksykon metatekstowy współczesnej polszczyzny mówionej. Wybrane zagadnienia*, Kraków.
РМС, 1995: *Průruční mluvnice češtiny*, Brno 2001.

Ардентов, 1973 – Б. П. Ардентов: *«Что» в современном русском языке*, Кишинев.
СССРЯ, 1997 – *Словарь структурных слов русского языка*, Под ред. В.В. Морковкина,
Москва.

Key words:

pragmatics, verbal communication, phatic operators, tag-questions, phatic function, phatic communion, directives, Polish, Russian, Czech

Summary

On some parentheses in Polish, Russian and Czech

The article analyses selected parentheses in Polish, Russian and Czech communication. It focuses not only on their phatic function but also on various pragmatic content which is brought by them to information. The analysis of Polish, Czech and Russian material has shown analogies and differences in the form and functioning of parentheses in the three languages.

«РЕЧЕВЫЕ МАСКИ» ГЕРОЕВ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

Галия Хисамова, Россия, Уфа

Игровое начало в творчестве В. М. Шукшина – многоаспектная проблема, так как оно пронизывает всю структуру шукшинского текста и присутствует практически в каждом произведении писателя, влияя на развитие сюжета, на поведение персонажей. В ходе взаимодействия героям Шукшина приходится «проигрывать» широкий репертуар ролей. Не случайно при анализе художественного текста используется понятие «ролевой игры», свидетельствующее о том, что 1) персонажи играют роли; 2) персонажи представляют собой скрытые аспекты личности автора, обыгрываемые косвенно; 3) персонажи – это нереализованные роли, которые будут исполнены читателем (Wilson R. 1990). Следовательно, понятие ролевой игры «смыкается» с представлениями на себя различных ролей и свидетельствует о стремлении спрятаться за определенной маской.

Символика маски сложна и многозначна. Маска – это проявление игры, шутовства, лукавства, что характерно для русской смеховой традиции. Произведения В. Шукшина буквально насыщены скоморошеством, лицедейством. Кроме того, основными функциями маски являются «маскировка» (защита) и «разоблачение» (нападение). Задача персонажа – выявить зло, заставив его раскрыться, раздеться, развенчаться. «Дурак», надев «дурацкую маску», пробуждает у антигероев чувство превосходства, провоцируя тем самым смех над собой. Маска ассоциируется не только с потаенностью и чуждостью героя произведения среде. Маскарадность служит средством самоутверждения и самозащиты героя. Так, «валяет дурака» ветфельдшер Козулин при столкновении с казенным формализмом участкового («Даешь сердце!»). Играет роль «джентльмена» и Михаил Александрович Егоров, пытаясь поставить на место своего соперника («Привет Сивому!»). Устраивает горькую комедию с масками Егор Прокудин, поняв, что ему не доверяют родители Любы («Калина красная»). В надрывной игре Егора выплескивается протест обиженной души. Вранье Броньки Пупкова («Миль пардон, мадам!») – не что иное, как маска, связанная с желанием само-

утвердиться, сделаться ярче, заметнее. В статье особое внимание уделено исследованию прозы В. М. Шукшина как материала для реализации приема «речевой маски», традиционно понимаемой в качестве характеристики внешнего своеобразия речи вне зависимости от содержания и отражающей индивидуальные особенности речевого поведения автора и персонажа (Винокур 1990: 237).

Наиболее ярко «речевая маска» персонажа прослеживается на протяжении всего рассказа «Срезал», являющегося одним из зрелищных произведений В. М. Шукшина. С. М. Козловой исследуется вербальная природа «театральности» данного рассказа (Козлова 1993). Глеб Капустин, будучи «хозяином диалогического пространства», как бы «надевает» на себя три маски («любезнательный провинциал», «демагог», «агрессивный идиот»), способствующие созданию драматической напряженности «спектакля» (см. об этом подробнее Хисамова 2004: 191–192).

Мотив игры присутствует в рассказе «Генерал Малафейкин». «Нелюдимый маляр-шабашник» Семен Иванович Малафейкин мечтал занять пост поважнее. Осуществляет свою мечту он весьма своеобразно. Раскрытие этого перевоплощения составляет сюжет рассказа, который удивительно схож с комедией Н. В. Гоголя «Ревизор». Малафейкин, этот новоявленный Хлестаков, поездом возвращающийся домой, выдает себя за лицо «весьма ответственное».

Выгоды от этой роли он никакой не имеет: хочется ему быть на равных с соседями по купе, действительно занимающими какой-то пост. Больше всего привлекает его в этой роли полная бесконтрольная власть над людьми (*«Ведь я же тебя, подлеца, из Москвы выселю! - говоришь ему. - Выведешь ведь из терпения - выселю!» - Не надо, - просит. - А - а, открыл рот!.. Заговорил?»*) и возможность пожить красиво (*«дача каменная, двухэтажная», «прислуга», «персональная машина», два личных водителя, отдых в лучших санаториях на юге, «буфет: шампанское, фрукты, пятое - десятое...»*) Завершает набор всех «прелестей жизни» просмотр фильмов с «голяшками»:

- А? - спросил Семен Иванович встревоженно.
- Что? - сказал собеседник.
- Не уважаете с голяшками?
- Да я их... это... я их мало видел.

- Ну что вы! Это, знаете, зрелище! Выйдет такая... черт ее... вот уж она виляет, вот виляет своим этим... Любопытно. Нет, это зрелище, зрелище, чего ни говорите.

- Совсем голые?

- Совсем!

- А как же... разве у нас снимают такие фильмы?

Семен Иванович без опаски, с удовольствием засмеялся.

- Это же не наши. Это оттуда.

- А - а, - сказал собеседник. - Там - да... Конечно.

Вся система речевого поведения Малафейкина определяется его желанием убедить окружающих в достоверности исполняемой им роли. На привычную речевую стихию «генерала» накладываются элементы нового социально-речевого строя. Каждое его слово значительно. Малафейкин употребляет в основном слова и обороты, далекие от городского просторечия. Это прежде всего книжная лексика (манкируем, демонстрируем, профилактика). Живописующие подробности «красивой жизни» передаются весьма эмоционально: вопросы, восклицания, переспросы, перебивы. Иногда Малафейкин использует разговорно-просторечную лексику, выполняющую характерологическую функцию.

Безымянные соседи по купе услужливо подыгрывают «генералу Малафейкину»:

- Вы не в сторону едете? - спросил румяный пассажир. И почтительно посмотрел на Малафейкина.

- А? - встрепнулся Малафейкин. - Я? Нет, нет... Меня... Нет, в другую сторону.

- А то хотел присоединиться к вам.

- Нет, нет... мне в другую.

Перевоплощение героя обнажает истинное лицо обывателя. В героях Шукшина - огромный нереализованный потенциал, их внешние социальные проявления не соответствуют внутренней содержательной сущности. Внутренний мир их скрыт не только для окружающих, но и для самих себя. Раскрытие, реализация - в неожиданных поступках.

Удивительны чудачества егеря Броньки Пупкова («Миль пардон, мадам!») Любил он уходить с городскими охотниками - хорошо знал местность, был удачливым охотником, словоохотливым человеком. Бронька любил рассказывать охотничьи истории. Но самый главный свой рассказ он откладывал на последний день:

... - *Насчет покушения на Гитлера не слышали?*

- *Слышали.*

- *Не про то. Это когда его свои же генералы хотели кокнуть?*

- *Да.*

- *Нет. Про другое.*

- *А какое еще? Разве еще было?*

- *Было. - Бронька подставлял свой алюминиевый стаканчик под бутылку. - Прошу плеснуть. - Выпивал.*

- *Было, дорогие товарищи, было. Кха! Вот настолько пуля от головы прошла. - Бронька показывал кончик мизинца.*

Доверительно, с большим накалом Бронька рассказывал о том, что, выполняя «ответственное задание», совершил неудавшееся покушение на Гитлера. И вот здесь-то и разыгрывалось лицедейство. Суть характера Броньки раскрывается в «спектакле», разворачивающемся перед читателем. Одна из основных функций «спектакля» - не только рассказывать о событиях, а показывать их происходящими сейчас, в настоящий момент, при этом возникает своеобразный эффект присутствия читателя. Все это усиливает подлинность происходящего:

Он идет ко мне навстречу. Генералы все вытянулись по стойке «смирно»... Он улыбался. И тут я рванул пакет... Смеешься, гад! Дак получай за наши раны! За кровь советских людей!.. За разрушенные города и села! За слезы наших жен и матерей!.. - Бронька кричит, держит руку, как если бы он стрелял. Всем становится не по себе.

Речь Броньки достаточно пестра и колоритна. Он использует книжные обороты речи (ответственное задание, искажение истории, лобовой удар танками), разговорно-просторечную лексику (житуха, влопаться, шугануть, приволочь, сызмальства), бранные слова (шантрапа, мерин гривастый, гад ползучий), неправильные формы слов и предложения (по истечении пятьдесят лет; стрелил; микроскопически изучил его лисиную мордочку). В составе речевого портрета шукшинского персонажа много устойчивых выражений: фразеологизмов, идиом, клише (честное партийное; раздуть мировой пожар; Родина тебя не забудет). В этот рассказ писатель включает вынесенную в заглавие фразу французского этикета, обозначающую вежливое извинение «Миль пардон, мадам!» (*Подходит один генерал, тянется к пакету: давай, мол. Я ему вежливо ручкой - миль пардон, мадам, только фюреру. На чистом немецком языке говорю: фьюрэр! - Бронька сглотнул.*)

Важную роль играют жест, мимика, интонация «актера» (*«Бронька весь напрягся, голос его рвется, то срывается на свистящий шепот, то неприятно, мучительно взвизгивает. Он говорит неровно, часто останавливается, скрипит здоровыми зубами, мотает безутешно головой. Поднимает голову – лицо в слезах. И опять тихо, очень тихо, с ужасом говорит: – Я промахнулся»*). Вся система речевого поведения литературного героя по существу диалогична, так как она адресована собеседникам и рассчитана на их определенную реакцию.

В селе давно уже смеются над Бронькой, в сельсовете грозят наказать за «искажение истории», но приходят в село новые люди, и Бронька опять рассказывает про «покушение». Лицедействуя, Бронька пытается осуществить свою мечту. Он мечтает совершить подвиг, пожертвовать собой ради людей. Это мечта возвышает простого, ничем не примечательного человека, открывает в нем особую глубину.

Роль советчика, своеобразного «унтер Пришибеева», главного героя одноименного рассказа А. П. Чехова, самочинного блюстителя порядка, считающего себя вправе во все вмешиваться, всем делать замечания, «примеривает» на себя «непротивленец Макар Жеребцов», главный герой одноименного рассказа.

Стремление к самореализации воплощается у Макара в желании «учить жить»: он ходил по домам и «обстоятельно, въедливо учил людей добру и терпению». В ходе общения с людьми это проявляется в бесконечных поучениях, советах, наказах Жеребцова, даже если люди и не нуждаются в них: *«А завтра опять пойду по домам, опять полезу с советами. И не знаю, что не слушают они моих советов, а удержаться не могу. Мне бы – в большом масштабе советы-то давать, у меня бы вышло. Ну, подучиться, само собой... У меня какой-то зуд на советы. Охота учить, и все, хоть умри»*.

Макар не способен оказать действенную помощь людям, он играет роль стороннего наблюдателя:

– Ты, лоботряс, только рассуждать умеешь... Ходишь по деревне, пусто-звонишь... Пустозвон. Чего ты лезешь не в свое дело?

– Я вас учу, дураков. Ты приехай к нему, к Петьке-то, да сядь выпей с ним...

– У тебя прям не голова, а сельсовет.

– Да. Выпей. А потом к нему потихоньку в душу: сократись, сынок, сократись, милый. Ведь мы все пьем по праздникам...

Бессилие что-либо изменить превращает Макара в демагога. Навязчивый, он раздражает односельчан («Старухи обижались. Старики послали Макара... дальше»; «Но Макара не хотели слушать – некогда. Да и мало на селе в летнюю пору встречных»). Иногда его «деятельность» была причиной конфликта, и не только вербального. Пытаясь дать совет Ивану Соломину в выборе имени только что родившемуся сыну, Жеребцов получил «пинка под зад. – За совет!» Макар не испытывает уважения к людям, презирует их, для него они «бараны», «кроты», «дураки».

Таким образом, прием «речевой маски» выполняет в произведениях В. М. Шукшина характерологическую функцию, представляя персонажа как творческую личность и выявляя особенности его речевого поведения.

Использованная литература

- Винокур Г. О. *«Горе от ума» как памятник русской художественной речи*. In: Филологические исследования. М., 1990.
- Дуров А. А. *От ритуала к литературе*. In: Текст: узоры ковра. СПб., 1999. С. 134–143.
- Козлова С. М. *Поэтика рассказов В. М. Шукшина*. Барнаул, 1993.
- Тимофеева З. М. *Концепт «игра» и различные подходы к его рассмотрению (классическая эпоха)*. In: Проблемы филологии и культура. Материалы международной научной конференции. (16–18 апреля 2003). Тамбов, 2003. С. 351–353.
- Хисамова Г. *Диалог как компонент художественного текста в рассказах В. Шукшина*. In: Rossica Olomucensia XLII (za rok 2003). I. část. Olomouc, 2004. С. 189–199.
- Wilson R. In: *Palamedes' shadow*. Boston, 1990.

Key words:

Shukshin's stories, literary characters, speech behaviour, play, “speech mask”, performance

Summary

The report is devoted to the description of the peculiarity of speech behaviour of V. M. Shukshin's literary characters. Device of “speech mask” makes it possible to imagine the various manifestations in speech reactions of the development of a personality.

ПОЖАЛУЙСТА И ЕГО ПОЛЬСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ

Зофия Чапига, Польша, Жещув

Частица *пожалуйста* употребляется в русском языке как форма вежливого обращения при просьбе, приказании, разрешении в значении «прошу тебя, прошу вас» (СРЯ III 234), напр. *Распишитесь, пожалуйста!*

Условия употребления вежливого *пожалуйста* предопределяются правилами русского речевого этикета (Акишина), т. е. социально детерминированными нормами поведения человека в обществе. В правилах этикета отражаются такие социально существенные типы отношений, как пол, возраст, общественное положение (Цивьян 1962, 80). Участники речевого акта, попеременно выполняющие роль говорящего и слушающего, находятся друг с другом во всех социально существенных для данного языкового коллектива отношениях, однако в каждом акте общения собеседники ориентируются только на одно социальное отношение и выбирают ту форму обращения, которая соответствует своей роли и роли собеседника по избранному в данной ситуации предпочтительному социальному отношению (Храковский 1980, 270). Правила речевого этикета несомненно связаны с лингвокультурной обстановкой, поэтому интересным кажется представление адекватности употребления русского *пожалуйста* в переводе художественных текстов на польский язык.

1. Наиболее распространено употребление частицы *пожалуйста* при формах императивного наклонения как средство обращения с просьбой к собеседнику, причем это отношение может быть двоякого типа:

- а) как собственно вежливое отношение,
- б) как нейтральная этикетная форма обращения.

Собственно вежливое отношение выражается формой 2-го лица мн. числа, напр.:

- *Теперь вот что мне интересно. Перечислите, пожалуйста, каких видов бывают увеличительные стекла, и в каких случаях получают изображения действительные, обращенные, прямые и мнимые?* - *Jeszcze jasno mnie interesuje. Proszę wymienić rodzaje szkieł powiększających i powie-*

*dzieć, kiedy otrzymujemy obraz rzeczywisty, odwrócony, prawidłowy i pozorny? (Pasternak); - Сейчас посмотрим, - Липман подал Сталину стакан с водой, - прополощите, **пожалуйста**... Так, хорошо... Теперь откиньте, **пожалуйста**, голову... **Proszę** przepłukać usta... tak, dobrze... Teraz **proszę** przechylić głowę... Tak, bardzo dobrze. (Rybakow)*

В польском языке широко употребляется аналитическая форма повелительного наклонения, образованная путем сочетания частицы *niech* с формой 3-го л. ед. ч. изъявительного наклонения и с именем существительным, которое указывает на адресата речи:

*Я отправлюсь на розыски своих, относительно которых я даже не знаю, живы ли они, и где они. А если нет, то замолчите, **пожалуйста**, и оставьте меня в покое, потому что все остальное неинтересно мне, и я за себя не отвечаю. ... A jeśli nie, to **niech pan zamilknie** z łaski swojej i zostawi mnie w spokoju, bo nic poza tym mnie nie interesuje i nie odpowiadam za siebie. (Pasternak); Вы гладьте, гладьте, **пожалуйста**, то есть белье гладьте, и не обращайтесь на меня внимания, а я буду говорить. Я буду говорить долго. **Niech pani prasuje** i nie zwraca na mnie uwagi, a ja będę mówił. (Pasternak)*

Иногда аналитическая форма пополняется еще вводным *proszę*, *bardzo proszę*, если говорящий хочет подчеркнуть уважительное отношение к слушающему:

*- Иосиф Виссарионович, мне нужно подобрать цвет зуба, **пожалуйста**, присядьте еще на минутку. - Józefie Wissarionowiczu, **muszę jeszcze dobrać kolor zęba, bardzo proszę, niech pan jeszcze chwilę posiedzi** na fotelu. (Rybakow)*

В официальных просьбах – вежливых, но категорических, в польском языке употребляется предикативная форма *będzie pan łaskaw(y)* + инфинитив:

*- Завтра вы меня, **пожалуйста**, вызовите, - сказал Липман, - и скажите, какой вам удобнее. - Jutro **będzie pan łaskaw powiedzieć** mi - zwrócił się do Lipman do Stalina - która proteza wydaje się panu lepsza. (Rybakow)*

Нейтральной этикетной формой обращения является форма 2 лица ед. числа:

*- Юра! Боже, наконец-то. Проснись, **пожалуйста**, - трясет его за плечо доискавшаяся его Шура Шлезингер. - Что с тобой? - Jura! O Boże, nareszcie. Obudź się, **proszę**. - Szura Schlesinger **potrząsa** go za ramię. (Pasternak)*

Формой единственного числа обращаются друг к другу знакомые, люди того же возраста или старшие к младшим, или же частица *poжалуй-*

ста является регулярным средством выражения вежливого обращения при просьбе. В польском языке при форме 2 л. ед. ч. повелительного наклонения употребляется вводное *proszę*, усиленное градуальным *bardzo*:

- **Пожалуйста**, не сваливай на меня, - сказала Варя.

- **Bardzo cię proszę**, nie zwalaj znowu na mnie powiedziała Waria. (Rybakow);

Пожертвуй мне несколько часов в ближайшие ночи и запиши, пожалуйста, все из того, что ты читал мне в разное время на память. Poświęć mi kilka godzin i zapisz, proszę, wszystko to, co recytowałeś mi czasem z pamięci. (Pasternak)

Нет полной эквиваленции в следующих парах предложений:

Если тебе очень хочется стучать, стучи у себя в кабинете на своих подчиненных. Запомни, пожалуйста. Jeżeli tak lubisz walić pięścią w stół, to wal u siebie w gabinecie, krzycz na swoich podwładnych. I proszę, żebyś o tym pamiętał. (Rybakow); *Пожилая женщина-секретарь объявляла: «Товарищ такой-то... Пожалуйста, на заседание». Niemłoda już sekretarka wzywała: «towarzysz taki a taki... proszony jest na posiedzenie».* (Rybakow)

В первом предложении вместо формы повелительного наклонения имеется придаточная часть, а во втором вместо вводного *proszę* употребляется форма предиката *jest proszony*.

О сложности проблемы перевода конструкций с этикетной формой обращения к собеседнику свидетельствуют довольно многочисленные случаи пропуска частицы *proszę* в польском тексте (ок. 22 %). Ср.:

- *Оставь, пожалуйста, денег - твердо сказала она. - Для передачи я покупаю все в коммерческом магазине. - Potrzebuję pieniędzy - powiedziała twardo. - Wszystko do paczek kupuję w sklepie komercyjnym.* (Rybakow); - *Не воображай, пожалуйста, что мне это очень интересно. Tylko nie wyobrażaj sobie, że mnie to obchodzi.* (Pasternak); - *Спасибо, Гимазетдин. Ты еще что-то сказать хочешь, скорее, пожалуйста, озяб я, понимаешь. Dziękuję Himazetdin, jak chcesz jeszcze coś powiedzieć, to szybko, bo zmarzłem, rozumiesz?* (Pasternak).

Приведенные примеры свидетельствуют о *необязательной потере когнитивного содержания* (Bogusławski 49). Оказывается, что переводчик не употребляет вежливой формы в тех случаях, когда социальные и общественные отношения не требуют нормативной вежливой формы. Это прежде всего отношения между «своими», т. е. знакомыми, друзьями, родственниками, и пропуск вежливой формы не делает высказываний

обидными и неприличными, а только лишенными подчеркнутой вежливости.

2. Вторую группу конструкций с частицей *пожалуйста* составляют предложения, в которых говорящий выражает согласие на что-то, на какое-то предложение, напр.:

- *Позвольте пригласить вас на следующий танец?*

- **Пожалуйста.**

- *Pozwoli pani, że poproszę ją o następny taniec?*

- **Proszę.** (Rybakow)

- *Вы разрешите вам позвонить? - спросил он, когда Варя поднялась на ступеньку трамвая.*

- **Пожалуйста.**

- *Pozwoli pani zatelefonować do siebie? - spytał, gdy weszła na stopień wagonu.*

- **Proszę.** (Rybakow)

В отдельных случаях в польском языке согласие выражают другие лексемы:

*Все это она изложила Максиму, еще когда он поступал в училище. Он не послушал ее. **Пожалуйста!** Он имеет право на собственное мнение. Wszystko to Nina wyłożyła Maksymowi, gdy zdecydował się pójść do szkoły wojskowej. Nie posłuchał jej. No i **dobrze!** Ma prawo do własnego zdania. (Rybakow); Загадка жизни, загадка смерти, прелесть гения, прелесть обнажения, это **пожалуйста**, это мы понимали. Zagadka życia, zagadka śmierci, piękno geniuszu, piękno nagości, to **tak**, tośmy zrozumieli. (Pasternak)*

Вежливой формуле *пожалуйста* в польском переводе соответствуют нейтральные формы: наречие *dobrze* и утвердительная частица *tak*, также выражающие согласие, однако лишенное вежливого характера.

3. В третьей группе конструкций говорящий употребляет частицу *пожалуйста*, чтобы пригласить собеседника куда-то, к чему-то:

- *Товарищ докладчик, **пожалуйста**, сюда! - Towarzyszu, **proszę tutaj!** (Rybakow);*

- *Где можно помыть руки? Софья Александровна засуетилась.*

- **Пожалуйста**, я вам покажу.

- **Proszę, proszę, pokażę pani.** (Rybakow)

В последнем предложении в польском языке приглашение усиливается повторением словоформы *proszę*.

Итак, регулярным средством выражения вежливого отношения говорящего к любому слушающему в русском языке является частица *пожалуйста*. В польском языке ей соответствуют разные формы: *proszę; proszę + инфинитив; niech + 3 л. ед. ч. изъявит. накл. + pan(i); proszę, bardzo proszę + niech + pan(i) + 3 л. ед. ч. изъявит. накл; będzie pan(i) łaskaw(a) + инфинитив*. Оказывается однако, что польский перевод литературного текста менее насыщен «вежливостью».

Использованная литература

- Цивьян, Т. В.: *К описанию этикета как семиотической системы*. In: Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Тезисы докладов, М. 1962, с. 80.
- Храковский, В. С.: *О правилах выбора «вежливых» императивных форм*, In: Известия АН СССР, СЛЯ, 1980, т. 39, № 3, с. 270.
- Акишина, А. А., Формановская, Н. И.: *Русский речевой этикет*, М. 1978.
- Словарь русского языка*. Ред. А. П. Евгеньева. «Русский язык», М. 1981, т. 3, с. 234.
- Bogusławski, A.: *Uwagi o przekładzie i jego wartościowaniu*. In: Przegląd Humanistyczny 2, 1978, s. 49.

Key words:

Polish, Russian, imperative, syntax, pragmatics, politeness

Summary

ПОЖАЛУЙСТА and Its Polish Equivalents

The most common way of expressing speaker's polite attitude towards the hearer in Russian is the particle *пожалуйста*. Its Polish equivalents are the forms: *proszę; proszę + infinitive, niech + 3 p. sg. Imperative + pan(i); proszę, bardzo proszę + niech + pan(i) + 3 p. sg. Imperative; będzie pan(i) łaskaw(a) + infinitive*. It appears that in Polish translation the text contains less polite expressions.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ МОДЕРНИЗИРОВАННОГО ПЕРЕВОДА ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТОВ

Павел Шима, Словацкая Республика, Братислава

Мои рассуждения о вариабельности древних текстов у славян обосновываются тем, что главной причиной такой вариабельности следует считать отсутствие нормы, мягче сказано, наличие нетвердой нормы в традиции списывания, создания текстов. В этой связи можно с опаской принимать тезис Н. Толстого об эталоне, на который равнялись древнерусские писцы, имея перед собой представительную традицию образцовых скрипторий (Ремнева, 2003, с. 27).

На этот раз я задаюсь целью показать, до какой степени отсутствие строгой нормы приводит к неадекватному модернизированному переводу древнейших русских текстов, включенных летописцем в состав Повести временных лет, что, разумеется, не способствует правильному восприятию их содержания современными исследователями и любителями истоков истории восточных славян.

Если обратить внимание на мягкую норму договоров Киевской Руси с Византией, оставляя в стороне вопрос об их авторе, их оригинальном звучании или переводном характере, стремление приблизить их содержание современнику авторитетными решениями, вышедшими из под пера видных представителей русской науки – Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, О. В. Творогова и др. –, нельзя не заметить ряд колебаний в восприятии некоторого числа спорных мест прототекста и модернизированного перевода (Начало..., 1998).

Обратим внимание на некоторые спорные решения. Естественно, работа с историческими текстами обязывает переводчика сохранять «веяние веков». К такому приему прибежал Д. С. Лихачев актуализацией формы древнего местоимения *сь, си, се*, сохраняющих отблеск своей былой продуктивности в современных оборотах *до сих пор, по сю пору, по сей день, сими днями, ни с того, ни с сего*, в наречии *сейчас*, но также в реактивации былой продуктивности в неологизмах *сиюминутный, сиюминутно* (ср.

сию минуту). На этом фоне сохранение в модернизированном переводе сочетания *Так начнем повесть сию* (стр. 22) можно считать адекватным приемом.

Более оспоримым окажется сохранение невесточнославянского рефлекса начального праславянского сочетания *je-* в словосочетании *Словяне же седоша около озера Илмеря* (стр. 24). Равно и спорный вариант *толковницы – толмачи* (в переводе стр. 44) вместо нейтрального *переводчики*, тем более, что *толмач* восходит к половецкому *tolmač/telmač*, турецкому *til-tac* и мадыарскому *tolmász* (Brückner, 1957, s. 572). Сюда относится и цсл. *тълк-, тлък-*, русское *толк, толковать, толковый*. Предложенное решение заменить *толковницы* – это тенденция сохранить оппозицию устный перевод: письменный перевод, что в современном русском *переводчик* уже не передает вне своего контекста (срав. словацкое *tľmočník :: prekladateľ, tľmočiť svoj názor, pretľmočiť : *prekladať svoj názor do iného jazyka, хотя predkladat' svoj názor* – стандартно).

Весомое расхождение между антиграфом и модернизированным вариантом проявляется в паре др.-русск. *ратнии*, современное *враги* (стр. 44). Контекстуальное значение можно считать неуместным, так как *враг* ассоциируется с функцией «вражеский ратник», разумеется, в понимании только одной защищающей свою землю стороны, тем более, что антиграф передает информацию о том, что Русь причинила много зла грекам «*елико же ратнии творять*». Если стоять на стороне современного переводчика, пришлось бы приписать летописцу непонятную характеристику своих ратников как врагов (своих же). Весьма возможно, что перед нами дикция нерусского автора.

Сложней обстоит дело с контекстуальным переводом местоимений *наш :: ваш*, оговоренных в примечаниях. Сочетание *да емлют у царя вашего на путь брашно ... и елико надобе* получило огласовку *пусть берут у царя на дорогу еду ... и что им нужно*. Модернизированный (контекстуальный) перевод ликвидирует важную историографическую информацию, что текст составлен русской стороной. Такая информация может пролить свет на способ выработки параграфов по договоренности на их автора включительно. Местоимений со сбивчивым употреблением *наш :: ваш, нами :: вами* гораздо больше.

Формулировка *Равно другого свещания, бывшего при тѣх же царѣх* с парафразировкой *Список с договора, заключенного при тех же царях* могла бы звучать и так: *Как проходили переговоры / как переговаривались во время*

правления // в присутствии..., может быть и более удачно, так как в следующей части греческая сторона прямо ссылается на текст предшествующих договоренностей: *Наша светлость, превыше всего желая в боге укрепить... дружбу, существующую неоднократно между христианами и русскими* (стр. 47).

Поэтому вероятной нам кажется интерпретация *бывшаго* не как существующего, а как аналогичного, возникшего раньше, прежде.

Показательным для установления составителя договорных грамот может служить случайное (?) употребление термина *епитемия* (стр. 50), что в переводе передано выражением *наказание*. Греческое *επιτιμιον* // *επιτιμια* (Древнегреческо-русский словарь) обозначало гражданское полноправие и было юридическим термином. Только в Новом завете этот термин приобрел значение церковного наказания, кары, поэтому только духовное лицо могло заменить юридический термин церковно-корректировочным.

Открытым остается и отношение составителя текста к сторонам договора. Но, все таки, в оригинале проблескивает информация, что составитель держал себя в стороне от передачи интересов обеих сторон, а не только наших – ваших требований. Поэтому текст: *На утверждение же и неподвижение быти межже вами, хрестьяны, и Русью, бывший мир сотворихом Ивановым написанием на двою харатию царя вашего ...бога вашего ... и дать нашим писмом. Мы кляхомся ... написание дахом ... на извещение межжи вами бывшаго мира.* (стр. 52).

В модернизированном переводе находим: *... между вами ... царя вашего ... бога вашего и дали (!) нашим послам* (стр. 53). В примечаниях сказано, что в употреблении *наш – ваш* оригинал был исправлен на основе коннотативной интерпретации. Спорный вопрос о наличии/отсутствии у Киевских князей архива, можно освещать прямым указанием в тексте под 945 годом. Там прямо отмечается смена ритуала удостоверения послов и купцов русской стороны – золотые и серебряные печати сменяют грамоты: *...ныне же повелел князь ваш посылать грамоты к нам, царям ... послы и гости ... пусть приносят грамоту, так написав ее: Послал столько-то кораблей. И из этих грамот мы узнаем, что пришли они с миром. Если же придут без грамоты ... то мы будем содержать их под надзором ...* (стр. 63). О том, что деловая переписка между Киевом и Византией состоялась в дохристианский период (945 – 988 = 43 года), говорит и иной пример: *Если же убежав, вернуться в Русь, то напишем мы князю вашему* (там

же). Примеров такого характера больше: ... *да пишемъ къ великому князю вашему* (Игорю – П. Ш., стр. 66), где повторно говорят о церемониале составления грамот, об их отсылке в Киев на роту.

О затруднениях, возникающих при осмыслении всех опосредствованных в связи с древнейшими русскими текстами и их переводом, говорит и такой курьезный случай. На стр. 68 приводится следующее: *Градъ же бѣ..... и бѣ внѣ града двор другый идѣже есть двор дѣмьстиковѣ за святою Богородицею* (ситуация после смерти Игоря, когда Ольга мстит древлянам). В переводе читаем: ... *двор Уставчика позади церкви* (стр. 69). В комментариях нет никаких интерпретаций.

Употребление строчной буквы и, кажется, не совсем стандартного термина *установщик* не дает возможность читателю ассоциировать этот термин с греческим *δομέστικοσ*, обозначающим высокого чиновника римской и византийской империй. Такие данные древнерусских текстов сигнализируют повторную интервенцию в их состав определенного числа списывателей изначальной редакции русского летописания. Щепетильный анализ отдельных формулировок позволяет исследователю все-же более адекватно воссоздать дипломатическую агенду Киевской Руси с ее выученными переводчиками, способными хранить созданное ими (ср. хотя бы: *Игорь же призва слы греческия, рече им: Глаголите, что вы казаль царь. И реша сли ...*; стр. 66). Без переводчика пришлось бы предполагать, что Игорь владел в совершенстве греческим и точно воспринимал все сложные вопросы договора.

Использованная литература

- Brückner, A.: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa 1957.
Древнегреческо-русский словарь. Составил И. Х. Дворецкий. М. 1958.
Начало русской литературы: Памятники литературы Древней Руси. XI - начало XII века.
Художественная литература, М. 1978.
Ремнева, М. Л.: *Пути развития русского литературного языка XI-XVII вв.* Издательство Московского университета, М. 2003.
Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков). Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. Русский язык, М. 1994.

Key words:

contract, negotiations, modernized translation, letters of the pre-Christian period, Kievan Rus, Byzantium

Summary

The detail prototext and modernise translation analysis of the oldest contracts between Kyevsckaya Rus and Byzantium supports to explanation of language and diplomatic practice in this historical period in the life of East Slavonians and revises the existing points of view about the origin, function and practical explanation of these documents. The stylistic variability measure of modern Russian language norm is secondary appreciated in this paper.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО КАК ИСХОДНАЯ СЛОВОФОРМА В СЛАВЯНСКОМ ИМЕННОМ СЛОВОИЗМЕНЕНИИ

Мария Шульга, Тайвань, Тайбэй

1. Многие практические вопросы современного узуса и современной литературной нормы находят свое объяснение только при теоретическом осмыслении системных отношений в языке. При этом на уровне системы разные славянские языки обнаруживают поразительное сходство.

Поводом для такого обобщения послужила попытка исследовать родовую вариантность в современном русском языке. Имеются в виду широко распространенные формы типа: *клавиш* и *клавиша*, *глист* и *глиста*; *ставень* и *ставня*, *рельс* и *рельса*, *туфля* и *туфель* и другие.

2. И русская классическая литература, и живая речь, и современные художественные тексты нередко отражают колебания в выборе родовой формы. У Дины Рубиной, например: ...*Один кроссовок (одну кроссовку)* этот негодяй куда-то уволок... (Я и ты под персиковыми облаками).

«Общий удельный вес таких колеблющихся слов в составе всех существительных очень мал: не более ста пар из общего числа приблизительно в 34 000 слов – существительных», при этом «реально существующих параллельных вариантов сравнительно немного» (Граудина, Ицкович, Катлинская 2001: 86, 89). Значимость данных подсчетов, хотя в целом они и отражают современную ситуацию, весьма относительна. Списки таких слов в разных словарях, например, в цитируемом издании и в «Грамматическом словаре» А. А. Зализняка не совпадают почти на половину.

Нормативные словари по-разному оценивают вариантные родовые формы. Многие родовые варианты норма признает: *ставень* – *ставня*, *спазм* – *спазма*, *гренок* – *грЕНка*, *банкнот* – *банкнота*, *георгин* – *георгина*, *друз* – *друза*, *заусенец* – *заусеница*, *клавиш* – *клавиша*, *скирд* – *скирда*, *шпрот* – *шпрота*, *лангуст* – *лангуста*, *мангуст* – *мангуста*, *парафраз* – *парафраза*, *морф* – *морфа*, *алломорф* – *алломорфа* и другие. Для некоторых норма рекомендует только мужской род: *бронх*, *глист*, *зраз*, *кед*, *лампас*,

шлепанец, мокасин, унт, рельс, клипс. Для других предписывается женский род: *координата, туфля, тапочка, манжета, сандалета, штиблета, эполета, босоножка, тапка, тапочка, туфля.*

Варианты по мужскому роду типа *тапок, тапочек, туфель* считаются за пределами нормы. Тем не менее, сами усилия нормативных словарей навести здесь порядок и современная практика свидетельствуют об употребительности так называемых неправильных форм. Например, у той же Дины Рубиной: *...Он хватает любую подвернувшуюся вещь – чей-то тапочек, туфель, носок – и мчится по квартире...* (Д. Рубина. Я и ты под персиковыми облаками).

Существенные расхождения наблюдаются между рекомендациями основных нормативных словарей (например, «Грамматического словаря», «Орфоэпического словаря», «Краткого словаря трудностей» Н. А. Еськовой). А это сигнализирует о сложности теоретического осмысления данного явления.

3. Анализ материала показывает, что основную часть среди «реально существующих» родовариантных существительных составляют так называемые потенциальные плюративы. Это слова, обозначающие совокупную множественность или парные предметы – слова, которые преимущественно употребляются в форме множественного числа.

В лексикографической практике такие существительные принято давать в форме множественного числа, но, в отличие от «настоящих» плюративов, с указанием рода. «Грамматический словарь русского языка» отмечает при этом вариантность рода следующих существительных: *спазмы ж//м, соты м//ж, перетопки м//ж* (остатки от вытопки), *оттопки м//ж, вытопки м//ж, выварки м//ж* (остатки от варки), *выгарки м//ж* (остатки от горения), *выжарки м//ж* (остатки от жарки), *сметки м//ж, обмолотки м//ж, вымолотки м//ж, портки м//ж, порточки м//ж, ставни м//ж; гренки от гренок, грени от гренок.*

В непринужденной речи список варьирующихся в роде существительных намного шире. По нашим наблюдениям, в единственном числе могут изменяться по женскому роду также следующие потенциальные плюративы мужского рода: *кеды м, аденоиды м, флюиды м, витамины м, лампы м, пейсы м, рельсы м, аксельбанты м, пуанты м, боты м, ботфорты м, глисты м, шлепанцы м, мокасины м, сандалии м, чёсанки м, валенки м, экивоки м, опорки м, ошметки м, шаши м, бронхи м.* Могут изменяться по мужскому роду следующие потенциальные плюративы женского рода:

фалды ж, гланды ж, бакенбарды ж, зразы ж, бахилы ж, постóлы ж, манеры ж, гетры ж, клипсы ж, бутсы ж, координаты ж, манжеты ж, сандалеты ж, штиблеты ж, эполеты ж, босоножки ж, пострóмки ж, тапки ж, танкетки ж, балетки ж, пинетки ж, тапочки ж, туфли ж, пантуфли ж.

Этот список можно дополнить варьирующимися в роде существительными, которые в словарях обычно приводятся в форме единственного числа. Но употребляются они преимущественно во множественном числе. «Грамматический словарь вариантов» отмечает следующие родовые пары такого типа: *абрикоса* (прост.), *аневризм* (разг.) и *аневризма* (мед.), *арабеска* и *арабеск* (реже), *артишок* и *артишока* (устар.), *баклажан* и *баклажана* (устар.), *банкнот* и *банкнота* (фин.), *бацилла* и *бацилл* (устар.), *бланк* и *бланка* (устар.), *ботинок* и *ботинка* (разг.), *браслет* и *браслета* (реже), *брызга* и *брызг* (реже), *высадок* и *высадка*, *высевка* и *высевок* (обл.), *георгин* и *георгина* (редко и спец.), *друз* и *друза*, *заработок* и *заработка* (устар.), *застенок* и *застенка* (устар.), *заусенец* и *заусеница* (реже), *идиома* и *идиом* (устар.), *канделябр* и *канделябра* (устар.), *клавиш* и *клавиша* (чаще), *компонент* и *компонента* (редко и спец.), *парафраз* и *парафраза*, *помидор* и *помидора* (разг.), *скирд* и *скирда* (чаще), *унт* и *унта́*, *шпрот* и *шпрота*. Этот список, нам представляется, можно дополнить вариантами *лангуста* и *лангуст*, *мангуста* и *мангуст* (устар.), *морфа* и *морф*, *алломорфа* и *алломорф*, *шпорца* и *шпорец* и нек. др.

4. На наш взгляд, родовая вариантность рассматриваемого типа связана с исходной словоформой имени существительного. Однако в качестве исходной словоформы здесь выступает не И. ед., а словоформа множественного числа.

При изменении по числам исходной (мотивирующей) обычно является форма ед. числа. Понятие регулярности числовых форм существительных состоит в соответствии словоизменительных моделей мн. числа модели ед. числа. Однако у части существительных направление мотивации числовых форм обратное. У существительных со значением парности и – шире – совокупной нерасчлененной множественности форма мн. числа исторически утратила словоизменительную зависимость от соотносительной формы ед. числа. Так, не являются регулярными по отношению к формам ед. числа *плечо*, *колено* современные формы мн. числа *плечи*, *колени* (ср.: *село* → *села*). Регуляризация отношений между числовыми формами у таких существительных направлена от мн. числа как исходной формы к ед. числу. В русских диалектах отмечены формы:

И. ед. *очь*, производная от И. мн. *очи*; И. ед. *плечь*, производная от И. мн. *плечи*; И. ед. *холопь*, производная от И. мн. *холопи* и др. (подробнее см.: Шульга 2003: 261–264).

Таким образом, при сохраняющейся мотивированности формами ед. числа форм дистрибутивной множественности, формы совокупной, нерасчлененной множественности (парности) могут себя проявлять как независимые от ед. числа; а в наиболее ярких проявлениях этой тенденции – как мотивирующие формы ед. числа:

ед. → мн. дистрибутивное,

ед. ← мн. совокупное, нерасчлененное.

Этот факт иллюстрируется, в частности, отношениями в кругу семантически разошедшихся образований: мн. число *колена*, мотивированное И. ед. *колено* «род, поколение», в значении дистрибутивной множественности; мн. число *колени* «суставы» в парном значении и *коленья* «сочлененья» в значении нерасчлененной множественности. Формы *колени* и *коленья* нерегулярны по отношению к форме ед. числа (не мотивированы ед. числом).

Данное явление характерно для разных славянских языков, возможно, для славянских языков в целом. Впервые обратил внимание на этот факт академик Л. А. Булаховский. На 4 Международном съезде славистов (1958) Л. А. Булаховский приводил подобные факты из разных славянских языков, в том числе из западнославянских и южнославянских. Например, в литературном сербском языке от *око* только в прямом значении сохраняются своеобразные по отношению к ед. числу формы *очи* (им.-вин.), *очију* (род.), *очима* (дат.-тв.-мест.). Но в переносных значениях («пролет на мосту», «отделение в амбаре» и под.) множественное число мотивировано единственным и образуется по регулярному типу – мн. *ока*, а также *уха* (им.-вин.) от *ухо* в значении «ушко», «ручка».

Представление об И. мн. как об исходной словоформе позволяет, как нам кажется, объяснить довольно широкий круг фактов и за пределами парности. Специфические, не соотносительные с И. ед., флексии имеют слова *крестьяне*, *соседи*, *черти*, *цыгане*, *хозяева* и др., употребляющиеся преимущественно во мн. числе. Подобные формы могут мотивировать, с одной стороны, формы косвенных падежей мн. числа (*соседей*, *чертей*, *хозяев*). С другой стороны, тексты отражают возможность образования форм ед. числа, производных от мн. числа. Ср.: истиньнии *хрьстьянь* Изб 1073, 33); у Пушкина – И. ед. *мусульман*.

Потенциальные плюративы часто характеризуются нулевой флексией в Р. мн., поскольку для них не важно совпадение Р. мн. с формой И. ед.: *нет рельс, носок, чулок*. Если при этом у существительного имеется переносное (не парное) значение, то в этом значении употребляется регулярная по отношению к ед. числу флексия *-ов*, ср.: *нет чулок, но синих чулков*.

Индукция мн. числа обнаруживается и на других уровнях системы, в частности, в акцентуации. Например, заимствовано из мн. числа и распространилось в XIX в. ударение *гРАжданин, христиАнин*, совр. *крестьЯнин* (ср.: *гРАждане, христиАне, крестьЯне*); *колесО* из старого И. мн. *колесА*; укр. *копитО* (мн. *копытА*); укр. *ніготь, кіготь лікоть* в соответствии со мн. числом *нігті, кігті, лікті* – [и] на месте фонетически закономерного в ед. числе [о]; укр. И. ед. *знаменО, стрепенО* и др.

В разнообразных проявлениях индукции форм множественного на формы единственного у слов со значением совокупной, нерасчлененной множественности нам видится процесс регуляризации формальных отношений между множественным и единственным числом, имеющий направление от формы мн. числа как мотивирующей (исходной) к форме ед. числа – мотивированной. При этом мы исходим из того, что в славянском склонении сформировалась важная структурная инновация: направление мотивации числовых форм регулируется в зависимости от грамматической семантики числовых форм конкретного имени.

5. К этому типу явлений, нам представляется, можно добавить и предпосылки для изменения рода и склонения у имен существительных со значением совокупной, нерасчлененной множественности: *клавиш* и *клавиша*, *глист* и *глиста*; такого же типа колебания у названий парных предметов: *ставень* и *ставня*, *рельс* и *рельса*, *туфля* и *туфель* и другие.

В системе языка формы мн. числа на *-и/-ы* соотносительны как с мужским, так и с женским родом: *столы, страны*. Это открывает перспективу для вариантности рода при обратной мотивации: от *ставни* возможно образовать как *ставня*, так и *ставень*.

Таким образом, вариантность родовых форм изменяемых существительных в системе русского языка в значительной мере обусловлена формальной структурой слова, его исходной словоформой. Из этого следуют некоторые общие выводы о структуре русских падежных и родовых оппозиций: об особой роли исходной словоформы в системе форм имени; о неохарактеризованности по роду парадигмы множественного числа

в целом; о формальном (основанном на формах склонения) характере родовых оппозиций в русском языке у неличных существительных.

Использованная литература

- Булаховский, Л. А.: *Вопросы индукции грамматических чисел в славянской морфологии*. In.: Славянская филология: IV Международный съезд славистов. Сборник статей. 1. М., 1958.
- Граудина, Л. К., Ицкович, В. А., Катлинская, Л. П.: *Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов*. Изд. 2-е, испр. И доп. М., 2001.
- Еськова, Н. А. *Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение*. М., 1994.
- Зализняк, А. А.: *Грамматический словарь русского языка*. Изд. 4-е. М., 2003.
- Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение грамматические формы. М., 1983.
- Шульга, М. В.: *Развитие морфологической системы имени в русском языке*. М., 2003.

Key words:

Nouns, initial word form, plural, alternativeness of gender, direction of motivation, system of language, usage and norm

Summary

Cases of alternativeness of gender and declination at impersonal nouns in Russian Are considered. The role of an initial word form in occurrence of patrimonial alternativeness is analyzed. Arguments in favour of those Slavic languages as the initial (motivating) form at nouns with value of paired relationship or cumulative plurality the form of plural can act are resulted.

К РУССКИМ ЮРИДИЧЕСКИМ ТЕКСТАМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ

Люция Юнкова, Чешская Республика, Оломоуц

Язык является самым обыкновенным средством выражения правовой информации. Юридические тексты – одни из важнейших с точки зрения общественного значения тексты, так как они определяют права и обязанности членов общества, правила их поведения, а также санкции при нарушении данных правил. Язык, используемый в текстах правовых норм, называется *юридическим языком*.

М. Томашек¹ определяет юридический язык как *научный язык*, на котором записываются и распространяются юридические тексты. Его главная функция заключается в обеспечении коммуникации в области права как нормативной системы. По мнению М. Томашека, юридический язык является частью литературного языка, он основан на подборе соответствующих языковых средств и их организации. Однако разные авторы относят юридический язык к разным функциональным стилям. По Е. В. Закаблуковскому² юридический язык – один из вариантов официально-делового стиля. Закаблуковский выделяет специальный *законодательный стиль*, т. е. *«литературный стиль, присущий правовым актам как письменным литературным произведениям»*.

По нашему мнению, в юридических текстах проявляются черты обоих вышеназванных функциональных стилей, так как требования к ним в значительной мере совпадают как в области используемого словарного запаса, так в области морфологии или синтаксиса. В нашей статье мы постараемся продемонстрировать применение языковых средств научного и официально-делового стилей в русских юридических текстах, причём русскими юридическими текстами в нашем случае подразумеваются тексты правовых норм.

¹ Tomášek, M.: *Překlad v právní praxi*. Linde, Praha 2003.

² Закаблуковский, Е. В.: *Юридическая техника и язык права (на примере правовых актов органов государственной власти Нижегородской области)*. <http://zachet.com.ru>

1 Словарный запас

- **юридическая терминология** – термины являются неотъемлемой частью научных текстов, составляют до 20 % текста. Юридические термины представляют собой результат правовой оценки общественных явлений, объединяют в себе знание определяемых явлений и нормообразующей деятельности. Юридическая терминология очень пёстрая, включает в себя термины исключительно юридические (*общее имущество супругов, крайняя необходимость*), а также понятия из общей основы литературного языка, значение которых или совпадает с первичным их значением (*брак, семья*), или от него более или менее отличается (*поручитель* – вексельное право).
- **языковые штампы и клише**, т. е. стандартизированные обороты, вступающие в юридические тексты как целостные и устойчивые. В текстах правовых норм языковые штампы можно найти в тех их частях, в которых определяются срок и условия действительности правовой нормы, а также её правовое обоснование с указанием на связанные правовые нормы.

ВВЕСТИ В ДЕЙСТВИЕ С ...: *ввести в действие настоящий Кодекс с 1 марта 1996 года; настоящий Кодекс вводится в действие с 1 февраля 2002 года.*

ВСТУПИТЬ В СИЛУ С ...: *настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования; брачный договор ... вступает в силу со дня государственной регистрации заключения брака; коллективный договор ... вступает в силу со дня подписания его сторонами либо со дня, установленного коллективным договором*

ПРИЗНАТЬ УТРАТИВШИМ СИЛУ С ...: *признать утратившими силу с 1 марта 1996 года: ...*

НА ОСНОВАНИИ И ВО ИСПОЛНЕНИЕ ...: *на основании и во исполнение настоящего Кодекса ...*

ПО ИСТЕЧЕНИИ МЕСЯЦА СО ДНЯ ПОДАЧИ ...: *..., по истечении месяца со дня подачи ими заявления в органы записи актов гражданского состояния; ... по истечении месяца со дня подачи заявления о расторжении брака со дня вступления в законную силу решения суда о ...: суд обязан в течение трех дней со дня вступления в законную силу решения суда о признании брака недействительным направить выписку ...; суд обязан*

в течение трех дней со дня вступления в законную силу решения суда об ограничении родительских прав направить выписку ...

2 Морфология

- **пассивные и безличные конструкции** – подчёркивают безличный характер правовых документов и их долженствующе-предписывающий характер. Поэтому в юридических текстах не наблюдаются глагольные формы в 1 и 2 лице единственного и множественного числа. Преобладают пассивные конструкции, именно в тех частях, в которых указываются запрещения или приказания. В пассивных конструкциях встречается транспозиция глагольного наклонения – приказания и запрещения выражаются индикативом, т. е. индикатив может выполнять функцию императива, напр. *Брак заключается в органах записи актов гражданского состояния.*
- **вторичные предложения** – находятся на грани морфологии и синтаксиса, так как они играют важную роль в процессе построения юридических текстов. С их помощью достигается конденсация высказывания, а также его большей точности и логичности, так как они способны выражать самые разные типы отношений между регулируемыми явлениями.
 - а) **причины** – в РЕЗУЛЬТАТЕ: ... *в результате принуждения, обмана, заблуждения или невозможности ...; ... в результате применения этих методов ...*
 - б) **цели** – в ЦЕЛЯХ: ... *в целях индексации размер алиментов устанавливается судом в твердой денежной сумме ...; ... в целях подбора и передачи детей на усыновление ...*
 - в) **уступки** – НЕСМОТря НА: *несмотря на отсутствие у него возражений, ...*
 - г) **образа действия** – НА ОСНОВАНИИ: ... *на основании нотариально удостоверенного соглашения об уплате алиментов ...*
 - д) **учитывания** – в СООТВЕТСТВИИ С: ... *в соответствии с принципами добровольности брачного союза ...; ... в соответствии с пунктом 2 настоящей статьи ...*
 - **исходя из:** ... *исходя из* общих начал или принципов семейного или гражданского права ...; ... *исходя из* максимально возможного сохранения ребенку прежнего уровня его обеспечения ...

- е) **исключения** – за ИСКЛЮЧЕНИЕМ (СЛУЧАЕВ): ... *за исключением случаев, когда это противоречит его интересам ...*; ... *за исключением случаев уплаты алиментов не совершеннолетних детей ...*

Часто употребляемыми являются непроизводные предлоги в сочетании с отглагольными существительными, выражающие чаще всего условные или временные отношения, напр. *при рассмотрении, при вступлении в, при отсутствии, при наличии* и т. д.

3 Синтаксис

- **использование полупредложных конструкций как средства синтаксической конденсации**, которыми выступают отглагольные имена прилагательные и существительные и деепричастия. Они позволяют создать более компактное целое, насыщенное информацией. В отличие от отглагольных прилагательных, которые встречаются в русских юридических текстах очень часто и позволяют избегать определительных придаточных предложений, деепричастия наблюдаются существенно реже, в рассматриваемом нами тексте лишь в одном случае (*Суд вправе отложить разбирательство дела, **назначив** супругам срок примирения в пределах 3 месяцев*). Часто употребляемыми являются отглагольные имена существительные, которые чаще всего выполняют функцию обстоятельства времени или условия. В отличие от чешского языка русский язык не избегает накапливания отглагольных существительных в рамках одного предложения – *При рассмотрении дела о расторжении брака **при отсутствии согласия** одного из супругов на расторжение брака суд вправе принять меры **к примирению** супругов*.
- **обмыкание в рамках согласованного и несогласованного определения** – выполняет ту же самую функцию, как полупредложные конструкции, т. е., ведёт к конденсации высказывания. Выгоды обмыкания в процессе построения русских юридических текстов можно продемонстрировать на следующем примере: *Суд может отказать в иске **о признании недействительным брака, заключённого с лицом, не достигшим брачного возраста,** X При вынесении решения **о признании брака недействительным** суд вправе признать за супругом, права которого нарушены*
- **сложная структура предложений** – в текстах правовых норм преобладают длинные предложения со сложной структурой над простыми

предложениями. Самыми типичными считаются условные придаточные предложения, что соответствует традиционной структуре правовой нормы, выражающей условие «если (гипотеза), то (диспозиция)». В начале условных придаточных стоит союз *если* или *в случае, если* в сочетании с индикативом, напр.

Если родители не могут прийти к соглашению, спор разрешается судом с участием органа опеки и попечительства по требованию родителей.

В случае, если отсутствует соглашение между супругами по вопросам указанным в пункте 1 настоящей статьи ...

Условные отношения можно выразить и другими лексическими средствами:

В случае явки супруга, объявленного судом умершим, ... брак может быть восстановлен ...; Муж не имеет права без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время ...; При взаимном согласии на расторжение брака супругов ...; При отсутствии соглашения между родителями относительно имени или фамилии ребёнка ...

- **дефиниции** – дают точное определение понятий, являющихся объектом правового регулирования, а также субъектов, вступающих в правовые отношения. В области права встречаются главным образом законные дефиниции – в текстах правовых норм, а также дефиниции, создаваемые jurisprudence и органами, применяющими право – судами и т. п. В правовых нормах используются дефиниции разной структуры: **Работник** – физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с работодателем. Преступлением **признаётся** виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания. Сторонами социального партнёрства **являются** работники и работодатели в лице уполномоченных в установленном порядке представителей.

Графическое оформление текста правовой нормы, которое является обязательным и унифицированным для всех правовых норм, способствует большей наглядности правовой нормы, а также лучшему её истолкованию. Структурными элементами содержательной части правовой нормы могут быть часть, раздел, подраздел, глава, параграф, статья, пункт статьи, подпункт и абзац, применяется также нумерация. *Гражданский кодекс РФ – Часть 1 – Раздел I. Общие положения – Подраздел 1. Основные*

положения - Глава 1. Гражданское законодательство - Статья 1. Основные начала гражданского законодательства - Пункт 1.-3.

Из вышеуказанного вытекает, что языковые средства в русских юридических текстах существенно не отличаются от языковых средств других типов научных текстов. Языковые средства юридических текстов можно считать устойчивыми и стандартизированными, что обусловлено их общественным значением, а также тенденцией к ясности, точности и объективности. Однако, это не означает, что система языковых средств юридического языка совершенно неизменяема. Она изменяется, но по сравнению с другими пластами литературного языка данные изменения происходят медленнее и всегда должны быть оправданными. Большие изменения наблюдаются в области словарного запаса в связи с проникновением в русский язык иностранных слов в результате общественных преобразований, происходящих в России с начала 90-х годов. Одной из задач нашего дальнейшего исследования является установить, насколько интенсивны данные изменения и в какой области права они проявляются больше.

Использованная литература

- Bečka, J. V.: *Česká stylistika*. Academia, Praha 1982.
- Csiriková, M., Koničková, N.: *Česko-ruský právníký slovník*. Linde, Praha 2002.
- Csiriková, M., Koničková, N.: *Rusko-český právníký slovník*. Linde, Praha 2002.
- Grepl, M. a kol.: *Příruční mluvnice češtiny*. Nakladatelství Lidové noviny, Praha 1996.
- Гражданский кодекс РФ, Семейный кодекс РФ, Трудовой кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ
- Knapp, V. a kol.: *Právo a informace*. Academia, Praha 1988.
- Lotko, E.: *Slovník lingvistických termínů pro filology*. Univerzita Palackého Olomouc, 2003.
- Man, O.: *Jazykové šablony v odborném stylu*. In: Acta Universitatis Carolinae, Philologica 4-5. Slavica Pragensia XI, 1969, s. 103-111.
- Tomášek, M.: *Překlad v právní praxi*. Linde, Praha 2003.
- Закаблукровский, Е. В.: *Юридическая техника и язык права (на примере правовых актов органов государственной власти Нижегородской области)*, <http://zachet.com.ru>

Key words:

Legal documents, language of legal documents, literary language, functional style, legal terminology, legal definitions, syntactic condensation, graphic layout of the text, objectivity, exactness

Summary

Legal language is the most usual means of conveying legal information, i. e. imposing of obligations and conferring of rights. Considering the social relevance of legal documents they belong to the most important texts. While composing a legal document, special attention should be paid to the demands voiced in regards their quality such as objectivity, exactness or accuracy, which should exclude any opportunity for misinterpretation. The language of legal documents differs from the language of other types of texts in syntax, morphology as well as on the lexical level. Although largely standardized, the language of legal documents is not utterly unchangable – changes take place in connection with political, social and economic development of the society.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLIV

(ZA ROK 2005)

1. část

Výkonný redaktor: doc. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.

Odpovědný redaktor: Mgr. Jana Kreiselová

Technický redaktor: Jitka Bednaříková

Publikace neprošla ve vydavatelství jazykovou redakcí.

Vydala a vytiskla Univerzita Palackého v Olomouci,

Křížkovského 8, 771 47 Olomouc

www.upol.cz/vup

e-mail: vup@upol.cz

Olomouc 2006

1. vydání

Ediční řada - *Sborníky*

ISBN 80-244-1313-2

ISSN 0139-9268